

Книжная серия

*«Будаговская библиотека» — совместный проект
Издательского Дома «СИБИРСКАЯ ГОРНИЦА»
и благотворительного фонда
«Мемориальный комплекс маршала А.И. Покрышкина»*

ПО СТАРЫМ ДОРОГАМ

*Западная Сибирь в исторических исследованиях
и путевых записках XVIII – XIX – начала XX в.*

СИБИРСКАЯ ГОРНИЦА

2009

ББК 63.3(2)6-7

П 41

По старым дорогам . Зап. Сибирь в исторических исследованиях и путевых записках XVIII – XIX – начала XX в. — Новосибирск : Издат. Дом «Сибирская горница». — 2009. — 264 с.

С.М. Середонин

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЗАВОЕВАНИЯ АЗИАТСКОЙ РОССИИ

I. Расселение восточных славян в Европейской России. Новгородская колонизация. Югра

 глухих местах теперешней Западной России, на пространстве между Карпатами и Днепром, искони жило славянское племя, восточную ветвь которого составляет русский народ. Когда в IV в. по Р.Х. наступила эпоха великого переселения народов, т.е. когда целый ряд народов неудержимо потянулся с севера на юг и с востока на запад, тогда двинулось и славянское племя. Отдельным народам этого племени удалось занять место к западу и к югу от своей лесистой и болотистой древней родины; им удалось устроиться там, где они хотели, куда они стремились.

Для восточной ветви славян, т.е. для русского народа, в Западной Европе места уже не нашлось: после ряда попыток или пробиться вслед за своими соплеменниками или сосредоточиться в юго-западном углу теперешней России, у Карпат, нижнего Дуная и Чер-

ного моря, русскому народу пришлось начать обратное движение, в направлении северо-восточном. Так, с VII века началось явление, значительнейшее в нашем прошлом, конечным результатом которого было образование нынешней громадной территории Русского государства. С седьмого по семнадцатый век русский народ прошел пространство от теперешней Бессарабии до Камчатки. Временами, — иногда в продолжение нескольких веков, — движение это приостанавливалось, почти затихало, но с тем, чтобы потом возобновиться с удвоенной силой.

На длинном и долгом пути своем русскому народу пришлось иметь дело преимущественно с двумя народностями, родственными между собой, но чуждыми славянам: племенами финскими и племенами тюрко-татарскими. По происхождению своему обе эти народности входят в большую урало-алтайскую группу, противоположную индоевропейским народам.

Отношение русских к обеим народностям было неодинаково.

Финский народ, разбитый на много отдельных маленьких племен, живший в необозримых лесах от р. Оки до р. Оби, занимавшийся звероловством и рыболовством, никогда и нигде не мог оказать значительного сопротивления русским. Завладение огромным лесным пространством, занятым финскими племенами, не обошлось без борьбы, без крови; были и временные неудачи, но они только задерживали, замедляли движение русских в северо-восточном направлении. Иное дело — племена тюрко-татарские; с VII в. до половины XVI века наступление и победа оставались за тюрко-татарскими племенами: их натиск заставил восточных славян оставить берега Черного моря и потянуться к

северу; не удалось даже в X–XI веках русскому народу устроиться в Среднем Поднепровье, несмотря на помощь и отвагу скандинавских князей и их потомков. К XIII в. массы русского народа сосредоточиваются, главным образом, в области реки Оки и Средней Волги.

Три века (XIII–XV) прожило здесь великорусское племя, как бы забыв свои любовь и способность к передвижению. За этот сравнительно долгий период сложилась и окрепла великорусская народность; страна, бывшая финской, сделалась русской, и теперь только имена бесчисленных рек, речек, озер и болот напоминают о проживавших когда-то финнах, чуди. Здесь великорусская народность выработала себе крепкую организацию — Московское государство, — короче говоря, скопила силы и энергию, — и в конце XV в. свергла татарское иго. Взятие Грозным Казани (1552 г.) стало эрой новых отношений между русскими и татарами, даже более того: между мирами христианским и мусульманским. Тогда же русский народ получил возможность двинуться из того сравнительно небольшого пространства, в котором он прожил три века, и пред ним открылись благодатные черноземные степи, лежащие к югу от нынешних Рязанской и Орловской губерний, открылось все Поволжье вниз от Нижнего, открылся свободный путь и прямо на восток, в Прикамские места, к Камени или Земному Поясу, как тогда называли Уральский хребет.

Сюда, все в том же северо-восточном направлении, давно уже манило русских. Неверно было бы думать, что русские двигались сюда только потому, что встречали здесь слабое сопротивление; были и положительные причины такого движения. Во-первых, тогдашний земледелец не засиживался долго на одном месте. Истоцив

в два-три года девственную почву, очищенную часто огнем от леса, он бросал старую пашню, искал и легко находил новую. Из деревни выходил «починок», починок не успевал вырасти в деревню, как уже возникали новые выселки. Во-вторых, и главное, — далекие леса скрывали драгоценнейший предмет тех времен — пушных зверей, их дорогие меха. С того времени, как Русь втянута была в международный торговый оборот, с того времени, как русские стали покупать разные иностранные товары (арабские, византийские, ганзейские), они платили за них по преимуществу мехами. Но бобры (речные), лисицы черно-бурые, рыси, росوماхи, куницы и, главное, соболь, это золото древней Руси, довольно скоро убегали из Европейской России на восток, в сибирскую тайгу. За ними по пятам гнались русские промышленники.

В то время, как племена южные, которых история застаёт в X в. в Поднепровье, медленно, но основательно колонизировали Среднее Поволжье, торгово-промышленные новгородцы завладели огромным пространством от Финского залива к северо-востоку до Урала и даже за Урал. Характер приобретений в обоих местах был совершенно различный: днепровские славяне сделали Поволжье (до Нижнего) русской землей, новгородцы же в большинстве случаев заставили жившие к востоку от Онежского озера чудские племена только платить дань. Колонизация новгородская в значительной степени была колонизацией «начерно».

Уже в половине XI века новгородцы проникли в Заволочье, т.е. в земли, лежащие за волоком, отделявшим реки Северного океана от рек Волжского и Озерного бассейнов (волоком — несколько возвышенное, обыкновенно покрытое лесом пространство, отделяющее долину или бассейн одной реки от долины или

бассейна другой). Вскоре после этого, к началу XII в., новгородцы овладели главной артерией нового края, так называемого Поморья, — р. Северной Двиной и прочно уселись по ней (Двинская земля). С Двины они начали покорять инородческие племена вправо и влево от этой реки, и сухопутьем и на небольших ладьях они плавали по студеному морю и захватывали выгоднейшие промыслы по берегам.

Появление в Поморье новгородцев, среди финских инородцев, заставляло последних или поддаваться Господину Великому Новгороду и платить ему дань, или отступать, отходить дальше; конечно, в последнем случае новгородцы следовали за отступавшими. Так, с Северной Двины они скоро вошли в ее приток Вычегду и, поднимаясь по ней, встретили племя югру. То было некогда очень большое и сильное племя; потомками его в настоящее время являются столь не похожие друг на друга, с одной стороны, угры и венгры или мадьяры, господствующая народность в Австро-Венгрии, с другой стороны — полудикие вогулы и остяки, бродящие в низовьях р. Оби и к северо-востоку от нее.

Югра, обитавшая прежде у Среднего и Южного Урала и в долине верхнего Иртыша, ослабленная уходом главной орды в IX в. за Карпаты, постепенно оттеснялась татарами к северу и, в свою очередь, теснила самоедов, стогняя их к Северному Уралу и в тундру. Главное кочевье югорских племен было за Уралом, но некоторые югричи кочевали в XI веке по р. Вычегде, а раньше заходили и много дальше на юго-запад (от р. Вычегды).

На Вычегде же новгородцы встретили новое племя пермь (ныне пермяки), средоточием которых была Усть-Вымь, на реке Выми, большом северном притоке Вычегды, где и стояла «прокудливая береза», срубленная впослед-

твии св. Стефаном Пермским. Рекою Вымью новгородцы подошли к Ижме, большому притоку Печоры; на р. Ижме они встретили племя печору (ныне зыряне) и затем, вместе с югрою и печорою, подошли к Уралу.

Казалось бы, что Уральские горы, как естественная граница между Азией и Европой, должны были остановить новгородцев. Но этого не случилось. Урал никогда такого значения и не имел: проживавшие здесь народы (югра, самоеды, позже зыряне, татары и др.) легко переходили эти горы. И новгородцам рано стало известно несколько путей в Зауралье, проложенных, вероятно, югрой и печорой.

Правда, первое впечатление, которое Урал произвел на таких коренных жителей равнин, какими были новгородцы, было все же подавляющее; оно отразилось в летописной записи под 1096 г. (составлена, вероятно, позднее и лишь внесена переписчиками): «Суть горы, заидуче в луку моря, им же высота ако до небесе», — т.е. горы, врезывающиеся в залив моря, высотой до неба. Но, пугая высокими до небес горами, составитель тут же прибавлял другие черты, которые должны были манить к этим горам предприимчивого новгородца; в этих горах живут люди, теперь с великим шумом старающиеся «высечься» из камней и уже пробившие оконце, через которое они выторговывают железо, предлагая в обмен скору (т.е. мех). Были сказания о том, что в Югорском крае тучи иногда разряжаются не дождем или снегом, а веверицами (т.е. белками) или оленцами. Надо было стремиться в этот сказочно богатый край; и новгородцы в XII в. нередко ходят на югру, а в XIII в. уже считают «югру» своею волостью. В XIV в., первый раз под 1364 г., отмечено, что новгородцы воевали по р. Оби вверх и вниз до моря.

Итак, северо-западный угол теперешней Сибири, под именем волости Югры, покорен новгородцами. Но власть Новгорода не была достаточно закреплена, новгородцы довольствовались лишь посылкой туда даньщиков.

Кроме тяжелых путей горой в Зауралье, новгородцы знали и более легкий и скорый, но зато гораздо более опасный путь Студеным морем в Обскую губу. В так называемой корельской ладье этот путь, по свидетельству «Книги Большому Чертежу», можно было совершить морем из Архангельска до Обской губы в три недели (на Усть-Печору, Югорский шар, — т.е. пролив, отделяющий о. Вайгач от материка, — Карское море и т.д.).

Эпоху в ознакомлении нашем с Азией составило покорение Руси татарами. До этого времени на Руси точные географические сведения о востоке ограничивались течением р. Волги. Но со времени ига русским волеяневолей пришлось ознакомиться с весьма отдаленными местами Азии. Уже князь Ярослав Всеволодович — отец Александра Невского — должен был съездить на поклон к хану в Каракорум, т.е. в Забайкалье, а на нижней Волге, в степях Прикаспийских, русские отныне бывали часто. Ездили в Азию в то время и послы Римского Папы и западноевропейские путешественники. На карте 1367 г. впервые обозначен город «Сибирь»; на известной карте Фра-Мауро 1459 г. он тоже есть.

С XV в. название «Сибирская земля» начинает попадаться и в наших летописях. Любопытное сказание «о человецех незнаемых в восточной стране» ярко характеризует географические сведения о Сибири в Новгороде, в XV веке. Рассказы о далеком крае, о тамошнем населении, особенно о самоедах, облечены были в фантастичес-

кие формы, под которыми нетрудно уразуметь вполне реальные факты и тонкую наблюдательность: самоеды мангазеи, это — племя, давшее имя городу «Мангазея»; самоеды «линные», т.е. линючие, по пуп лохматые, со ртом на темени, безголовые, со ртом между плечами, замерзающие на зиму, люди, ходящие под землей, — в этих странных образах современный читатель легко узнает обитателей тундры, закутанных с головы до ног в звериные шкуры. Указание же на людей, ходящих под землей, дает основание предполагать, что новгородцы знали нечто о работах в Алтайских коях.

В XV в. сначала Заволочье, Пермь, а потом и сам Великий Новгород подпадают под власть Москвы. Гораздо более требовательный в отношении порядка, ревнивый к народному достоинству, Московский Государь не мог не видеть, что мирная жизнь в Заволочье далеко не установилась. В 1455 г. вогульский князь Асыка убил пермского епископа Питирима в Усть-Выми; после падения Новгорода немало новгородцев бежало в Заволочье, усиливая здесь русский элемент и тем самым озлобляя туземцев-инородцев, особенно воинственных вогулов. Москва решила смирить этих не очень сильных и неопасных врагов, но надоедливых и безусловно мешавших правильной жизни в крае, который приобретал для нее немалое значение.

Но вогулы, югры и остяки после нападений своих скрывались в уральские горы или в Зауралье и там оказывались недосягаемыми для Москвы. С целью их усмирения и покорения предпринят был ряд походов в Зауралье, в Югорскую землю. Походы эти — 1465, 1483, 1499 и 1500 годов — ясно обнаружили крайнюю трудность для московских войск действовать в Зауралье; Москва привлекала, сколько могла, к этой борьбе

и собаках. Но зато военные силы поморян были ниже московских. От Москвы до Югорской земли считалось 4650 верст; на севере сборным пунктом было устье р. Ижмы, откуда шли р. Печорой, дальше ее притоком Щугуром, переваливали «щелью» горы и скоро оказывались в долинах рек Сыгвы и Сосвы, в центре Югорской земли. Под этим именем в конце XV в. в Москве понимали северо-западный угол Азии; западную границу ее составлял Урал, южную — приблизительно 58 градус с. ш., северную — океан, восточная — терялась за р. Обью. В составе этой земли различали: а) Югрию в тесном смысле слова, или земли по рекам Сыгве и Сосве, с главным поселением Лапин, ныне дер. Лапина, при слиянии Сыгвы и Сосвы, б) Конду и Куду — область р. Конды, впадавшей в р. Иртыш, и в) Обдорию — низовье р. Оби. Эту землю и называли Югорской; воюя ее, иногда захватывали и Сибирь, под которой понимали область по рекам Иртышу и Оби, южнее 58 градуса с. ш., до степеней, где кочевали ногаи.

Походы второй половины XV в. ознакомили Москву с Северным Зауральем; его князьки, мелкие и крупные, признали власть Московского Государя, обязались платить дань. Походы эти позволили Москве завязать сношения с сибирскими ханами, но прямой цели — настоящего покорения Югры — не достигли, и даже не сделали власть Москвы здесь более крепкой, чем прежде была власть Новгорода. Главная причина неуспеха походов XV в., конечно, заключалась в малочисленности местного русского населения.

Как бы там ни было, однако Югорская земля была первым завоеванием Москвы в Зауралье, и с этого времени в титул Государя Московского входит «Югорский», а несколько позже «Кондийский» и «Обдорский».

II. Завоевание царства Кучума. Ермак

сполное обладание Югорской землей должно было привести рано или поздно к столкновению с Сибирью, ханством сибирских или «шибанских» татар. Орда эта выделилась при распадении Золотой Орды. Позже сибирская орда оттеснена была ногаями, кочевавшими в степях от р. Иртыша до р. Волги; она подалась к северу. Сибирские татары потеснили, в свою очередь, вогулов и остяков; часть этих племен признала власть сибирских ханов (царей) и подверглась значительному культурному и религиозному влиянию татар. Таким образом, когда одна часть вогулов и остяков признавала верховную власть Москвы, другая подчинялась татарским ханам Сибири. Столицей сибирской орды, конечно, не заслуживавшей имени «столицы», а укреплением или, еще вернее, зимовьем, стойбищем сибирских татар раньше был нынешний город Тюмень, носивший имя Чинги. Позже таким укрепленным зимовьем стал «Сибирь» или «Искер», на правом берегу р. Иртыша, при впадении р. Тобола, верстах в 16 выше теперешнего Тобольска; от имени г. «Сибири» и сама страна стала так прозываться.

Первоначально отношения сибирских ханов к Москве были скорее благожелательными. Тогда, в XV–XVI веках, татары все между собой ссорились, а значения Москвы не понимали или не предвидели.

Покорение Казани в 1552 г., затем Астрахани в 1556 г., изменило, хотя и не сразу, отношения Сибири к Москве. Сначала сибирский хан Едигер, поздравляя Грозного со взятием Казани, бил ему челом, просил принять его под высокую руку и обязывался ежегодно платить дань; конечно, при этом Едигер имел в виду полу-

читать помощь от Иоанна в борьбе с многочисленными своими врагами. Сибирские дела, казалось, должны были привлечь внимание Грозного. Только что (с 1553 года) начались оживленные и дружеские сношения Москвы с Англией; англичане, между прочим, усиленно старались найти через Московское государство дорогу в Персию, Бухару, Индию и Китай; они искали путей и морских, следуя за русскими ладьями к устьям рек Оби и Енисея, — и сушей, причем рано обратили внимание на Сибирь. Под рукой и русское правительство спешило разведать о странах и дорогах за Сибирью; к 60-м годам XVI в. относится первая русская разведочная экспедиция в Сибирь атамана Петрова, открывшая длинный ряд подобных экспедиций.

Но политика Грозного тогда уже решительно направлена была на Запад; занятый Ливонской войной, а позже опричиной, царь не мог уделить много внимания на далекую восточную окраину.

Опасения Едигера сбылись, — он был убит Кучумом, потомком Чингисхана. Энергичный Кучум стал скреплять и расширять свои владения за счет вогулов, остяков и башкиров, с запада и северо-запада окружавших его землю; западная граница Кучумовской Сибири, вероятно, лежала по эту сторону Уральского хребта, в Европейской России.

Навстречу Кучуму шла уже русская колонизация Прикамья. После покорения Казани в этот край открылся новый удобный путь — реками Волгой и Камой. Покровительствуемые Грозным знаменитые солепромышленники Строгановы энергично и успешно захватывали, с разрешения Государя, огромнейшие пространства в Прикамье. Строгановы колонизировали этот край русскими, хотя и не очень сильно; писцовая

книга Яхонтова насчитывает в их владениях не более 400 лиц тяглого класса.

В то время как Кучум раздвигал свои границы к западу от Урала — к истокам р. Уфы, навстречу ему шли Строгановы, со своей стороны перебравшиеся за Урал; на р. Сосве они нашли серебряную руду, в верховьях р. Туры — железную, начали их разрабатывать, а для упрочения новых владений просили царя Грозного пожаловать их реками Турой, Лозьвой, Тавдой и Тоболом, т.е. без малого чуть не всем Сибирским царством, в вотчину.

Строгановым предоставлены были в Пермском крае исключительные права, ввиду государственного значения их деятельности в крае: они строили и содержали городки — маленькие крепостцы, имели право держать на службе вооруженных людей и даже принимать к себе на службу разбойников-казаков.

Поэтому у Строгановых были известные отношения к волжским казакам; казаки эти прятались тогда в Самарской луке, где селения Ермаковка и Кольцовка именами своими как будто указывают, что там проживали, скрываясь от царских поимщиков, славные атаманы. По этой же луке протекает богатая солью речка Усолка; воз-

Статуя Ермака работы Антокольского

можно, что в этом заключалась вторая связь между крупными промышленниками-солеварами и волжскими казаками. Строгановы знали казаков, и казаки знали Прикамский край.

Появление казаков у Строгановых и главный поход их в Сибирь различно объясняются и в наших источниках, и в ученой литературе. Высказанные по этому поводу мнения сводятся к трем вариантам: 1) Строгановы пригласили казаков, снарядили их, помогли им людьми, не говоря уже о припасах, и отправили завоевывать Сибирь; почин похода, его план и средства к нему принадлежат Строгановым; они — видные участники, инициаторы славного дела; 2) движение казаков было задумано и выполнено казаками самими, но Строгановы проявили в нем участие, может быть, против воли своей, из страха перед большой шайкой в 540 человек, которых они и рады были выпроводить из своих мест; 3) Строгановы не принимали никакого, ни прямого, ни косвенного участия в этом деле; честь и слава его всецело принадлежат волжской вольнице, с Ермаком Тимофеевичем во главе.

В источниках можно найти основание для каждого из этих мнений; наиболее авторитетные историки (Карамзин, Соловьев) держались первого, второе защищал Иловайский; ряд исследователей (Небольсин, позже Адрианов) поддерживали последнее мнение.

Волжские казаки, с Ермаком во главе (имя «Ермак» прежде объяснялось как прозвище, значащее «котел артельный», теперь полагают, что это изменение христианского имени или «Герман», или «Ермолай», или «Ермил») — пришли к Строгановым, спасаясь от царского гнева, ибо разбой их на Волге превысили меру терпения правительства. Судя по тому, что в числе

главных сотрудников Ермака, кроме Ивана Кольцо, летописцы называют Никиту Пана и Матвея Мещеряка, можно полагать, что в составе этой вольницы было немало инородческих элементов. Всего казаков было до 540 человек. Два года они проживали во владениях Строгановых, перебираясь с места на место, грабя своих, русских и задирая инородцев. Но скоро казаки должны были убедиться, что Прикамский край — не Волга, что им, 540 человекам, кормиться здесь трудно, «казацкого хлеба» нет. Вернуться назад было невозможно, их ждали тюрьма и казнь. Но то, что они узнали об инородцах за Уралом, те сведения, которые они собрали, проживая в Строгановских вотчинах, не могли не вселить в них надежды поискать своего хлеба в богатом и нестрашном сибирском царстве. Казакам, нападавшим и на персидские и турецкие владения, не могли показаться опасными Кучумовы татары. 540 человек в этом крае представляли довольно значительную силу. Есть известия, что Строгановы прибавили от себя еще 300 человек, — хотя принять это известие без оговорки нельзя; оно заключается в Строгановской летописи, написанной человеком, близким к знаменитому Пермскому солевару.

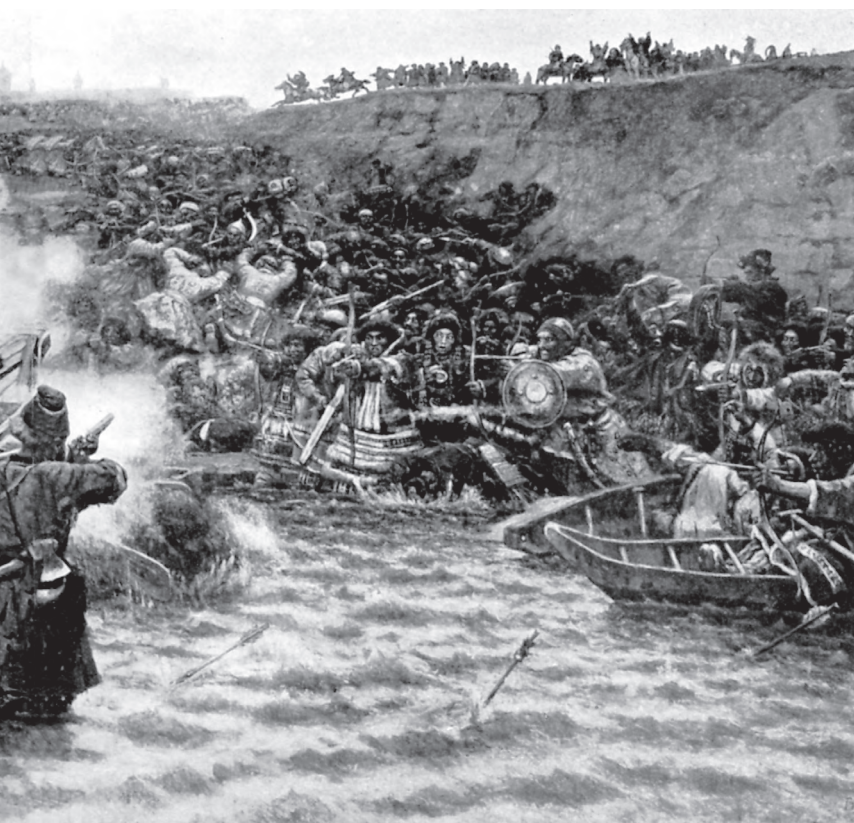
Но если даже и 540 чел. были значительной силой, то казаки, с другой стороны, не могли произвести на сибирских татар и вогулов потрясающего впечатления, вроде того, какое белолицые производили в Америке. Равным образом, и вооружение казаков не особенно пугало сибиряков; казаки вооружены были кое-как; некоторые — пищалями с огненным боем, а другие — топорами, кошками, луками. Татары и вогулы привыкли к боям с русскими, они и сами отваживались на набеги в Пермский край и на его укрепленные городки. Все

Покорение Сибири (картина В.И. Сурикова)

это в значительной степени осложняло задачу Ермака и делало его предприятие рискованным.

1 сентября 1581 г. Ермак двинулся в путь, вверх по р. Чусовой; казаки «шли» на стругах, перетаскивая их по волокам с одной речки на другую. При таких условиях отправление 1 сентября нельзя не признать поздним, а потому скорее вынужденным, чем добровольным. В верховьях р. Чусовой казаки должны были зимовать и только с наступлением весны 1582 г. переправились за Урал

и пошли по притокам р. Тагила. Так они вышли в р. Туру, где одержали победу над окрестными жителями, пытавшимися преградить им путь. Однако инородцы, идя по берегам, держали казаков в непрерывном напряжении, утомляя их частыми внезапными нападениями. Тем не менее казакам удалось добраться и взять г. Чинги, ныне Тюмень, где они зазимовали. Новая победа весной 1583 г. над кучумовцами открыла им путь в р. Тобол.

Отсюда началась самая трудная часть похода, ибо Кучум собрал главные силы и на каждом шагу

нападал на казаков. Были минуты колебания, когда являлось желание бросить задуманное предприятие и повернуть в Русь; особенно сильно заколебалась дружина Ермака, когда она по р. Тоболу достигла устья р. Тавды — Лозьвы: можно было войти в эту реку и, поднявшись ею, добраться назад до Урала. Но это было только временное колебание; решено было плыть дальше.

Медленно подвигаясь, казаки к концу осени 1583 г. доплыли до устья р. Тобола, вошли в р. Иртыш; приостановились на две недели и, по казацкому обычаю, внезапно кинулись на «столицу» Кучума — Искер, или Сибирь. 25 октября 1583 года Искер был взят. Кучум, его татары, союзники их вогулы и остяки бежали в разные стороны.

Для нас Искер — небольшое укрепление; но диким жителям края, кочевым и бродячим народцам, он представлялся грозной крепостью. Взятие его произвело сильное впечатление, и соседние князьки немедленно стали являться к Ермаку с выражением своей покорности и готовности платить дань, ясак.

Тем не менее положение казаков и Ермака было чрезвычайно тяжелое и опасное; из небольшой дружины многие пали в битве, немало умерло от тяжелых трудов, постоянного напряжения. Немногочисленные истомленные победители очутились как бы на небольшом острове, отовсюду окруженные инородцами, или вовсе не покоренными, враждебными, или поддавшимися, но готовыми кинуться на казаков при первых же признаках их неудачи.

Нельзя не удивляться той сноровке, находчивости, государственности, которую проявил Ермак Тимофеевич, вчера еще приговоренный к виселице. Обо всем

Никольская церковь в г. Омске, в которой хранилось знамя Ермака

случившемся Ермак известил прямо Москву, откуда ждал помощи, и вовсе не обращался к Строгановым. Если бы первое покорение Сибири было их делом, вероятно, было бы иначе, да и сами Строгановы поддержали бы Ермака. Пока подоспела помощь из Москвы, Ермак совершал разведки в разные стороны и покорял иногородческие племена; казаки плавали вниз по р. Иртышу, ходили по рекам Тоболу и Тавде, навстречу московским войскам, пришедшим много позже, и вверх по р. Иртышу. Московская помощь (Болховского, после его смерти — Глухова) оказалась очень незначительной. Казаки и новопришедшие войска провели трудную зиму 1584-85 гг. Весной неугомонный Ермак отправился вверх по р. Иртышу, получив известие, что к Искеру идет караван *из Бухары*, а Кучум его не пропускает. Так в самом начале выяснилась тесная и важная торговая связь Сибири со Средней Азией.

*Памятник Ермаку
в г. Тобольске*

Но эта поездка была роковой для Ермака. Завоеватель Сибири подплыл по Иртышу приблизительно до теперешнего гор. Тары и здесь погиб от мстительного Кучума (1585 г.). Остатки его дружины и войско, приведенное Болховским, вскоре после этого оставили Сибирь. В нее вернулись прежние владельцы.

Вместе с Ермаком погибла большая часть его сподвижников, но не могло погибнуть его славное дело. Первые отряды, посланные на помощь Ермаку, вернулись назад, но последующие, под начальством Сухина

и Мясного, позже Д. Чулкова, вернули Москве завоевания Ермака.

Завоевание Ермака, конечно, гораздо меньше теперешней Сибири. Покоренное им сибирское царство, это — земли по рекам: Туре, Тоболу и Иртышу от устья р. Тобола приблизительно до устья р. Тары.

III. Дальнейшие успехи России в Азии. Покорение всей Сибири от Уральских гор до Великого океана. Приамурский край. Русская Америка

 дальнейшем завоевании Сибири надо различать две главные стороны: собственно завоевание и укрепление завоеванного. Первым делом надлежало укрепиться, создать из этого отдаленного края опорный

пункт для движения вперед, если последнее окажется возможным и желательным. Завоевание «царства» сводилось пока только к тому, что несколько пунктов было захвачено, несколько основано. Но эти пункты — «города, крепостцы, зимовья, остроги» — были редкими оазисами, удаленными друг от друга, терявшимися в море инородцев, враждебно настроенных. Инородцы враждовали и между собой, но они должны были со временем соединиться, чтобы свергнуть иго пришельцев.

Превосходство русских перед инородцами было двоякое: и нравственное, и материальное. Первое заключалось в отваге, решимости, сознании успеха и в чувстве государственности, т.е., в сознании того, что за ними, русскими, пришедшими в Сибирь в небольшом числе, стоит великое государство, что они, пришельцы здесь, — капля огромного русского моря, что они русские, христиане. Материальное же превосходство заключалось прежде всего в «огненном бое»: люди с луками должны были все-таки уступать людям с огненным боем; далее, русские умели строить крепости, которых инородцы не умели «брать». Сколько раз впоследствии они поднимали бунты против русских властей, массами подступали к крепости, т.е. острогу, в котором сидело несколько десятков казаков, и отступали, ничего не сделав. Наконец, русские превосходно сумели воспользоваться водными путями Сибири, — в стругах и дощаниках они плавали по многоводным рекам Сибири и громили из своих ружей инородцев, оставаясь почти неязвимыми для их стрел.

Была еще одна черта у завоевателей Сибири XVII в., облегчавшая их дело: умение быстро и легко сходитьсь с инородцами. В нашем казачестве всегда была силь-

ная инородческая примесь; и в войске Ермака немало было волжских инородцев: мещеряков, черемисов и др. То же видим и в отрядах следующих завоевателей новых земель. Образ жизни тогдашнего казака не только был понятен инородцам, но и манил к себе наиболее сильных из них; будем помнить, что самое имя «казак» — тюркское, и первоначально казаками называлось одно из воинственнейших некогда племен Азии, — киргизы.

Первые десять лет Московское правительство занято было закреплением вновь завоеванного царства за Москвой, устройством его. Руководимое умным, опытным и сдержанным Б.Ф. Годуновым, наше правительство желало стать твердой ногой за Уралом и создать из Кучумова царства базу для распространения русского владычества в Азии. Легко было завоевать Сибирь, труднее было удержать ее за собой. Широкая водная система р. Оби и ее притоков послужила первоначальным остовом будущих русских владений, вокруг которого и стало нарастать русское население Сибири. Тюмень, Тобольск, Пелым, Березов, Обдорск и Тара — первые русские города края, построенные почти все на местах прежде бывших городков, в которых проживали инородческие князьки. Захватив реки в свои руки, свободно плавая по ним в стругах, русские держали окрестные поселения в подчинении: среднее и нижнее течение реки Оби и Иртыша было прочно нами захвачено. Самым верхним городом сначала была Тара, на которую выпала ответственная роль устраивать отношения к степнякам: ногаям, калмыкам и киргизам. Тогда же выстроены были два острога по р. Кети, восточному притоку р. Оби, верховьями своими близко подходящей к р. Енисею. Следовательно, уже тогда имелось в виду

перебраться и в бассейн этой последней реки (остроги Кетский и Маковский).

Весьма озабочено было Московское правительство устройством наилучшего, ближайшего и скорейшего пути в Сибирь. До описываемой поры известны были уже три пути через Урал в новый край, которыми и пользовались промышленники: самый северный выходил на р. Сось, средний — на р. Сыгву, приток р. Сосвы, и южный на р. Лозьву — Тавду. Но то, что удовлетворяло промышленников, не могло удовлетворить теперь государство.

Сначала пользовались южным путем, который составляли: Кама — Вишера — Уральский хребет — Лозьва — Тавда и Тобол. В верховьях р. Лозьвы и поставлен был городок Лозьва, которому предназначалось тогда блестящее будущее — быть первой судовой пристанью Сибири и главной таможней. Артемию Бабикову принадлежит честь открытия новой, значительно более близкой дороги, через Урал: от Соликамска до верховья р. Туры; новая дорога была короче лозьвинской на 8 дней пути для ямщиков; тогда (1598 г.) и был заложен г. Верхотурье на месте старого вогульского городища.

Наступившее по смерти царя Федора Иоанновича смутное время разрухи Московского государства задержало движение русских вперед. Движение продолжалось, но скорее по инерции и, главным образом, на севере Сибири, куда очень не скоро приходили вести из Москвы. Правительству того времени было не до распространения своих владений. Общая разруха как будто передавалась и во вновь завоеванную Сибирь, где не было условий, вызвавших смуту, но где инородцы не могли не заметить слабости и шатания среди своих недавних покорителей и по-своему думали использовать это настроение.

сильными тогда калмыками, джунгарами и киргизами шли через Томск.

Как только кончилось смутное время на Руси, с воцарением новой династии, возобновилось поступательное движение русских вперед на восток. В 1613 г. вступил на престол царь Михаил Федорович, а в 1645 г., когда он умирал, — несколько русских экспедиций шло уже к берегам Великого или Тихого океана. В первые годы царствования Алексея Михайловича русские одновременно обосновались на берегах рек Анадыря и Амура. Одному поколению (1613–1648 гг.) удалось пройти расстояние от р. Оби до Великого океана и покорить многочисленных инородцев: самоедов, тунгусов, якутов, бурят, дауров, коряков и пр.

Такие же огромные пространства проходили победоносно древние вожди во главе больших армий; таковы завоевания Александра Македонского, Чингисхана, Батыея. Но движение русских XVII в. в Сибирь не имеет ничего общего с такими походами. Русские двигались в Сибири небольшими отрядами; во главе их стояли редко сотники, чаще пятидесятники и десятники. Численность этих отрядов была обыкновенно в несколько десятков людей, реже несколько сотен. С четырьмя сотнями мы шли громить по р. Амуру народы, подвластные «Сыну неба», и сражаться с его войсками. Успех, несказанный успех Ермака, подарившего Государю целое царство, вскружил головы и сибирских правителей и сибирских казаков. Зоркими глазами они высматривали «новые землицы», новые уголья, и новых народов, еще не плативших ясака, так называемых «неясашных народов». Создалась особая уверенность, что каждый сибирский инородец должен платить ясак Великому Государю Московскому. Где

кончался этот мир «еще неясашных народов» — было совершенно не известно.

Особая горячка, особое чувство, похожее на чувство золотоискателей, стекающихся в места драгоценных залежей, охватило первых русских поселенцев Сибири, устюжан, вымичей и др. (особенно много было устюжан). Едва эти предприимчивые люди основывались в каком-либо «остроге» или «зимовье» на р. Енисее, они проводывали о реке Ангаре, о море Байкале; едва оказывались на последних, как до них доходили слухи о великой «захребетной» реке Лене; перевалив через хребет на Лену, узнавали о сказочных богатствах Анадырского края.

Само собой понятно, что этих людей манило не одно честолюбие, не одно желание послужить царю и родине, поднести им новые землицы и новых подданных. Самый состав экспедиций разъясняет, в чем дело. Почин обычно был не правительственный, а частный. К воеводе или голове сибирского городка, острога, является так называемый *опытовщик* и просит разрешения поискать таких-то землиц и таких-то народов. Случалось, конечно, что воеводы и сами посылали в разведки своих служилых людей. Такой опытовщик набирал себе дружину, к нему приставали охотники-промышленники, нередко инородцы; воеводы, для соблюдения казенных интересов, приставляли своих лиц; отряд был готов и двигался в путь. Дело было настолько налажено, что известны были опытовщики, имена которых были ручательством успеха, а среди промышленников бывали представители-приказчики московских гостей, т.е., на наш язык, крупный капитал участвовал в этом деле.

Самые разнообразные предметы манили, опять-таки, самых различных русских людей в далекие края.

В XVII веке их прельщало множество всякого зверя: в лесах лось, олень, медведь, всякая лисица (белая, красная, бурая, черно-бурая и т.д.), россомахи, выдры и, прежде всего, соболь; ведь у некоторых инородцев лыжи и нарты подбиты были этими драгоценными мехами! В реках сибирских: осетры, стерлядь, щука, линь, караси; в воздухе — птица: лебедь, журавли, цапли, гуси, казарки, утки разных родов, гагары, соколы, кречеты, ястребы, орлы, скопы. Ближе к морскому берегу — тюлень, морж, его драгоценные «рыбьи зубы». В степи — чернозем, глубиной в человеческий рост; это — для обитателя Поморья или московско-vlадимирского суглинка!

Помимо всего этого, едва ли не главную добычу составляли сами инородцы, которых брали в плен («ясырь») и облагали данью.

Длинной вереницей за именем Ермака следуют имена: Пояркова, Пешкова, Хабарова, Бекетова, Стадухина, Дежнева, Атласова и др. Они сделали свое дело; но как бы высоко стояла их память, если бы у них было больше знания, больше чувства меры, и как жалко погибли многие из них, подарившие России целые края!

Движение русских шло в разных направлениях к востоку. Прежде всего промышленники-поморы с замечательной энергией и предприимчивостью шли Студеным морем, т.е. Ледовитым океаном, вдоль северного берега Азии. Всем образованным людям известны попытки англичан, голландцев и других народов найти кратчайший морской путь из Европы в Великий океан, вдоль северного берега Азии и Америки. Путешествия эти составили славу народов Запада. Великая мысль о морском пути из Атлантического океана в Тихий, занимающая умы и нашего времени, впервые научно постав-

лена была русской экспедицией Беринга, открывшего пролив между Азией и Америкой, — пролив, который носит имя славного исследователя. Но значительно раньше этот путь был пройден нашими поморами. Уже первые англичане XVI в., так упорно искавшие северного морского пути из своей родины к берегам Китая и Индии, плывя по Северному океану, зачастую следовали за небольшими ладьями поморов; к своему огорчению, англичане — как и голландцы — на больших судах своих отставали от малых судов русских, которые шли гораздо ближе к берегу. На своих небольших судах поморы издавна привыкли плавать по Ледовитому океану от Мурмана до Обской губы; притом они нередко сокращали путь, не огибая морем всех выдающихся на север мысов и полуостровов, а пробирались из губы в губу при помощи многочисленных речек, т.е. местами перетаскивали суда через волоки: так, например, они не огибали Ямалского полуострова, а из Карской губы входили в р. Мутную, затем в р. Зеленую, впадающую в Обскую губу, из нее в Тазовскую губу, в р. Таз, перебирались на р. Турухан, где встретились, между прочим, с особым племенем самоедов «мокосе».

В 1600 г. до тобольского воеводы дошли слухи о необыкновенном богатстве Тазовского края соболями и о том, что русские и зырянские промышленники воровским образом берут с самоедов дань, ничего не платя в Государеву казну. Снаряженный воеводами отряд, состоявший главным образом из зырян и вымичей, добрался до р. Таза, где нашел городок, построенный русскими. Государевы люди шли по следам промышленников. Воевода на этот раз поставил городок, по имени Мангазея, на среднем течении р. Таза. Тазовская Мангазея стала новым опорным пунктом, притягивав-

шим к себе все новых и новых инородцев. Уже в 1603 г. в Мангазею доставляли ясак не только самоеды, жившие по р. Тазу, но и енисейские самоеды и тунгусы, жившие по Нижней Тунгуске. Следовательно казаки и промышленники продвинулись дальше на восток и, перейдя с Таза небольшим волоком в р. Турухан, им вышли в р. Енисей (в устье Турухана построено было зимовье «Новая Мангазея», переименованная в Туруханск).

Таким образом установлен был *прямой водный путь от Архангельска в Енисейскую губу*; на путь этот требовалось времени немного больше трех недель. Любопытно, что, по соображениям денежным, путь этот вскоре был запрещен. Мягкая рухлядь была слишком ценным товаром; известная часть мехов, особенно ценных, была «заповедным» товаром, поступавшим в царскую казну; с остальных мехов, а равно и других сибирских товаров, взыскивались пошрины в Верхотурье, где была главная таможня, в которой тщательно досматривались вещи всех отъезжавших из Сибири на Русь. Не имея возможности устроить надежную таможенную заставу на морском пути, правительство запретило ходить в Сибирь и из Сибири «легким» морским путем.

В 1607 г. казаки были на р. Пясины; здесь приостановилось движение морем вдоль берега. К востоку от устья р. Пясины далеко выдается на север полуостров Таймыр, обогнуть который русские в то время не могли. Несколько позже, в 1615 г., русские оказались на среднем Енисее. Восточный приток р. Оби, р. Кеть, привела русских к Енисею. Только небольшой трехдневный волок по «мостам» и борам отделял в то время верховья Кети от среднего Енисея.

В 1615 году тунгусы, большое сибирское племя, родственное маньчжурам, были разбиты русскими на

Енисее; часть тунгусов (те, которые жили по Нижнему Енисею и по Нижней Тунгуске) покорена была русскими раньше. Затем, в 1618 г., заложен был г. Енисейск, а с основанием г. Красноярска главная артерия края, р. Енисей, была в наших руках. Русские овладели второй речной системой нынешней Сибири. Верхнее течение Енисея им, впрочем, пока не принадлежало, и в богатый Минусинский край русские земледельцы стали проникать лишь с конца XVII в. Главное казачье и промышленное движение направилось к востоку, двигаясь по Нижней Тунгуске, Подкаменной и даже Ангаре, несмотря на ее страшные пороги. Русские узнали о великой захребетной реке Лене, о живущих там народах, особенно о народе якутах («саха», как якуты сами себя называли), у которых распространены были серебряные украшения.

На р. Лену русские вышли двумя путями: а) с Нижней Тунгуски перешли на р. Виллой и им вошли в Лену; б) пошли на разведки о Лене р. Ангарой вверх, из Ангары вошли в р. Илим, переволоклись в р. Куту и оказались в верховьях искомой Лены. Остроги Илимск, Киренск, Братский прикрывали пути на Лену, а выстроенные по ней остроги сделали «великую захребетную реку» Лену — русской рекой. Почти незаметно и третья основная речная система Сибири стала русской.

Между Леной и Енисеем оставалось еще огромное пространство, на котором промышленные люди и казаки могли найти немало народов, не плативших ясака Великому Государю. Вновь поставленный Якутский острог стал центром, откуда предпринимался ряд экспедиций, по почину частью служилых людей, частью промышленников. Промышленники, среди которых попадаются имена и московских гостей, действовавших

через своих приказчиков, нередко сами образовывали артели для разыскания «еще неясачных» инородцев; к ним затем присоединяли служилых людей, казаков, сотников, атаманов, — блюсти интересы казны.

Двадцать лет прошло с тех пор, как казаки пришли на р. Пясину; дальнейшие исследования Студеного моря как будто прекратились: тяжело было идти дальше к востоку из Енисейской губы; Таймыр образовал трудно одолимую преграду. Когда русские утвердились на р. Лене, то они получили в ней базу для новых исследований. В 1636–1639 годах енисейский десятник Буза несколько раз выходил устьем Лены в море, плавая и к востоку от него, и к западу: им открыта была р. Оленек (к западу от Лены) и реки Яна и Индога (к востоку); затем другими открыты были реки Индигирка, Алазей и Колыма. «Открыватели» извлекали из своих деяний большие выгоды; в основанных по этим рекам зимовьях толпилось немало промышленников, готовых идти дальше, искать новой добычи.

В 1646 г. из Колымы пошел на восток, в числе многих промышленников, мезенец Игнатьев, достигший Чаунской губы; Игнатьев вошел при этом в сношение с чукчами и привез много ценного «рыбьего зуба». До русских промышленников в этом отдаленном крае стали доходить слухи о р. Анадыре и ее богатствах. Тогда в Нижн. Колымске составила экспедиция, к которой для охраны интересов казны приставлены были якутские казаки, Семен Дежнев и др. В 1648 году экспедиция, имея во главе Алексева, Анкудимова, Дежнева, вышла в море в составе семи кочей; четыре коча скоро погибли, но три коча обогнули Большой Каменный Нос, который лежит «промеж сивер и полуношник» (северовосток). На Каменном Носу путники видели становье

чукчей, с которыми экспедиция имела столкновения; здесь погибли один за другим еще два коча, и только коч Дежнева долго носило бурей и вынесло за р. Анадырь. Выброшенный где-то Дежнев с 25 человеками, «холодны, голодны, наги и босы», шли десять недель до устья Анадыря; остатки партии, всего 12 человек, удачно громили разных инородцев и брали с них ясак, пока в 1650 г. на Анадырь не пришли последовательно партии Моморы и Стадухина, пробравшиеся туда сухим путем с Колымы, — через р. Ануй и горы.

Стремление русских к Анадырю понятно: Дежневу удалось найти в устье реки «каргу» (отмель), на которой собирались стада моржей и теряли там свою кость — «рыбий зуб». Поэтому в 1650 г. сразу несколько русских партий оказалось на берегу Тихого океана: одни пришли сухим путем, Дежнев — морем.

Где выбросило его ладью — спорно: по его словам, за Большим Каменным Носом. В этом «носе» некоторые исследователи видели Чукотский мыс, другие находили недоказанным это последнее обстоятельство, ибо Дежнев, не подозревавший всей важности своего подвига, мог описать такими словами мысы Чаунский, Шелагский или даже Восточный и оттуда сухим путем добраться до Анадыря. В материалах, обнародованных г. Оглоблиным, есть челобитная Дежнева, где он пишет, что, «прошед Анадырское устье судом Божиим те наши все кочи море разбило». Следовательно, он был выкинут на берег где-то в Беринговом море и был первым, который прошел морем из Северного океана в Великий: Берингов пролив можно было бы называть «Дежневым».

Так поморы XVII в. разрешили, сами того не ведая, одну из величайших задач географической науки: наука

*Крест в память Семена Дежнева, поставленный в 1910 году
близ мыса Дежнева*

разрешила ее почти сто лет спустя, после экспедиции Беринга.

Если до ленских промышленников доходили слухи о богатстве Анадырского края, то до других, плававших по р. Ангаре, и подавно доносились разговоры о великой реке Амуре. Сделан был ряд попыток с Лены перебраться на Амур. Сначала русским казалось, что это невозможно, потому что от «Байкала моря пошли пояса: камень великий и непроходной позади Лены реки» и «пошел тот камень далече в море-океан на 500 поприщ, и для того с Лены морем в Китайское государство и в великую реку Амуру проходу и проезду нет».

Но в 1643–1645 гг. Поярков со 130 казаками пошел с Лены по Алдану, Учтуру и Гонаму, переволокся через Становой хребет и р. Зеей вошел в Амур, воюя с туземцами. Поярков Амуром вышел в Охотское море, добрался до реки Ульи; ею и волоком вернулся обратно в Якутск. Однако Пояркову не удалось установить русской власти на Амуре. Честь эта принадлежит атаману Хабарову

(1649-50гг.). Рассказы Пояркова о том, что «землицы по Амуру людны и хлебны и собольны, и всякого зверя много, и хлеба родится много, и реки рыбны», побудили старого опытовщика Ерку Хабарова набрать дружину в 70 чел. и, с дозволения якутского воеводы, двинуться на Амур. Хабаров прошел иным путем: с Лены в Олекму, потом в Тунгир и волоком в Урку, приток Амура. На Амуре уже знали русских. Они шли мимо больших городов, хорошо укрепленных, но *пустых*: местные жители — дауры разбежались, скрываясь в лесах. Тогда Хабаров вернулся; в следующем году он повторил свой поход во главе более значительного отряда, с ним было до 400 чел., в том числе 170 охотников и три пушки. На этот раз дауры, уже платившие ясак Богдойскому (т.е. китайскому) царю, оказали сопротивление. Русские заняли все-таки Албазин, поставили Ачанский городок и городок на устье р. Зеи. Русские брали верх над инородцами Сибири, потому что у них был «огненный бой». Но на Амуре под Ачанск пришло маньчжурское войско, высланное богдыханом, с пушками и ружьями. Однако маньчжуры были разбиты. Так начались войны Руси с Китаем из-за обладания Амуром. Одновременно с этим русские утвердились на Байкале и в Забайкалье, покоряя себе сильное племя бурят: в 1647 г. Ив. Похабов перешел «море Байкал» по льду зимой и был в Урге; через пять лет он заложил Иркутское зимовье. Около того же времени построены Баргузин и Балаганск, несколько позже Нерчинск и Селенгинск.

Хотя Хабаров, а потом Степанов и другие отражали нападения и маньчжурских войск, но было ясно, что русские дошли до возможных пределов расширения своих владений. Воевать с Китайской империей можно было только опираясь на значительно большие силы,

чем те, которыми располагало в далекой Сибири Московское государство. Борьба между русскими и китайцами тянулась лет сорок, сосредоточиваясь около двух пунктов: Албазина и устья Зеи.

Борьба эта была кончена Нерчинским трактатом 1689 года. После долгих споров русским пришлось отказаться от Амура; границу провели по Аргуни до ее устья, а затем она шла назад по правому берегу р. Шилки, которую пересекала у р. Горбицы, и с последней шла по Яблоновому хребту до речки Удьи, впадающей в губу того же имени (Охотское море). К северу от этой линии все признавалось русским, к югу — китайским; впрочем, земли между Удьей и Амуром остались неразграниченными.

Тогда же пять монгольских тайш со своими улусами приняты были в русское подданство; они обязались ни в чем не слушать своего хана-хутухту и ничего не предпринимать без ведома царских воевод в Селенгинске; в виде дани они обязались ежегодно доставлять в Селенгинск по 50 быков и 50 баранов.

В этом углу Азии Россия столкнулась с Китаем, здесь граница ее получила некоторую устойчивость.

В последующую эпоху закончено было покорение Восточной Сибири. В 1697 г. небольшой отряд под начальством пятидесятника Атласова вступил на полуостров Камчатку и начал покорение России камчадалов. На Камчатке повторялись обычные приемы казацких завоевателей: с радостным известием о покорении новой земли и с новым ясаком Атласов отправлен был в Москву; обласканный царской милостью, он возвращался назад, но на дороге совершил обычное казачье разбойничье деяние, за которое и попал в тюрьму. Дело его продолжали другие казаки, основавшие Большо-

рецкий и Нижнекамчатский остроги. В 1706 г. камчадалы успешно подняли бунт; Атласов был выпущен из тюрьмы и отправлен усмирить бунт, принявший опасные размеры. Бунт был усмирён, но казаки, выведенные из себя жестокостью и алчностью Атласова, самовольно отрешили его от должности и посадили в тюрьму. Та же участь постигла преемников Атласова — Чирикова и Мартынова: казаки убили их всех троих. Желая загладить свои вины, они сами закончили усмирение камчадалов и заняли ближайшие Курильские острова.

Утверждение русских в Забайкалье и необходимость упорядочить торговлю с Китаем вызвали заключение в 1727 году Буринского договора. Договором этим граница России с Китаем продолжена была на запад от Аргуни: по старой китайской границе поставлены были с обеих сторон знаки, учреждены караулы и пикеты, до гор Шабин-дога на верховьях Енисея, где уже началась Джунгария, в то время независимая от Китая. Так от Енисея до Великого океана азиатская граница России получила устойчивость. Конечно, едва ли это разграничение было точным: географические сведения обеих договаривавшихся сторон были слишком недостаточны.

Исследование северного берега Азии и прилежащих островов принадлежит уже новой, преобразованной Петром I, России. Правда, значительную часть этого трудного пути прошли раньше поморы на своих кочах и каюках; но обследовать весь этот трудный путь, нанести на карту, систематизировать данные — досталось на долю морякам и ученым петровской России. В 1733 г. устроена была большая научная экспедиция под главным руководством Беринга; в ней приняли участие люди совсем другого склада сравнительно с опытов-

щиками. Экспедиция была разделена на четыре отряда: первый исследовал океан от Карского моря до Обской губы, второй — от Оби до Енисея, третий — от Енисея до устья Лены, четвертый — от Лены до Великого океана. Географические имена севера сохранят на вечные времена память о выдающихся участниках этой экспедиции: Челюскин, Минин, Овцын, Прончищев, Лаптев и, прежде всего, Беринг.

Великий океан не мог положить преграды движению русских на север: Америка слишком близко здесь подходит к Азии. Лет через 30 после экспедиции Беринга местные власти стали разведывать об островах, лежащих против Чукотского носа. Проводниками русских на этом далеком севере были чукчи, особенно полезными оказались, конечно, принявшие христианство чукчи. В 1763 году прапорщик Андреев доносит о шести островах «незнаемых», на которых жили и люди «незнаемые». Крещенные чукчи уговаривали обитателей неизвестных островов, тоже чукчей, платить ясак России; те частью согласились и дали ясака с 77 душ 69 лисиц красных, 2 куницы и 9 голубых песцов; прочие же чукчи по «неразумению своему» остались в «прежнем упорстве». Дальше стали известны новые острова, на которых жили уже не чукчи, но чукчи выменивали у них меха: куний, лисий, росомачий, рысий, волчий, выдреной, а за этими островами находилась земля, на которой были деревья в три-четыре обхвата; из-за этих лесов, за их высотой и густотой, солнце мало было видно, и много в лесах было лисиц голубых, черно-бурых и черных, а у населения много вещей красной меди; дальше была земля, где жили маленькие люди «пичуганы». На основании этих донесений командир Охотского порта полагал возможным и желательным привести под Российскую

державу все места Северной Америки до Калифорнии. Рапорт командира доведен был до Высочайшего сведения; неизвестно, как отнеслась к предложению Императрица Екатерина II. Скоро, однако, русские попали в Северную Америку. В 1766 году присоединены были к России 6 Алеутских островов. Затем сибирские купцы стали усиленно искать малоизвестные и неизвестные острова Великого океана, на которых можно было бы бить морских бобров и котиков. С большой энергией за это дело взялся Г.И. Шелехов, уроженец г. Рыльска, в молодости еще переселившийся в Сибирь. Он не раз снаряжал экспедиции к Курильским и Алеутским островам, во время одной из этих экспедиций, плившей под начальством Прибылова, открыта была и занята группа островов на Беринговом море, к северу от Алеутских островов; последние носят имя отважного русского моряка. Затем в 1784 году сам Шелехов с тремя кораблями пристал к острову Кадьяку, у берегов Аляски, построил там постоянное поселение и в следующем году перенес свою деятельность и на материк; этим он и положил начало русским владениям в Америке. Щедро награжденный Екатериной II, Шелехов до самой смерти своей продолжал в компании с другими развивать свое дело. После его смерти торговые товарищества, захватившие отдельные острова (Урун, Берингов, Атху), слились в одну Российско-Американскую компанию (1798 г.). В последующие годы компании удалось значительно расширить свою территорию; в 1804 году на о. Ситх устроено было поселение Ново-Архангельск, ставшее главным пунктом Русской Америки. В 1825 году русские владения в Америке отграничены были от британских; граница начиналась на берегу Тихого океана на $54^{\circ} 49'$ с. ш. и шла к 141° (к западу от Гринвича),

по которому подходила к Северному океану. Компании не удалось, однако, покорить все туземное население края: большое племя — колоши — осталось независимым до самого конца существования компании, отчего и быт в этом крае все время оставался полувоенным, и компания должна была содержать много редутов и укреплений. В 1867 году все владения компании, кроме Курильских островов, уступлены были Северо-Американским Соединенным Штатам.

Хотя разграничение России с Китаем произведено было таким образом уже дважды: Нерчинским (1689 г.) и Буринским (1727 г.) договорами, но значительное пространство около нижнего Амура оставалось неразграниченным; недостаточно определенно проведена была и граница на запад от Аргуни. Точное разграничение возможно лишь при хорошем знании географии края; конечно, знаний этих не было ни в 1689 г., ни в 1725–27 гг., ни позже. В 1689 г. обе стороны заняты были Албазиным и устьем р. Зеи, в 1727 г. Маймаченом и Кяхтой, самое большое — Забайкальской областью.

Отношение Монголии и Джунгарии к Китаю в XVII столетии было совсем иное, чем впоследствии. В XVII веке монгольский владыка Алтын-хан не раз изъявлял свою покорность Москве. Русские знали высокие горы, которые отделяли их от Монголии, но, судя по атласам XVIII ст., у нас не подозревали о существовании целого ряда хребтов, часто параллельных. На этих атласах рисуется обыкновенно одна горная цепь; русские знали горы ближайшие к ним, т.е. Саянские; китайцы — ближайшие к себе, Танну-ола. Судя по чертежу Ремезова, у нас полагали, что Енисей берет начало с Саянских гор и что, следовательно, все его течение принадлежит нам. В 1727 г., по всей вероятности, русские провели границу

по Саянским горам, а китайцы — по Танну-ола. Урянхайский край лежит между этими хребтами, имеет свое особое население; туда рано стали проникать русские, и с отделением Монголии от Китая Урянхайский край тяготеет к России.

Так было и с Амуром; в 1689 г. русские от него отказались; после того река и ее бассейн были нами как бы заброшены; немного внимания на Амур обращало и китайское правительство, вполне довольное, очевидно, тем, что русские ушли оттуда. В устьях Амура и по берегу Татарского пролива жили гиляки, независимые от Китая; русские промышленники, идя за зверем, спускались с Яблонового хребта по рекам, текущим в Амур, и промышляли там главным образом по Зее. В Охотском море у нас был порт Охотск.

Эта русская окраина была безусловно слабейшей и могла оставаться такой только до тех пор, пока Россия граничила с так называемыми «варварскими» странами, какими были тогда Китай и Япония. В половине XIX века обстоятельства стали изменяться; в Охотском море все чаще и все в большем числе стали появляться иностранные китобойные суда, которые истребляли китов, моржей, котиков как Берингова, так и Охотского морей; они исследовали эти моря, делали промеры; вполне возможно было, что предприимчивые англичане захватят берега, никому, кроме гиляков, не принадлежащие. Усилившееся к 50-м годам соперничество между Англией и Россией и недоброжелательство первой делали наше положение на берегах Великого океана в высшей степени опасным. И без того морские богатства ускользали из русских рук; там, где промышленники XVII века добывали «рыбий зуб», хозяйничали теперь иностранные китоловы. Но как было нам защищать Охотск

и побережье океана? По Лене войска еще можно было доставить в Якутск, оттуда же они должны были идти к Охотску труднейшим сухим путем.

Становилось совершенно ясным, что для защиты восточного побережья Сибири русские должны были овладеть Амуром, ибо только эта река в то время представляла удобный путь к побережью, путь, по которому сравнительно скоро могли быть доставлены на берега Охотского моря войска, орудия. Железных дорог тогда и в России не было, кроме Николаевской. Завладение рекой Амуром становилось политической задачей России; только при этом условии можно было считать обеспеченной далекую восточную окраину. По Нерчинскому договору точное разграничение в низовьях Амура не было произведено, оно отложено было «до будущего времени», в действительности русские промышленники занимали уже местами эти пространства; китайское правительство мало интересовалось этой окраиной.

Сибирский генерал-губернатор Н.Н. Муравьев на месте убедился в необходимости завладеть Амуром; он был уверен, что энергичными и решительными шагами Россия может это сделать, но что всякое промедление опасно. Н.Н. Муравьев, деятель чрезвычайно энергичный, употребил много усилий к тому, чтобы и министерство иностранных дел склонить к наиболее выгодному для нас толкованию Нерчинского договора; вместе с тем, Муравьев выяснил Петербургу, что только при обладании Амуром мы можем быть спокойны за тихоокеанское побережье. Русские так давно не были на Амуре, что не знали, могут ли суда входить в Амур с моря, не знали, является ли Сахалин островом или соединяется перешейком с материком.

*Н.Н. Муравьев-
Амурский*

В капитане Невельском Муравьев нашел убежденного и искусного исполнителя своих планов. В 1850 г. Невельской на транспорте «Байкал» самовольно, вопреки данной ему инструкции, вошел с моря в устье Амура, радушно принят был гиляками, просившими его защиты от своеволия иностранцев; здесь он заложил зимовье Петровское, а в 25 верстах выше поднял русский флаг во вновь устроенном посту, названном им

Николаевском; здесь он оставил 6 человек. В 1854 г. навстречу нашим морякам, с моря вышедшим в Амур, энергичный генерал-губернатор с разрешения Государя выплыл вниз по Амуру. С целой флотилией карбасов вышел Муравьев из Шилкинского завода в Амур; в Мариинском посту Муравьева встретил Невельской. Так Амур стал русской рекой от начала до конца.

*Памятник Муравьеву-
Амурскому в Хабаровске*

Экспедицией Невельского был поднят русский флаг и на побережье южнее устьев Амура — в заливе де-Кастри, бухте Императорской; тогда же занята была северная часть Сахалина. Китай протестовал; но обе стороны пришли к соглашению.

Г.И. Невельской

В 1858 г. заключен был Айгунский договор, по которому определено было: границе между обоими государствами быть по реке Амуру, так, чтобы левый берег до устья принадлежал России, а правый — до реки Уссури — Китаю. Плавание по этим рекам позволялось только судам России и Китая. Айгунский договор был дополнен Пекинским в 1860 г., по которому Китай признал за Россией Уссурийский край, т.е. земли между правым (восточным) берегом Уссури и Тихим океаном.

Занятие Амура не потребовало военной силы России, но затем предстояла трудная задача: сохранить и заселить реку протяжением в 3000 верст. Слишком трудно было устраивать в пустынной тогда стране посты и караулы; избрано было более верное и надежное средство, хотя и тяжелое: Амур заселен был казаками.

В 1875 г. договором, заключенным между Россией и Японией, последняя уступала России южную часть о. Сахалина, взамен чего Россия отдала ей Курильские острова (по Портсмутскому договору 1905 г. южная часть Сахалина вновь отошла к Японии). Так к России

Памятник адмиралу Невельскому во Владивостоке

были присоединены области Амурская и Приморская (общей площадью в 903 тыс. кв. верст).

Энергия и настойчивость Муравьева-Амурского исправили недочеты договора 1689 г.

IV. Завоевание Средне-Азиатских степей.

Борьба со степняками. Яицкие казаки.

Башкиры и калмыки. Планы Петра Великого.

Киргизы. Устройство линий

 60 лет с небольшим русские завоевали Сибирь от Уральских гор до берегов Великого океана: в 1586 г. они основали первый русский город за Уралом — Тюмень, в 1647 г. возник Охотск. Всмотревшись, однако, в границы завоеванного огромного пространства, легко заметить, что с юга новые владения были вовсе не обеспечены; на юге они, на протяжении от Уральских гор до Байкала, далеко еще не достигли твердых пределов; границы терялись в степи, где кочевали многочисленные, по преимуществу тюркские и монгольские племена, независимые, коварные, жадные, недружелюбно посматривавшие на новых пришельцев в Сибирь.

В Сибири повторялось то же явление, что и ранее к западу от Урала в Европейской России: степные поля, местами богатейший чернозем, не принадлежали народу-земледельцу, народу христианскому, а оставались во владении диких кочевников, большинство которых исповедовало ислам.

Азиатские степи могли сделаться достоянием русского народа лишь после окончательной победы над степняками. Приближалось последнее действие великой исторической драмы — борьбы Руси со степью. На неизмеримом протяжении от Финского залива до

Тихого океана русский народ сначала занял полосы тундры и леса; отныне он должен был овладеть и степной полосой.

Первым крупным шагом в этом направлении было завоевание царств Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.). Конечно, нечего было думать, что богатое Поволжье будет скоро и прочно заселено русскими. Нелегкой задачей было удержать за собой течение важнейшей реки, которая теперь вся, от верховьев до устья, стала русской. Для этого по Волге, на плесе Казань — Астрахань, поставили несколько городов в тех местах, откуда удобно было наблюдать за татарскими «перелазами», то есть препятствовать кочевникам своевольно перебираться через Волгу. Так, в 80-х и 90-х годах XVI в. на нижнем течении Волги возникли первые опорные пункты русского господства на юго-востоке: Тетюши, Самара, Саратов (первоначально на левом берегу и выше теперешнего) и Царицын; тогда же и с той же целью поставлены на р. Белой Уфа, на Каме Лаишев. Этими мерами правительство обезопасило, — относительно конечно, — проход судов по Волге и дало возможность русской торговле завязать оживленные сношения с Персией, Хивой и Бухарой; русские промышленники стали ездить на низовья Волги за рыбой и солью.

Много народа бежало в новый край; бежали те, кому тяжело жилось на родине, кому грозило наказание за преступление, кто не мог сносить тяжелых условий крепостничества, кто просто искал более широкой и вольной жизни. На Волге во второй половине XVI в. возникла та же вольная казацкая община, какие раньше возникли на Днепре и на Дону: много людей, не хотевших подчиняться условиям нового государственного уклада, бежало на Волгу, соединяясь там в вольные

общины «воровских» казаков. Слово «вор» значило тогда то же, что «государственный преступник» теперь. Казаки были противниками тогдашнего общественного и государственного строя; они промышляли разбоем, грабя русских и иностранцев, людей частных и правительственных. Тем не менее они всегда тяготели к своей бывшей родине; дорожа вольностью, казаки никогда не забывали, что они русские и православные. Ненавидя приказный строй, воюя не на живот, а на смерть с денежными, состоятельными землевладельческими классами общества, казаки помнили все же свой долг перед царем и народом русским. В то же время казаки причиняли правительству много хлопот и затруднений, не только внутри государства, но и вне его: соседние государства не признавали никогда казацкие общины самостоятельными, а считали их подданными России, действовавшими по приказаниям правительства.

Несмотря на все свои грехи, на «воровство» свое, казаки оказывались передовыми бойцами русского народа в борьбе со степью. Вольная община казаков скоро после взятия Казани сложилась и на Волге; ее излюбленным местом была Самарская лука. Но то обстоятельство, что Волга была «столбовой дорогой», помешало развитию волжского казачества; в 1577 г. шайки казаков на Волге были разгромлены. Одни из казаков ушли с Ермаком на Каму к Строгановым, а другие выбрались в Каспийское море и оттуда вошли на р. Яик — теперешний Урал — и несколько выше нынешнего Уральска поставили свой Яицкий городок, ставший центром их поселений. Так образовалось Яицкое казачество, которое после Пугачевского бунта получило имя «Уральского» казачьего войска. Так казаки стали стражей русского народа на реке, которая служит

границей между Европой и Азией, и заняли юго-восточный угол Европейской России.

Местность эта долго, до Петра Великого, оставалась как бы вне государства. Да и после Петра она составляла юго-восточную окраину России, жившую почти самостоятельной жизнью. На Яик бежало много недовольного народа; Уральское казачье войско до сих пор сохранило в своем быту и устройстве много древних, архаических форм, давно исчезнувших в других казачьих войсках; до сих пор крепка община у уральских казаков; службу они отбывают «наемкой».

Несмотря на «воровской» состав Яицкого войска, оно не разрывало сношений с Москвой. Начиная с 1591 г., мы не раз встречаем яицких казаков на службе в войсках московских государей; они только ревниво блюли свою самостоятельность.

Скоро, впрочем, после своего водворения на Яике-Урале, казаки эти были почти отрезаны от своей родины.

Пока русские победоносно и скоро шли в Азии к берегам Великого океана, азиатские степняки вовсе не считали себя побежденными, — совсем напротив. Навстречу русским двигались степью с востока на запад новые тюркские орды, на этот раз последние: калмыки. С половины XVI в. калмыки, среди которых выделились особенно роды дзунгаров и торгоутов, стали продвигаться от Алтая в западном и юго-западном направлении. Торгоуты в 1630 г. были уже на Волге; своими кочевьями они расположились между Доном и Яиком. В то же время дзунгары овладели Туркестаном. Теснимые ими киргизы приблизились к Яику и южной границе Западной Сибири. Запылали русские поселения по Ишиму, Тоболу, в уездах Тарском, Томском и Кузнец-

ком; городам пришлось здесь не раз выдерживать продолжительные осады кочевников-киргиз и, временами, соединявшихся с ними монголов. Киргизы потеснили также башкир, живших к востоку от Камы.

Половина XVII в. и начало XVIII в. ознаменовались на востоке Европейской России рядом башкирских бунтов; башкиры подступали к Уфе и даже к Казани. К счастью России, эти народы ссорились и враждовали между собой, и только порой, временами, мелькали грозные призраки возможного их объединения.

Большинство народов востока России были мусульмане или склонялись к этой вере (татары, киргизы, башкиры). Иногда между ними появлялись посланцы турецкого султана. В XVII в. уже обрисовалась роль России, как главного и опаснейшего врага магометанского мира, поэтому магометанство пыталось объединиться для более успешной борьбы с Россией. В Москве всегда с большим неудовольствием узнавали о сношениях между турками и магометанами нашего Востока.

Кочевые степняки, однако, могли причинять Московскому государству только затруднения, не больше. Калмыкам не под силу было вести борьбу с Москвой, несмотря на то, что почти все силы Москвы были обращены на запад. Калмыки подступали к Астрахани, Саратову, даже Пензе, опустошали наши окраины, но скоро должны были вступить в переговоры с Москвой и согласились служить ей; некоторые из их родов приняли даже христианство. С этого времени калмыки-торгоуты кочевали между Яиком и Доном уже с дозволения нашего правительства.

Яицкие казаки были почти отделены калмыками от остального государства. Граница русских оседлых поселений на юго-востоке была очень далеко от Яика:

границей со степью в Московском государстве была знаменитая «черта», т.е. укрепленная линия. Укрепления были искусственные (вал, крепостцы, засеки) и естественные (леса, реки). В XVI–XVII веках «черта» постепенно продвигалась к югу; одним концом своим она упиралась в Днепр, другим в Волгу. В 1630 г. правительство сочло необходимым оградить чертой и поселения за Волгой, на левом ее берегу; тогда была устроена «Закамская черта», которая начиналась на Волге против Симбирска и шла параллельно Каме к Мензелинску и Уфе, т.е. прикрывала места Бирские, Мензелинские и Уфимские. Приход калмыков и вызвал устройство этой черты; но земли дальше к юго-востоку оставались почти вне правительственного наблюдения.

Яицких казаков правительство пыталось держать в повиновении, подчинив их астраханским воеводам. Около того же 1630 г. в устьях Яика построен был острог Гурьев (позже город), где поставлен был стрелецкий гарнизон; яицкие казаки отнеслись к этому весьма недружелюбно, несколько раз нападали на новый острог и прогоняли стрельцов.

В XVII в. казачество становится грозной силой; по мере того, как усиливалась государственная власть, все большее число недовольных бежало к казакам на Дон и на Яик и на Терек. Яицкие казаки не раз выходили в Каспийское море и грабили персидские берега, чем причиняли немало хлопот правительству. Окрепнувшее государство должно было овладеть этой большой народной силой и направить ее по своему желанию.

Казаки в ответ на новые притязания государства подняли бунт, известный под названием бунта Стеньки Разина; в движении этом видное участие принимали и яицкие казаки. Победа государства над Стенькой Рази-

ным была, вместе с тем, окончательной победой над казачеством. Яицкие казаки должны были повиниться перед Государем в своих винах. Однако действительно подчинены они были власти государства лишь в эпоху Петра Великого.

В последние свои годы Император Петр обратил внимание на яицких казаков и подчинил их астраханским губернаторам и Военной Коллегии; с этого времени атаман Яицкого казачьего войска утверждался в своем достоинстве правительством.

Вообще, хотя великий преобразователь России, казалось, всецело был поглощен отношениями России к Западу, однако он никогда не упускал из виду и окраин азиатских, убежденный в том, что Россия по положению своему должна быть посредницей между Азией и Европой. Он знал, что такое посредничество сулит России большие материальные выгоды. Оттого Государь, утвердившись на берегах Балтийского моря, заботился о соединении этого моря, равно как и Черного, водными путями — каналами — с Каспийским морем. Петр Великий внимательно смотрел на Сибирь и Среднюю Азию; он отправлял посольство даже к богдыхану, с целью добиться свободной и беспоплиной торговли с Китаем (дело это, однако, не сладилось).

Когда стали приходить известия о богатстве золотом Средней Азии, Петр I, прослышав, что около города Эркети, т.е. Яркенда, добывают много песочного золота, и, постоянно нуждаясь в деньгах, решил овладеть этим богатым городом.

Выступление в Среднюю Азию Петр Великий начал с двух сторон, указав потомству два главных туда пути. Полковнику Бухгольцу он приказал двинуться с отрядом солдат вверх по р. Иртышу, на Ямыш-озеро, куда

русские и прежде ходили за солью, выстроить там крепость, перезимовать и на следующую весну идти к далекому Эркети-Яркенду. Экспедиция эта (1714–1716 гг.) кончилась не совсем удачно; Бухгольц дошел до Ямышзера, несколько южнее теперешнего города Павлодара, построил было там крепость, но идти на Яркенд не решился; мало того, он сам скоро был осажден 10 000 калмыков, и ему пришлось, разрушив Ямышевскую крепость, с уцелевшими солдатами идти на дощаниках вниз по Иртышу; на обратном пути он построил крепость Омск при впадении р. Оми в Иртыш. В 1719 г. Петр I приказал Лихареву повторить поход Бухгольца; царь приказывал добраться до озера Зайсана, построить там крепость и разведать о дорогах оттуда все к тому же Эркети. При этом Император Петр, по опыту узнавший, что такое степь, приказывал Лихареву не входить «в газард», даром людей не терять и убытку не причинять. Дойти до Яркенда не удалось и на этот раз, но ошибки Бухгольца были исправлены: Ступин и Лихарев закрепили за Россией Иртыш вверх по его течению значительно дальше Ямышевского озера. Они поставили крепости: Семипалатинск и Усть-Каменогорск, т.е. сравнительно весьма немного не дошли до озера Зайсана. Понятно, почему Петр Великий остерегал Лихарева входить «в газард». Насколько успешно было наступление в Среднюю Азию из Сибири по Иртышу, настолько неудачно оказалось наступление от Каспийского моря. Не кочевники-степняки были опасны и страшны, а сама безводная степь; наука и искусство тогда не давали еще человеку средств одолеть такие пространства, лишённые воды и растительности.

Крайне заинтересованный золотом Эркети-Яркенда, Петр I хотел найти туда и другой путь — от Каспийс-

кого моря; он приказывал найти старое устье р. Аму-Дарьи, некогда будто бы впадавшей в Каспийское море; в этом месте он наказывал построить крепость и затем двигаться дальше, придерживаясь старого русла этой реки и выведывая, нельзя ли постройкой плотин заставить реку снова течь по старому руслу. Этим путем русский отряд должен был дойти до Хивы, склонить хивинского хана к верности и подданству царю, постараться добиться таких же результатов в Бухаре, а затем пройти все к той же богатой золотом Эркети, а может быть, и в Индию.

Таков был широкий план Петра Великого; ему уже рисовался непрерывный водный путь от Каспийского моря до Индии. Вместе с тем — Император совершенно правильно оценил значение далеких ханств Хивы и Бухары для России; Петр I понял, что покорение их русской власти есть необходимое условие обладания Средне-Азиатской степью.

Начальником экспедиции был назначен князь Черкасский-Бекович; в 1716 г. он ездил из Астрахани на восточный берег Каспийского моря и на урочищах Тюк-Караган и Красные-Воды приказал строить крепости; но урочища выбраны были неудачно. В следующем 1717 г. отряд, приблизительно в 6000 человек, пошел сухим путем в Хиву; в отряде были яицкие казаки, драгуны, астраханские дворяне, татары и др. Отряд этот погиб, а начальник его, захваченный хивинцами, был ими казнен.

Еще раз оказалось, что одолеть степь не так легко, как думали; приходилось пока действовать более осторожно и медленно.

В степи продолжало быть беспокойно. В двадцатых годах XVIII столетия калмыки овладели всем Туркеста-

ном, и теснимые ими киргизы подошли было к нашим границам.

Киргизы разделялись тогда на три орды: Малую, которая кочевала к востоку от р. Урала-Яика, на пространстве теперешней Уральской области и западной половины Тургайской; Среднюю орду, занимавшую восточную половину Тургайской области и часть Акмолинской, и Большую орду, которая кочевала в северном Туркестане по рекам Сыр-Дарья, Сары-су, Чу, Или и Караталу. Хан Малой орды, бежавший к нашим границам, Абул-Хаир обратился с просьбою к Императрице Анне Иоанновне принять его орду под свою великую руку. Принял он это решение, не посоветовавшись с ордой и больше всего боясь потерять свою власть: обращение к России было делом личного расчета Абул-Хаира. Сначала озлобленные киргизы Малой орды не только отказались от присяги на верность России, но даже грозили смертью мурзе Тевкелеву, посланному нашим правительством принять от них присягу. Только искусство и умение Тевкелева придало делу благоприятный для России оборот: киргизы Малой орды принесли присягу на подданство. За ними скоро последовали и киргизы Средней орды. Так теперешние области Уральская, Тургайская и часть Акмолинской вошли в состав России.

Это привлекло внимание правительства на юго-восточные окраины и напомнило о великих замыслах Петра I. Добровольное подчинение киргизов, казалось, давало возможность осуществить планы Петра Великого и отомстить за неудачную экспедицию Бековича-Черкасского. В 1731 г. укрепили старую Закамскую линию и устроили новую, которая шла параллельно старой, но начиналась южнее, близ укрепления Алексеевского,

недалеко от Самары, и шла по р. Соку до р. Кочуй, притока Камы, через нынешний город Сергиевск.

Один из «птенцов» Петра Великого, И.К. Кириллов, обер-секретарь Сената, географ и статистик тех времен, подал интереснейшую записку о киргизах, принимавших русское подданство. Для закрепления за Россией этого края Кириллов предлагал построить на р. Ори город, который — говорил он — весьма нужен не только для одного содержания киргиз в подданстве и для закрытия за собой Башкирии, но и для «отворения с товарами пути» в Бухару и Индию. Кроме г. Ори, Кириллов предлагал построить город на Аральском озере для подчинения «рассыпанных Бухарских владений». Проект был утвержден и снаряжена Оренбургская экспедиция. Кириллов и Тевкелев, во главе значительного отряда, выступили весной 1735 г. из Уфы за р. Белую.

В устье р. Ори Кириллов заложил Оренбург, ныне Орск. (Оренбург впоследствии переведен был на другое место, сначала на Красную гору, а в 1742 г. на нынешнее его место.) Кириллов поздравил Императрицу с приобретением «новой России»: он уже видел в мечтах себя на берегах Аральского озера и настаивал на необходимости построить 45 городов между Оренбургом и Аральским озером; вместо этого ему пришлось усмирять башкирский бунт. Однако он успел устроить несколько железных и медных заводов на р. Ике. Скоро неумолимая смерть положила предел деятельности этого малоизвестного, но оригинального и деятельного ученика Петра Великого. Кириллов умер в 1737 г.

Мечты его о торговле с полуденной Азией остались мечтами, но на Оренбургский край правительство обратило серьезное внимание. Прежде всего приведена была в исполнение мысль Кириллова о «закрытии Баш-

кирии». До того времени азиатские кочевники имели легкий и свободный доступ к башкирам, а последние легко поддавались всякого рода наущениям и то и дело волновались. Преемники Кириллова, тоже, как и он, славные птенцы гнезда Петрова, Татищев и Неплюев, окончательно усмирили башкир и окружили Башкирию кольцом русских «линий».

Основной линией этого края была Оренбургская или Яицкая линия. Она начиналась от устья Яика-Урала, т.е. на Каспийском море, у г. Гурьева, и шла вверх по этой реке до города Верхнеяицкого, ныне Верхне-Уральска; здесь линия оставляла Яик и переходила у крепости Петропавловской на р. Уй, приток Тобола; дальше граница шла на восток по реке Ую через город Троицк до Усть-Уйска и затем по р. Тоболу. Всего эта линия тянулась 1780 верст.

К главной линии примыкало несколько второстепенных, устроенных ранее. От того места, где главная линия поворачивала на восток, по р. Ую, шла в северо-восточном направлении линия на р. Миасс, прикрывавшая челябинские места; затем линия шла Миассом до впадения его в р. Исеть и далее Исетью до ее впадения в р. Тобол. Исетская линия защищала Шадринский и Ялуторовский уезды.

От устья Миасса шла большая Екатеринбургская линия на запад через Шадринск к Екатеринбургу и далее через Уральские горы, Красноуфимск, Кунгур и Осу, где упиралась в Каму.

От Оренбурга шла ветвь главной линии на запад до Самары, так называемая Самарская линия.

Таким образом получался большой четырехугольник, западную сторону которого составляли реки Кама (от гор. Осы) и Волга (до гор. Самары), север-

ную сторону — Екатеринбургская линия от Осы до Усть-Миасса, восточную — р. Миасс и Яик-Урал (до устья Ори), укрепленная линиями Исетской, Уйской и Яицкой; и, наконец, южную — Оренбургская линия от Орска до Оренбурга (р. Яик) и Самарская линия. В четырехугольнике этом оказалась и Башкирия; доступ к легко волновавшимся башкирам со стороны степи был прекращен.

Но охрана линий требовала много людей; местных казаков яицких и оренбургских было недостаточно; вот почему правительство энергично стало заботиться об увеличении в этом крае русского населения.

Первые начальники края (в 1744 г. Оренбургская экспедиция переименована была уже в Оренбургскую губернию) старались усилить возможно больше число местных казаков, так как они оказались наиболее надежными сторожами русской земли в этих местах. Против хитрого, быстрого, дерзкого врага, каким были киргизы, с успехом действовали только казаки; регулярные войска — солдаты и даже драгуны — оказывались значительно слабее казаков в том крае, они не успевали преследовать крайне быстрого врага. Напротив, казак о дву-конь, с ружьем и копьём, был страшен для киргиза. Казаки выезжали за линию в степь, ставили там сторожи, места для которых окапывали рвом; они выработали ряд особых приемов, чтобы своевременно обнаруживать врагов. Служба казаков по линии была очень тяжела.

Линии означали собственно *не государственную* границу, а границу оседлых поселений; за ними начиналась степь, обитатели которой кайсак-киргизы двух орд считались подданными России. Впрочем то были беспокойные и плохие подданные, с ними постоянно

приходилось вести трудную партизанскую войну. Сделав набег или ограбив караван купцов, киргизы безнаказанно скрывались в степи.

Постепенно киргизы становились все более дерзкими. Главные соперники их в степях Средней Азии — калмыки — исчезли, покоренные во второй половине XVIII в. Китаем. Вместе с тем мусульманский мир с каждым поколением становился все в более враждебное к России положение. Ханы Хивы, Бухары и Кокана, уверившись, что Россия не в состоянии добраться до них, постоянно подстрекали киргизов на враждебные действия.

К счастью, среди киргизов происходили непрерывные внутренние раздоры; народные массы враждовали против ханов. Но местные русские власти не умели воспользоваться этими раздорами; обыкновенно они поддерживали ханов, которые с восточной хитростью сваливали затем вину усмирения с себя на русских и Россию. Более того, само тогдашнее русское правительство содействовало тому, чтобы киргизы сильнее проникались мусульманскими настроениями: со времен Екатерины II мы заботились о просвещении киргизов, рассчитывая этим путем отучить их от разбойничьей жизни, — но мы для этого отправляли в степи мулл из казанских татар, а они проповедовали ненависть к русским.

V. Покорение ханств: Хивы, Бухары и Кокана

 концу XVIII в. наша действительная граница с Средней Азией изображала собой ломаную вогнутую линию: она начиналась у Каспийского моря и шла по р. Уралу, затем по Ую до Звериноголовской,

от которой по прямой линии на Омск; от Омска граница Иртышом спускалась к самым верховьям этой реки, упираясь в Алтай. К линии примыкали менявшие свои кочевки и, скорее, только на словах признававшие власть России Малая и Средняя орды; часть этих киргизов (Букеевская орда) в начале XIX века получила позволение поселиться в пределах России.

Действительным средством для замирения этого края было бы сооружение ряда крепостей и уничтожение власти мелких ханов, т.е. подчинение киргизов русской государственной власти.

Трудно, однако, было строить города в бесплодных песчаных пространствах Средней Азии; почти невозможно было продвигать туда оседлое население. Наглядным доказательством этого служит незначительное изменение в главной линии Оренбургской: только в 1810 г. устроена была Ново-Илецкая линия, охватившая небольшой Илецкий район, а затем в 1835 г. проведена была новая линия, от Орска прямо на Троицк. Прежде линия защиты шла по р. Уралу, теперь она была проведена несколько отступя от реки, в направлении северо-восточном. Вот и все незначительные успехи русского оседлого населения в Оренбургском крае за 100 лет.

Между тем главная линия имела форму буквы «П». Если бы этот «покой» удалось замкнуть, то край стал бы русским; киргизы оказались бы так же отрезанными от внешних и неприятельных России внушений, как это раньше сделано было с башкирами.

Присматриваясь к карте, легко заметить, что основание четвертой замыкающей линии должны были составить большие реки, впадающие в Аральское море. По течению их расположены были враждебные России ханства: Хива, Бухара и Кокан. Только с покорением их

киргизский край мог сделаться русским не по имени, а в действительности.

Россия, следовательно, должна была двигаться на степь двумя путями, указанными ей Петром Великим: с одной стороны необходимо во что бы то ни стало пройти степь от Каспийского моря до Аральского озера; с другой стороны — Иртышом подойти к озерам Зайсану, Балхашу, Иссык-кулю и оттуда двигаться на запад к Аральскому озеру.

Не легкая сама по себе, задача эта осложнялась политическими отношениями России к некоторым западноевропейским державам, особенно после того, как Россия заняла преобладающее в Европе положение, благодаря славным подвигам 1812–1815 годов. России принадлежало тогда первенство среди европейских держав; они опасались, как бы Россия не заняла место Франции времен Наполеона I; поэтому, ко всякому расширению России державы относились недоброжелательно. Движение России в Азии, как Средней, так и в Дальне-Восточной, возбуждало живейшие опасения прежде всего в Англии: Англия боялась, что ее неуязвимость будет нарушена, когда русские границы подойдут к границам Индии. Англия потратила так много усилий, чтобы уничтожить Наполеона I, угрожавшего ее индийским владениям; но то, что казалось трудно осуществимой мечтой завоевателя, становилось действительной опасностью по мере новых и новых поступательных шагов России в Средней Азии. Многие препятствия на этом пути России созданы были Англией.

С начала XIX в. Россия твердой ногой становится на восточном берегу Каспийского моря. Войны наши с Персией заставили обратить внимание на туркменов, кочевавших по Атреку и Гюргеню; туркмены в 1819

году отдались под покровительство России. С этого же времени наше правительство опять энергичнее начинает действовать по отношению к киргизам. В 1822 году был утвержден выработанный сибирским генерал-губернатором Сперанским устав о сибирских киргизах. При всех неизбежных недостатках, этот устав все же ослабил среди киргизов родовое начало и власть ханов, дал народу возможность выбирать себе правителей и перенес административные пункты в глубь степей. Одновременно с этим, уже в царствование Императора Николая I, в киргизские степи стали проникать переселенцы — крестьяне из внутренних губерний и казаки с линии. Тогда же в степи поставлены города: Акмолинск (1832 г.), Кокпекты (1844 г.), Копал.

Ясным стало и другое основное положение политики нашей в Средней Азии: киргизы, как раньше калмыки, находились под сильным влиянием ханов Кокана, Хивы и Бухары. Замирить степь возможно было только путем устрашения или подчинения этих ханств, которые были дерзки с Россией и потому, что считали себя недосягаемыми, и потому, что их подстрекали к этому другие. Отсюда вытекал вывод: надо было нанести решительный удар ханствам.

К 50-м годам XIX в. русское правительство и вступило на этот путь. Еще в 1839 г. генерал Перовский пытался с 4000-м отрядом пройти из Оренбурга в Хиву; тогда это не удалось, тем более что поход предпринят был зимой. В последующие годы в степи устроены были укрепления — нынешние города — Тургай, Иргиз (оба в 1845 г.) и Раимское и Аральское в устьях Сыр-Дарьи; это позволило нам завести на Аральское озеро военные шхуны и даже пароходы, что значительно облегчало движение войск.

В 1853 г. Перовский повторил поход, и на этот раз гораздо удачнее; ему удалось завладеть значительной частью течения Сыр-Дарьи, верст на 400 вверх; взята была сильная коканская крепость Ак-мечеть, переименованная в Перовск. К 50-м годам, к концу царствования Императора Николая I, и со стороны Сибири наши владения раздвигаются до озера Балхаш, в долину р. Или и к озеру Иссык-куль.

М.М. Сперанский

Привели русских сюда киргизы. По просьбе султанов отдельных родов киргизов Средней орды правительство наше не раз посылало на помощь им отряды казаков; область непосредственного русского влияния на киргизов все расширялась и постепенно начала захватывать и киргизов Большой орды. Обстоятельство это вызвало неудовольствие и китайского правительства, так как некоторые роды киргизов Большой орды считались подданными Небесной империи, и самих киргизов, и Коканского ханства, имевшего большое влияние на этот народ. Китай, впрочем, протестовал очень слабо. В сороковых годах один из султанов Большой орды, Кенисары, сумел сплотить вокруг себя много родов этой орды; он стал героем киргизов и надеялся объединить всех киргизов в один независимый народ; мечты Кенисары находили живой отклик во многих киргизах, и деятельность его оставила глубокие следы в истории Западной Сибири и Оренбургского края. Тем не менее ему не удалось склонить на свою сторону всю Большую

орду; мало того, враждебные ему султаны, чтобы сохранить свое положение, вынуждены были обратиться к нашему правительству с просьбой — принять их в русское подданство. Император Николай I дал на это свое согласие, и летом 1846 г. пять родов Большой орды принесли присягу на подданство России. Вместе с тем отправлены были отряды к озеру Балхаш и р. Или против Кенисары. Кенисары бежал в китайские владения и там был убит. Тогда и остальные киргизы Большой орды изъявили желание принять русское подданство. В степь отправлено было несколько сот казаков с тем, чтобы они прошли всю киргизскую степь до китайских пределов. Киргизы встретили казаков, поднесли им на золотом блюде хлеб-соль и подтвердили свое желание. Казаки приказали вести себя до китайской границы и в верстах 30 от нее выбрали удобное место для города, получившего имя Копал (в 1851 г.). Несколько позже основано укрепление Верное, на месте древнего города Алматы (Яблонный). Так образовались русские владения к югу от озера Балхаш, составившие Семиреченскую область, с главной рекой Или, впадающей в Балхаш.

Выше по Или, в области Кульджи, жило очень смешанное население: дунгане, таранчи, китайцы. Там начиналось сильное брожение, которое передавалось и в наши пограничные области. Китайское правительство не сумело водворить в Кульдже спокойствия, и в 1871 г. Кульджа занята была русскими войсками. Но 10 лет спустя Россия, в целях поддержания добрососедских отношений с Китаем, вернула ему Кульджу, и лишь было установлено точное разграничение наших и китайских владений.

Понемногу в движении нашем в степь мы достигли твердой границы — Памира.

Так, к концу царствования Императора Николая I сама собой начала обозначаться *четвертая* линия, которая должна была замкнуть тот «покой», — П, внутри которого жили киргизы, теперь все подданные России. На западе эта линия шла от Каспийского моря к Аральскому и далее по реке Сыр-Дарье, где и оканчивалась фортом Перовском; на востоке — от китайской границы — она начиналась Семиречьем; оставалось соединить кордонной линией укрепление Верное с фортом Перовском, и киргизский край был бы так же отделен от внешних неприязненных России влияний, как в XVIII в. отделили Башкирию. Эту неотложную задачу и поставило себе правительство Императора Александра II с первых же лет его царствования.

Уже в Петербурге было решено начать наступление на ханства с двух сторон: от Перовска и от Верного. Но прежде, чем начаты были военные действия с нашей стороны, самое положение наше в Семиречьи подверглось большой опасности. Конечно, далекая область эта занята была малочисленным отрядом русских; опорным пунктом было «укрепление» Верное, которое почти вовсе не было укреплено. Коканцы, предвидя наступление русских, сами в 1860 году вторглись в Семиречьи и взволновали киргизов. Большой, 20-тысячный отряд коканцев осадил русский пикет Узун-агач (недалеко от Верного); на выручку нашим из Верного пошел подполк. Колпаковский (впоследствии военный губернатор Семиречья) с отрядом в 800 чел. при 6 орудиях. Несмотря на большую храбрость коканской конницы, коканцы были разбиты и бежали от Узун-агача. Победа эта укрепила наше положение в Семиречьи и внушила туземцам должное уважение к русской власти. Уже в 1864 г. нашими отрядами, под начальством вечнопа-

Император Александр II

мятных в летописях Туркестанского края М.Г. Черняева, Веревкина и Г.А. Колпаковского, взяты были города Туркестан, Чимкент и др. Линия была сомкнута и протянулась от Аральского озера до гор Алатау. Степь была пройдена. Русские твердой ногой стали в богатейшем, плодородном районе. В область прошлого отходило то время, когда войскам в экспедициях приходилось все, даже сухари, брать из Оренбурга.

Однако занятие нами новой линии не внесло еще мира в среднеазиатские степи. Ханства Хивинское, Коканское и Бухарское, жившие полуразбойничьим бытом, не оценили значения совершившихся событий и не имели еще правильного представления о силе России. Помня в прошлом немало наших неудач, азиатские кочевники приписывали их себе, своему умению и могуществу; они не хотели мириться с созданным положением и видеть около себя русские города с гарнизонами. Подстрекаемые извне, они грабили наших купцов, нападали на небольшие отряды, задерживали не только наших торговцев, но и посольства, и возбуждали туземное население взятых нами городов, подготавливая газават, войну против неверных. Их не образумили ни блестящий подвиг русских войск под начальством М.Г. Черняева, когда 2000-й отряд при 12 орудиях штурмом взял один из важнейших городов края — Ташкент, окруженный 20-верстной стеной, имевший 30 000 защитников при 50 орудиях (15 июня 1865 г.), ни блестящая

победа генералов Романовского и Крыжановского при Ирджаре, ни взятие крепостей Ходжента, Ура-тюбе и Андижана. Не остановило их и образование нового генерал-губернаторства туркестанского (1867 г.), первым начальником которого был К.П. Кауфман.

Враждебный образ действий азиатов привел русские войска под стены священного для каждого мусульманина Самарканда. Перед этим городом, на Зеравшане, 3500 русских, под начальством К.П. Кауфмана, разбили огромную армию бухарского эмира (1 мая 1868 г.). На

*Памятник Узун-агачской битве
под г. Верным*

Памятник битве при Геок-тепе в Асхабаде

Памятник М.Д. Скобелеву в Москве

следующий день сдался Самарканд — «средоточие мира», столица столь грозного некогда для Руси Тамерлана. Почти через 500 лет после страшного нашествия Тамерлана на Русь (1395 г.) наши войска взяли город, где находится гробница Железного Хромца. После новой нашей победы бухарский эмир вынужден был заключить мир, по которому признал прежние завоевания России, должен был уступить Зеравшанский округ (Самарканд, Катта-Курган) и уплатил России контрибуцию.

Урок, данный Бухаре, не подействовал на Хиву и Кокан; в 1873 году генерал К.П. Кауфман предпринял свой знаменитый поход на Хиву, в котором русским войскам пришлось преодолеть страшные трудности перехода пустыни. Хива была взята. По мирному договору хивинский хан признал себя вассалом Российской империи, заплатил контрибуцию и уступил все земли свои на правом берегу Аму-Дарьи, из которых устроен был Амударьинский отдел; исключительно русским было предоставлено право судоходства по Аму-Дарье и беспошлинная торговля.

Победа России сопровождалась отменой рабства и постыдного торговыми людьми в Хиве и Бухаре. Летом в 1875 г. вспыхнуло восстание в Кокане. Несмотря на победу небольшого отряда из 16 рот пехоты и 9 сотен

К.П. Кауфман

Г.А. Колпаковский

М.Г. Черняев

казаков при Махраме, где генералом Кауфманом разбито было 50-тысячное войско коканцев, восстание продолжалось, и главные силы Кокана в числе до 70 тысяч человек сосредоточились около Андижана. Усмирение этого восстания поручено было М.Д. Скобелеву, который с горстью людей прошел все Коканское ханство, разбивая мятежные скопища; в 1876 г. из Коканских владений образована была Ферганская область. После

Памятник К.П. Кауфману, открытый в Ташкенте 4 июля 1913 г.

этого непокоренными в Закаспийской степи оставались только туркмены и текинцы, жившие на границе с Афганистаном, который подпал под верховенство Англии. Тогда и с нашей стороны решено было обуздать текинцев; первая экспедиция 1879 г. не увенчалась успехом; но вот во главе 11-тысячного отряда поставлен был М.Д. Скобелев (в 1880 г.); начальником штаба его был А.Н. Куропаткин. Отряду предстояло проходить песчаную пустыню; приготовление к походу началось с мая 1880 г., в декабре русские осадили текинское укрепление, 12 января 1881 г. взяли его приступом, несмотря на отчаянную геройскую защиту 25 тыс. текинцев. Затем отряд Куропаткина занял Асхабад, но только 27 марта — уже в царствование Императора Александра III — главный предводитель текинцев вручил Скобелеву свою саблю. На южные части Мерва заявили было притязания

афганцы, занявши угрожающее по отношению к России положение; но блестящая победа небольшого отряда генерала Комарова при Кушке (1885 г.) смирила афганцев и дала возможность России установить точную границу Закаспийской области с Афганистаном; при этом разграничении к нам отошли земли по рекам Мургабу и Кушке (1887 г.). Несколько позже афганцы и китайцы, первые — с запада, вторые — с востока, начали занимать высокое безлюдное нагорье Памир, южную границу которого составляет хребет Гиндукуш, а за ним лежит уже Индия. Прежде Памир входил в состав Коканских владений, но это пустынное и малопригодное для жилья нагорье не было нами занято; англичане и надеялись воспользоваться этим обстоятельством, чтобы отдалить нашу границу от Индии. Однако по воле ныне благополучно царствующего Императора Николая II, русские отряды заняли Памир, очистили его от афганцев и китайцев и построили там укрепление (1895 г.). По заключенному русско-английскому соглашению, только узкая полоса афганской территории отделяет наши владения от Гиндукуша — границы Британской Индии. Таким образом, овладение наше Туркестаном было завершено присоединением Закаспийской области и Памира, всего четверть века тому назад, на памяти живущего поколения.

Б.В. Безсонов

КАЗАКИ И КАЗАЧЬИ ЗЕМЛИ В АЗИАТСКОЙ РОССИИ

I. Происхождение казачества

реди разнообразных элементов, из которых слагается население Азиатской России, первое место по праву должно быть отведено казачеству; на его долю выпала самая видная роль не только в завоевании, но и в освоении этой части Российского государства. История наших Азиатских владений так тесно связана с историей казачества, что говорить о Сибири, не говоря о численности казачества, его земельном строе и бытовом укладе, совершенно невозможно. Во все выдающиеся моменты жизни Азиатской России, в прошлом и в настоящем, яркими красками вырисовывается участие в них казачества, начиная с того исторического дня, когда казаки Ермака поклонились Московскому Государю целым Сибирским царством, и кончая настоящим временем, когда, организованные в одну грозную боевую силу и сплоченные одними общими верованиями и традициями, казачьи войска Азиатской России держат на отдаленных границах наших крепкую заставу против

натиска соседей и вторжения в наши пределы иноплеменников. Неизгладимо начертано на страницах истории и вечно должно жить в благодарной памяти потомства, что почти все настоящие русские владения в Азии были впервые завоеваны и закреплены за Россией казаками, и что на всем неизмеримом пространстве Азиатской России, от Уральских гор до Дежнева мыса, и от Таймыра до афганистанской границы нет места, где в свое время не побывали бы казаки, всюду приходившие в роли завоевателей и первых засельщиков; справедливо поэтому сказать, что русская Сибирь создана при ближайшем участии казачества.

Каковы же особенности этого элемента населения Азиатской России, откуда в казачестве та сила, которой не могли поставить преграды ни глухая когда-то тайга сибирская, ни ее необозримые, мертвые еще недавно степи и пески?

Ответ на эти вопросы надо искать в прошлом казачества; одно оно может объяснить то значение, которое в истории необъятной страны могла приобрести ничтожная количественно по сравнению с ее территорией группа казаков.

История казачества Азиатской России, начало которой относится к концу XVI века, тесно связана с более древней историей казачества вообще. Азиатские казачьи полки развились непосредственно из казаков Московского царства, перебравшихся через Урал в Азию и там послуживших основным ядром для нынешних славных казачьих войск: Сибирского, Семиреченского, Забайкальского, Уссурийского и Амурского.

Казачество в России началось еще в XIV веке, когда в среде разного рода людей, составлявших Русское государство, возникло особое сословие городских казаков.

Это были особые служилые люди, обязанные сторожить государственную границу. Службу эту они должны были нести на своих лошадях и со своим снаряжением, а для того, чтобы они могли выполнять это требование, им давались в пользование земли. Этот древний основной принцип существования казаков, вытекавший из взгляда правительства на них, как на людей, обязанных «служить и прямить» государству «с травы и воды», т.е. за предоставленное им пользование земельными угодьями, сохранился без изменения вплоть до настоящего времени: и теперь существующие казачьи войска несут свою службу, как и 4 века назад, «с травы и воды», т.е. за предоставленные им земли.

На сторожевую службу набирались люди вольные, охотой шедшие в казаки; служба эта была тогда так трудна и опасна, что шли на нее только или люди, видевшие в ней свое призвание, или убежавшие от невыносимых для них условий тогдашней государственной жизни. Как те, так и другие представляли собой самый подходящий элемент для выработки из него условиями пограничной службы казачьих дружин: жизнь, проходившая в степи, в постоянном соприкосновении с врагом, среди бродивших кругом его шаек, необходимость действовать в большинстве случаев за свой страх и риск, неуверенность в завтрашнем дне, беспощадность врага, — все эти условия еще тогда заложили в казачество жизненность, силу и энергию, которые лежат в основе всей его исторической роли.

Городовые казаки, сторожевые линии которых протягивались по всей южной границе Московского государства, просуществовали до Петра Великого и в его царствование, слившись со стрельцами, с ними же вместе и исчезли. К этому времени существовало

уже вольное казачество, развившееся из тех элементов городского казачества, которым был невыносим подчас даже самый слабый признак правительственной власти; к ним присоединялись и те, кому было тесно на Руси, кого манила эта вольная жизнь, и все, которые не могли мириться ни с чем новым, не могли поспеть за идущей вперед жизнью и страстно желали сохранить ее старые формы; вольные казачьи общины, с предоставляемой ими каждому своему члену свободой, давали к тому полную возможность. Главный приток в них составляли крестьяне, убежавшие от крепостного права, раскольники, не могшие отступить от старых форм, и люди, бежавшие от грозивших им наказаний. Присоединялось к ним немало и инородцев. Вообще, первоначальный состав вольных казачьих общин был самый разнообразный, но основным ядром и связующим началом являлись в них остатки городских казаков.

К концу XVI века существовали уже крупные общины вольных казаков на Дону, Волге, Яике и на Северном Кавказе; и в то же время казаки Ермака перешли Урал и положили начало казачеству сибирскому.

Связь вольных казачьих общин с государством никогда вполне не прерывалась; правительство всегда смотрело на них, как на подвластных себе, и проявляло свою власть в большей или меньшей степени в зависимости от того, на какой высоте стояла в данное время его сила; со своей стороны и казаки признавали себя русскими людьми и защитниками православной христианской веры и всегда крепко держались сознания необходимости службы русскому православному государству. Живя у рубежа, казачество принимало на себя и ослабляло все удары, направленные на государство извне. Но по мере роста и крепости самого государ-

ственного организма, служение ему вольных казачьих общин без подчинения их государственной власти не могло быть, конечно, терпимо, и когда сила государства настолько окрепла, что правительство могло твердо опереться на нее в своих требованиях, положение дела должно было измениться. Начатое еще при Михаиле Федоровиче подчинение вольного казачества государственной власти было закончено Петром Великим; его реформ, коснувшихся всех сторон жизни государства Российского, не могло избежать и казачество. Отдавая должное последнему, как прирожденной военной силе, обладавшей всеми качествами, столь необходимыми Петру для успеха в его упорной деятельности по приобретению и закреплению новых территорий, великий преобразователь не тронул внутренних устоев казачьего быта, которыми и обеспечивались эти качества; тем не менее, старые казачьи вольности он подрубил в самом корне: Петр передал казачество в ведение новоучрежденной военной коллегии и отнял у него право выбора атаманов, которые стали назначаться Высочайшей властью. Но именно с этого момента уничтожения независимости казачества от государственной власти окрепла его связь с государством и началась великая и доныне продолжающаяся служба казачества государству Российскому.

Конечно, с этого времени и формы обращения правительства к казакам меняются, и вместо прежних просьб и увещаний на сцену выступают требования, облеченные в форму царских велений, слушание которым возлагается на ответственность определенных лиц. Военная служба казаков стала государственной повинностью, становившейся для них все тяжелее, потому что, увеличивая количество отрядов и людей,

выставлявшихся казаками, правительство вместе с тем решительными мерами запретило прием в казачество крепостных людей.

Такое отношение правительства к казачеству почти без изменения продержалось до воцарения Императора Александра I. Новые исторические заслуги казаков, в особенности донских, в эпоху Отечественной войны, побудили правительство отнестись к ним с особым благодарным вниманием. Был образован особый комитет, на который была возложена выработка положений о Донском войске. Труды этого комитета были изданы в царствование Императора Николая I в 1835 году в виде обширного законодательного акта, обнимавшего во всей полноте быт Донского казачьего войска. Этим актом, сохранившим почти в полной неприкосновенности порядки, всегда существовавшие в войске, подтверждался всегдашний взгляд правительства на казаков, как на особое служилое сословие, обязанное нести службу государству, как на прирожденную военную силу, которую следует укрепить и поддержать соответствующей регламентацией. С этими целями на казачьих офицеров и чиновников были распространены права дворянства, а на торговых казаков права купечества, дано было казакам свое управление, свой суд, свои финансы, земли и пр., — все направленное к исправному выполнению ими военной повинности. Имевшие свою организацию и свое место среди других элементов государства, казаки этим актом от них были совершенно обособлены.

Изданное положение было впоследствии распространено с очень малыми изменениями, вызываемыми особенностями каждого войска, и на все остальные войска. Кроме этого, изданными в царствование же Императора Николая I положениями о казачьих вой-

сках казачество было выделено в особое сословие, с особыми порядками отбывания воинской повинности, освобождением его от подушной подати, от государственного земского сбора и с некоторыми другими его привилегиями.

Реформы Императора Александра II, уничтожив крепостное право, уничтожили резкую разницу, существовавшую между вольными казаками и крепостными крестьянами, и тем положили начало объединению казачьего сословия с другими. В этом духе был проведен ряд новых реформ, касавшихся казачьих войск: разрешен был выход из казачьего сословия и зачисление в него посторонних лиц; вообще реформы эти направлялись к некоторому сглаживанию казачьих особенностей и к постепенному слиянию его с крестьянством; в отношении же суда, полиции и общего административного управления казаки подчинены действию общих правил.

Реформы последних двух царствований были направлены к поднятию внутреннего благоустройства казачьих войск; правильнее поставлены их врачебные и ветеринарные организации, повышена общая грамотность, положено начало улучшению условий землепользования и т.п.

Такова в кратких чертах общая пятивековая история Российского казачества.

II. Образование казачьих войск Азиатской России

стория сибирского казачества на много моложе, и начало ее относится к тому времени, когда в 1580 году Ермак со своими пятью сотнями казаков перешел

Урал и отвоевал от Кучума под власть русского царя тогдашнее Сибирское царство.

Остатки забравшихся за Урал дружин Ермака слились с присланными для охраны границ и постройки укрепленных острожков частями царских войск, в которых было немало тех же казаков, набранных частью из строгановских людей, частью из московских охотников, пленных литовцев, черкесов, стрельцов, пограничных казаков, служилых татар и т.п. Вместе они составили ту первоначальную ячейку, из которой развилось впоследствии казачество сибирское.

Первоначально оно было рассеяно в разных местах небольшими отрядами и заключалось в нескольких казачьих командах, не имевших между собой тесной связи и различавшихся по названиям городов, в которых они проживали; так, были казаки тюменские, березовские, пелымские, томские, красноярские, якутские и др. Все они получили впоследствии общее название городских казаков, делились на конных и пеших и, находясь в подчинении управляющих городами воевод, состояли под командой казацких голов, сотников, пятидесятников и десятников, назначавшихся воеводами из их же среды. Составляя гарнизон острожков и городков, они отбывали в них всевозможные службы, которые поручали воеводы, но главная их обязанность заключалась в «проведывании новых земель и подведении неверных под высокую Государеву руку». Благодаря этим-то «проведываниям и подведениям», казаки за короткий промежуток каких-нибудь 35–40 лет успели пройти всю северную Сибирь от первоначально занятого Ермаком Кучумовского царства до восточных берегов Азии. Сначала они овладели Енисеем, потом утвердились в Забайкалье, откуда забрали Лену, проникли и на Амур,

наконец через 100 с небольшим лет от Ермаковского похода, русская власть была утверждена ими на Камчатке — крайнем восточном пункте, за которым уже волны Тихого океана поставили неодолимую преграду казачьему стремлению вперед. Таким образом, казаки, занимая одну за другой земли, на которые они смотрели с точки зрения лучшей поживы, в конце концов подвели под власть России не только Сибирь, но и весь северо-восток Азии. Все дальнейшие приобретения на юге и юго-западе ее также или сделаны, или закреплены казаками, и только при покорении Приамурья и Туркестана действовали регулярные войска, но и в этих предприятиях участие казачества сказывалось весьма сильно, а заселен Амур был главным образом опять же казаками.

В XVII веке сибирские казаки, в число которых зачислялись в то время и опальные люди, ссылаемые в Сибирь, входили в общую массу сибирских служилых людей и наравне с ними получали определенное жалование, а за особые заслуги и особые награды, в ряду которых на долю казаков нередко выпадало и пожалование дворянством.

Петр Великий, стремясь к расширению границ государства и особо ценя в этом отношении значение сибирских казаков в деле колонизации окраин и укрепления на них русского влияния, но предприняв, вместе с тем, решительные шаги к уничтожению вообще казачьих вольностей, поставил и сибирских казаков в более определенную зависимость от государства и их вольное и бессистемное «проведывание земель» подчинил обдуманному и рассчитанному государственному плану правительства. Так, вместе с введенной им рекрутской повинностью казаков и комплектованием казаками

регулярных полков, он запретил вербовку в казаки крестьян и купцов. Мера эта задержала развитие и дальнейший рост сибирского казачества; городовые казаки понемногу стали отставать от своего боевого прошлого и переводиться на службу гарнизонную и полицейскую, и только на Иртышской линии, куда казаки командировались на год, они находили простор и удаль прежней пограничной службы. Поэтому многие из таких откомандированных навсегда оставались на линии, предпочитая спокойной и сытой гарнизонной службе богатое приключениями, иногда и полуголодное существование в постоянном почти соприкосновении с врагом.

В 1745 году выяснилась необходимость усилить эту пограничную службу казаков. На Иртышскую линию была переведена часть сибирских городовых казаков, а также служилых татар; при этом выписные из крестьян казаки были освобождены от всяких повинностей, кроме подушного сбора, и казакам Иртышской линии было увеличено жалованье. Вскоре затем осложнившиеся в пятидесятых годах XVIII века отношения с Китаем заставили правительство еще больше увеличить заботы об охране сибирской границы, и к началу царствования Екатерины II число линейных казаков с 782, бывших в иртышских крепостях в 1725 году, возросло до 2000. Наконец к концу XVIII века казаки Иртышской линии стали именоваться сибирскими линейными казаками; им было дано самостоятельное управление в лице выбираемого ими одного общего войскового атамана с резиденцией в г. Омске, была уничтожена подчиненность их гражданским властям и состоялось Высочайшее повеление о наделении их землею по 6 десятин на мужскую душу. Таким образом, к царствованию Императора

Александра I линейные казаки определенно обособились от городских.

На городских казаков с 1822 года возлагаются обязанности чисто полицейские: служба их состоит в охране, но не государственной границы от натиска диких киргизских шаек, а спокойствия и безопасности в мирных местах их расположения. В Сибири они просуществовали гораздо дольше, чем в Европейской России, сохраняя свое первоначальное деление на полковых (городовых) и сторожевых (станичных). Первый разряд образовал 7 полков, из которых сохранился до последнего времени только один Якутский, все же остальные, просуществовав разное время, были упразднены. Последними исчезли Иркутский и Енисейский полки, часть казаков которых была обращена в крестьян; остальные, хотя и оставались в казачьем сословии, но были переданы во владение гражданских властей, и на них была возложена обязанность выставять две сотни. Эта повинность существует и до настоящего времени.

Памятью о существовавших когда-то полках городских казаков остались и после приравнения их к сельским обывателям те увеличенные до 15 десятин на душу надель, которые даны были бывшим и полковым, и станичным казакам, енисейским, приуральским и др. за их службу.

Линейные казаки были организованы в 1808 году, когда все казаки Иртышской, Ишимской и Кольвано-Кузнецкой пограничных линий, в числе 6117 человек, были обращены в одно общее сибирское линейное войско, в составе для военного времени 10 пятисотенных полков, 4 резервных сотен и 2 конно-артиллерийских рот. Во главе линейного войска стал выборный войсковой атаман. Линейным казакам были сохранены

земельные наделы, права на бухтарминские рыбные ловли и беспоплинный ввоз из киргизской степи рыбы и хмеля. Сроков службы не было установлено. Существенное значение для казаков имело точное определение разного рода довольствия, получаемого ими от казны в значительно большем размере, чем в других войсках.

Однако шести тысяч казаков для охраны постоянно нарушаемой киргизами границы не хватало, и недостаток этот стал особенно ощутителен, когда в степи началось введение русского управления; тогда к войску было причислено 9000 душ крестьян Курганского, Ишимского, Омского и Бийского уездов и часть переселенных в киргизскую степь из внутренних губерний. Изданным Императором Николаем I в 1846 году новым положением управление линейных казаков было преобразовано, увеличен земельный надел и содержание от казны и учреждены школы. Ряд возложенных на них обязанностей, очень подробно перечисленных при этом преобразовании, совершенно исчерпывался обязанностью, поставленной в конце их списка: «по повелению выходить на службу, куда назначено будет».

В 1849 году численность линейных казаков увеличилась еще переселением туда 4000 душ малороссов из Полтавской губернии. Это обстоятельство естественно повлекло за собой увеличение числа казачьих поселений и заставило линию выделить из себя несколько новых ветвей, направлявшихся в сторону более привлекательную, к югу — в Семиречье и Зайсанский край; поселения Кокпекты, Копал, Лепс, Урджар, Верный и др. народились именно в это время.

В 1861 году сибирское линейное казачье войско было переименовано в «Сибирское казачье войско», и в том же году было Высочайше одобрено новое положение о нем.

История образования прочих казачьих войск Азиатской России тесно связана с сибирским войском. Еще в конце XVII века сибирские казаки силой обстоятельств должны были выдвинуть часть своего состава на восток, чтобы растянуть в этом направлении граничную охрану. Выделенная для этого часть послужила основой, на которой сгруппировались подходящие элементы, и в результате получился материал, достаточный для заселения всей русско-китайской границы. Новая казачья линия перебросилась в Забайкальскую область, проползла вдоль всего Амура и, загнувшись на юг по Уссури, уперлась в Тихий океан. Так образовались Забайкальское, Амурское и Уссурийское казачьи войска. Сравнительно недавно сибирскому казачеству пришлось дать начало и еще одному отдельному казачьему войску; это было тогда, когда Россия присоединила к себе Семиречье; тогда от Сибирского войска были отделены 9 и 10 полковые округа, из которых и выросло Семиреченское казачье войско.

Начало Забайкальского войска относится к середине XVII века, когда русские проникли в Забайкалье, подчинили себе тунгусов и бурят и выстроили несколько укреплений. Когда в 1689 году Россия заключила первый (Нерчинский) договор с Китаем, определявший восточную границу Забайкалья, бывшие там с Головиным два полка, набранные в Сибири из городских и станичных казаков Иркутской губернии, были записаны в казацкую службу в Нерчинск, Селенгинск и Удинск и послужили зародышами Забайкальского казачьего войска. При заключении в 1727 году нового договора, Буринского, к охране намеченной им границы, возложенной на казаков, были привлечены также местные тунгусы и буряты, из которых впоследствии были образованы

один Тунгусский пятисотенный и четыре Бурятских шестисотенных полка, позднее усиленные еще ополчением, выставляемым в 2500 человек от бурят и в 1500 человек от тунгусов. Таким образом, тогдашнюю китайскую границу охраняли казаки, около 1000 человек, и инородческие полки; Забайкальское войско образовано было в 30-х годах прошлого столетия, и положение о нем было создано в 1851 году. Необходимость его образования, а затем и усиления непосредственно вытекала из задуманного Муравьевым движения на Амур и оправдалась вскоре же по издании положения, когда некоторой части вновь учрежденного войска пришлось переселиться на Амур и Уссури для охраны границ только что занятой территории. Чтобы этим переселением войско не было ослаблено, был принят ряд мер к увеличению его численности, и, кроме того, в него стали зачисляться штрафованные нижние чины.

Когда по Айгунскому договору Амурский край стал принадлежать России, пришлось казакам еще продвигаться на восток, чтобы образовать по Амуру кордонную линию; с этой целью туда переселена была часть забайкальских казаков, образовавшая Амурскую конную бригаду и занявшая берег Амура до устья Буреи. На нижнее его течение принудительно переселены были с семьями казаки из пеших батальонов Забайкальского войска, а с 1858 по 1862 г. переселено 800 семей и на Уссури. Так образовалось Амурское казачье войско, впитавшее в себя, кроме обычно поглощаемых казачеством добровольцев из разных сословий, более двух тысяч штрафованных солдат бывшего корпуса внутренней стражи. Этому войску была поручена служба по поддержанию почтовой гоньбы и пограничных сношений России с новым краем и охрана русско-китайской гра-

Семиреченское казачье войско. Старые казаки, бывшие в рядах войск при завоевании Семиречья; в центре – их атаман

ницы по Амуру почти от слияния Шилки и Аргуни и по Уссури вплоть до морского побережья. Наконец из Амурского войска уже при Императоре Александре III в 1882 г. были выделены казаки, поселенные на Уссури, и из них образовано особое Уссурийское казачье войско, но так как состав его был очень невелик, а край Уссурийский, представляя собой узкую полосу с открытыми длинными сторонами, граничащими с Китаем и Японским морем, требовал особых забот о его заселении и закреплении, то было решено начать туда переселение казачьих семей из других войск, расширенное потом открытием доступа в Амурское и Уссурийское казачьи войска также и крестьянам, пожелавшим вступить в казачество. Эта мера впоследствии была распространена и на Амурское войско и осуществлена в настоящее царствование; благодаря ей, в Амурское и Уссурийское казачьи войска двинулись переселенцы из Донского,

давшего наибольшее число их, Кубанского, Терского, Уральского, Оренбургского и Забайкальского войск, всего не более полутора тысяч семейств.

Таким образом, мало-помалу образовалась и дотянулась до самого Японского моря казачья линия, охраняющая всю русско-китайскую границу. Присоединение Семиречья взяло от нее отводок, протянувшийся далеко на юг. Казаки были привлечены для заселения этой области, и к началу шестидесятых годов прошлого столетия они уже образовали ряд станиц в нынешних Лепсинском, Копальском и даже Верненском уездах, входивших тогда в состав Семипалатинской области. В 1867 году эта территория была передана в состав Туркестанского военного округа, и проживавшие в ней казаки составили особое Семиреченское казачье войско, подчиненное туркестанскому генерал-губернатору, как лицу с правами и обязанностями войскового наказного атамана, и состоящее в непосредственном заведывании наказного атамана, в лице губернатора Семиреченской области.

Такова в общих чертах история жизни сибирского казачества от того времени, как их вольные шайки впервые перебрались через Урал в манившую их своими сказочными богатствами Сибирь, и до образования стройных рядов казачьих полков нашего времени.

III. Казачья служба, порядок и условия ее отбывания

 результате трехвековой службы сибирское казачество вылилось в ту форму, какую имеет оно и сейчас. В Азиатской России 5 казачьих войск: Сибирское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское и Семиречен-

ское, две конных сотни, Енисейская и Иркутская. Ичислящийся в ведении гражданского начальства и несущий только полицейскую службу Якутский городской казачий полк. К ним же причисляется сформированный из инородцев Закаспийской области Туркестанский конноиррегулярный дивизион.

Со времени Императора Николая I все казаки составили особое военное сословие, на основании изданного в это царствование общего положения о казачьих войсках. Император Николай Павлович назначил Наследника своего Великого Князя Александра Николаевича атаманом всех казачьих войск. С того времени Наследник русского престола всегда получает это звание со дня своего рождения. Носил его и ныне царствующий Государь Император, посетивший в бытность Наследником, во время своего путешествия, почти все сибирские казачьи войска, и только на долю Семиреченского войска, территория которого не пересекала маршрут Цесаревича, не выпало счастья увидеть своего Августейшего Атамана в пределах своего водворения.

Изданным при Императоре Николае I положением казачество было совершенно обособленно от других элементов населения: вступление в него посторонних лиц было очень ограничено, а в иных войсках и вовсе запрещено; вступившие должны были оставаться казаками навсегда, выход же из казачества безусловно воспрещался; даже казачкам был запрещен брак с посторонними. Не допускался также и переход казаков в регулярные войска и вообще всякая служба их вне казачества. Все ограничения направлены были к сохранению в казачестве всего исторически выработанного уклада его жизни, обуславливающего ту многополезную деятельность, которую не могло не оценить правитель-

ство, и к предохранению казачества, как отдельного сословия, от распадаения. Правительство видело, что проявление этой деятельности именно в этой форме, нужной и полезной государству, а не в иной, стоит в неразрывной связи с казачьим бытом и со всеми его особенностями, отсюда и вытекали соображения о необходимости дать казачеству такое устройство, которое, отделив его от других сословий, предохранило бы от утраты особенностей его быта.

Реформа 1861 года, обратив миллионы крепостных людей в таких же вольных, каким было до того времени казачество, неизбежно должна была на нем отразиться.

Особенности быта и устройства, для сохранения которых казачество было выделено в особое сословие, были многочисленны, но все они вытекали непосредственно из главной и самой существенной — особого порядка отбывания казаками военной повинности. Основные принципы этого порядка — всеобщность военной повинности, порядок отбывания ее и обязанность казаков иметь собственных лошадей и снаряжение, остались неизменными с самого возникновения казачества до настоящего времени. Но реформа воинской повинности 1874 года, уничтожив рекрутчину, сгладила и главную особенность казачества — всеобщность военной службы и распространила это начало на все население, чем положено было начало сближению казачьих войск с регулярными. С одной стороны, новый общий устав воинской повинности организовал ее на началах до известной степени сходных с казачьими порядками, а изданный почти одновременно устав воинской повинности Донского войска, примененный затем ко всем казачьим войскам, согласовал, с другой сто-

*Первый Августейший Атаман
всех казачьих войск
Император Александр II
в бытность Наследником
Цесаревичем*

роны, во многих отношениях казачьи порядки с общими. Таким образом, из основных принципов отбывания воинской повинности, отличавших казаков от прочего населения, остались только два: самый порядок отбывания службы и обязанность иметь собственную лошадь и снаряжение.

Все сибирские казачьи войска, не считая Якутского полка, в мирное время должны держать в строю определенное количество сотен и батарей, число которых в военное время значительно увеличивается. Все эти сотни и батареи должны быть снаряженными и вооруженными.

Способ комплектования этих сотен и батарей установлен уставом воинской повинности, общим для всех казачьих войск, кроме Уральского. В главных своих положениях он близко подходит к общему уставу, существенную же разницу между ними составляет устанавливаемый для казаков порядок отбывания службы и вытекающий из него порядок комплектования строевых частей.

Служба казака продолжается 19 лет и начинается с 19-летнего возраста, когда каждый казак записывается по возрастным спискам в служилый состав. В этом заключается коренное различие всеобщности воинской

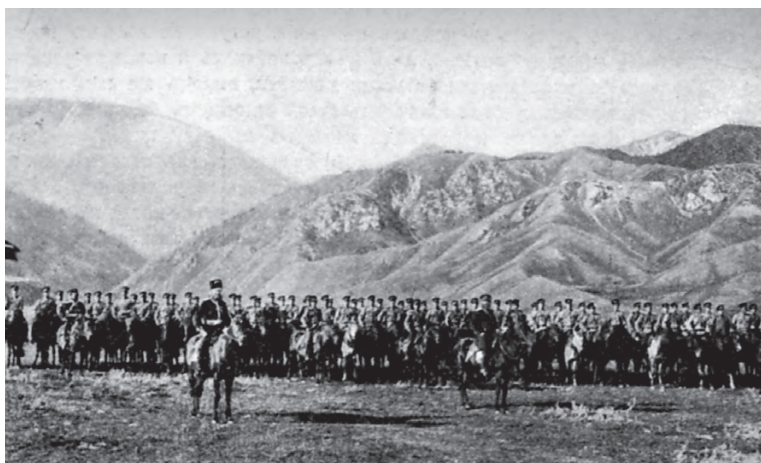

Каменный дом в станции Пресногорьковской, Акмолинской области, в котором останавливался Государь Император Николай II во время путешествия по Сибири

службы между казаками, у которых на службу идут все, и остальным населением, отдающим на военную службу только определенное количество своего состава. Первые 2 года служба казаков проходит в приготовительном разряде; в первый год казак освобождается от платежа повинностей и должен завести коня и снаряжение, а второй год посвящается обучению строю и службе. Затем казак переходит на 12 лет в строевой разряд. До издания положения о казачьих войсках, каждый состоявший в нем казак отбывал строевую службу по очереди, сменяя через некоторые сравнительно краткие промежутки времени, причем до наступления новой очереди оставался свободным от службы — состоял на льготе. Таких очередей за все время состояния в строевом разряде приходилось до 3. Новым положением этот порядок, присущий казачеству с самого его основания, был изменен, и теперь казаки проводят первые 4 года строевого разряда в строю и остальные 8 лет на льготе, которая, при этом новом порядке, до некоторой

степени соответствует запасу общего устава. Остатки прежнего очередного порядка заключаются только в том, что строевой разряд делится на 3 очереди по 4 года каждая: в первую казаки состоят в строю, во вторую и третью находятся на льготе, но обязаны иметь все снаряжение, а в продолжение второй очереди и коня. По истечении 12 лет строевого разряда казаки переходят на 5 лет в запасный и затем выходят в отставку, из которой могут быть призваны в ряды ополчения, что возможно, конечно, только при самых исключительных обстоятельствах.

Таким образом, существенным отличием казачьего устава, кроме указанного выше, являются приготовительный разряд и льгота; приготовительный разряд дает возможность при призыве сразу иметь войско, а не толпу молодых парней, на обламывание которых непроизводительно затрачивается значительная часть недолгой теперь солдатской службы, а льгота дает возможность иметь это войско все время наготове. Состоящий на льготе казак не несет службы, но обязан быть всегда к ней готовым; хотя такое состояние и соответствует в принципе установленному общим уставом запасу, но только в принципе, на практике же между ними есть существенная разница: запасный солдат утрачивает связь с войском настолько, что поддержать ее не может слабое влияние учебных сборов; он быстро становится, после недолгой службы, опять рядовым обывателем и хотя и может быть призван в любое время на службу, но является на нее уже не солдатом, и приведение его в солдатский вид опять приходится начинать сначала. Льготные же казаки, и не состоя в строю, все время продолжают оставаться военными и составляют войско, в любой момент готовое встать в стройные шеренги

*Сибирское казачье войско. Вторая сотня «Ермака
Тимофеевича» полка*

своих полков, верхом на коне, во всем обмундировании и снаряжении.

Назначение строевого разряда — формировать выставляемые войском строевые части, полки 1-й, 2-й и 3-й очередей, и команды в мирное и военное время; если строевого разряда на это не хватает, берется и старший возраст приговорительного разряда. Запасный разряд требуется только на военное время и назначается на пополнение убыли в строевых частях.

Кроме этого главного отличия, казачий устав имеет и еще несколько особенностей, с давних времен присущих казачеству и удержавшихся в нем до настоящего времени. Так, неспособные отбывать воинскую повинность казаки, пока сверстники их состоят на службе, ушачивают взамен ее особый сбор во вспомогательные станичные капиталы; льготы по семейному и имущественному положению от службы не освобождают, а дают только казакам, которые могли бы ими воспользоваться,

Обучение казаков ружейным приемам

право быть зачисленными прямо в льготные полки; это бывает возможно только в том случае, если требующееся в комплекте число людей менее значащихся в очередных списках, в конец которых и вносятся тогда такие казаки.

Общий наряд казаков на действительную службу, в соответствии

с численностью строевого состава выставляемых данным казачьим войском частей, ежегодно определяется, и разверстка его производится между округами каждого войска войсковыми наказными и наказными атаманами, между станицами — атаманами округов, соразмерно числу казаков старшего возраста приговорительного разряда в каждой станице. Все части, выставляемые казаками, обмундировываются, снаряжаются и обзаводятся строевыми лошадьми за свой счет. Производится это постепенно с таким расчетом, чтобы ко времени службы все это в исправности имелось налицо. Для облегчения этого обзаведения имеются войсковые мастерские: шорно-седельная, портняжная и т.п., выдаются ссуды, а иногда и безвозвратные пособия из вспомогательных станичных капиталов.

Вооружение казаков состоит из трехлинейных казачьих винтовок, составляющих, как и орудия артиллерийских частей, собственность войска и выдающихся только на время действительной службы и учебных

сборов, пашек, личной собственности казаков, и — в большинстве войск — пик.

Обучение казаков строевой службе производится на основании особого устава, общего для всех казачьих войск. В основу его положена необходимость удержать в казачестве те приемы, способы ведения борьбы и боевые качества, которые выработались вековой практикой постоянных военных действий и которые, как показало и самое недавнее время, вполне пригодны не только против полудиких шаек степных кочевников, но и против таких регулярнейших войск настоящего времени, как японские: удара охватывающей кольцом их кавалерию, оцетинившейся пиками, казачьей лавы японцы не выдерживали и всегда оборачивали тыл. Лихая езда, меткая стрельба, умение примениться ко всяким условиям местности, быстрая сметка, поразительно быстрый переход от пешего строя к конному и

Обучение казачьих детей строю

Казачата-кадеты на гимнастике

обратно — все эти качества, выработанные казачеством еще в старые времена в непрерывной войне, благодаря постоянной необходимости пользоваться ими в боевой обстановке, и крепко донныне держащиеся в нем, старательно и постоянно поддерживаются и теперь системой обучения казаков строевой службе. Для того же, чтобы и окончившие ее льготные казаки не отстали, перестав упражняться, от усвоенных ими приемов, для них во всех казачьих войсках постоянно устраиваются призывные стрельбы и джигитовки, заимствованные частью у кавказских горцев, частью у степных кочевников и нашедшие в казачестве самую подходящую для себя почву. Верховая езда является как бы родной стихией для каждого казака: жизнь его с детства неразрывно связана с лошадыю. Весь молодой казачий подрост, не только мальчики, но даже малые дети и девушки, знакомы с верховой ездой и конным военным строем. Искусство править лошадыю, быстро делать самые

утомительные и долгие переезды и, так сказать, жить на лошади, благодаря постоянным упражнениям с детства, достигается казаком в таком совершенстве, которое почти недоступно регулярным кавалерийским частям с их коллективным обучением. Система выездки лошадей и конское снаряжение казаков также происхождения азиатского; последнее немного переработано, и надо сказать, что оно в значительной мере способствует показной стороне казачьей езды; так, например, подхватывание предметов с земли, так легко исполняемое на всех джигитовках казаками, с их седельным леньчиком и связанными стременами, на другом седле может легко повести к падению всадника.

Самое отбывание воинской повинности в годы строевой службы проходит у казаков в местах расквартирования их частей, весьма часто вдали от родины и иногда в необычайно тяжелых условиях; так, например, семиреченские казаки в настоящее время (1913 г.) годами несут свою службу за границей государства, в Персии;

Обучение сабельным приемам

Шашки в ножны

в самом же Семиречье стоят казаки сибирские и др. В остальное время, т.е. состоя в приговорительном разряде и на льготе, казаки живут при своих семьях в станицах, поселках и хуторах.

IV. Административное устройство, капиталы и землепользование казаков; необходимость высоких душевых норм

До главе каждого казачьего войска стоит войсковой наказной или наказной атаман, являющийся для него начальником по хозяйственно-административной, гражданской и по военной частям. Так, во главе Амурского и Уссурийского войск стоит войсковой наказной атаман с высшей на месте военной властью, так как он совмещает в себе атаманство вместе с командованием войсками Приамурского военного округа. Непос-

редственно же во главе каждого войска стоят наказные атаманы, они же и военные губернаторы — амурский и приморский. В Сибирском войске войсковым наказным атаманом состоит также генерал-губернатор, он же и командующий войсками. По хозяйственно-административной и гражданской частям наказной атамана действует через войсковые правления в войсках Семиреченском, Амурском и Уссурийском; в Сибирском же и Забайкальском через войсковые хозяйственные правления, войсковые штабы или канцелярии и через отделы, со стоящими во главе их атаманами отделов. К каждому отделу приписано известное число станиц. По аналогии с общим административным устройством, отдел может быть приравнен к уезду, в состав которого входит известное число волостей, станица — к волости, атамана отдела — к уездному исправнику, но только в административной сфере деятельности, так как власть атамана отдела гораздо шире, чем у уездного исправника, который делит ее с полицейскими и сословными органами, атамана же отдела является органом бессловным и административно-полицейским.

Станицы управляются станичными сборами (волостные сходы), станичным атаманом (волостные старшины) и станичным судом; тяготеющие к станицам поселки и хутора управляются поселковыми и хуторскими сборами (сельские сходы) и атаманами (сельский староста).

Станичное управление, мало отличаясь в общем от волостного по составу и по подведомственным ему делам, существенно разнится от него некоторыми характерными для казачества особенностями, главная из которых заключается в том, что станичное общество бессловно; в него наряду с простыми казаками входят

чиновники, офицеры, генералы, дворяне. Кроме того, в станичных сборах участвуют выборные 10-дворные не моложе 25 лет; станичные общества отвечают круговой порукой за исправное отбывание своими членами денежной и воинской повинности, и станичным атаманом, утверждаемым наказным атаманом из двух выбранных сбором кандидатов, не моложе 33 лет, может быть совершенно одинаково и простой рядовой казак, и офицер — все отголоски седой старины, когда в казачьих радах и кругах обсуждали дела старики, когда одному приходилось отвечать за всех и всем за одного, когда все были равны в вольных казачьих общинах.

Оплачивается содержание станичных управлений из станичных капиталов так же, как из войсковых капиталов оплачивается удовлетворение всех общих потребностей казачьего войска: содержание всей администрации, строевых частей, кроме первоочередных, и снабжение их вооружением, пособия государственному казначейству на покрытие расходов казны по содержа-

*Станичный атаман с булавой и поселковые атаманы
станции Новорыбинской*

Станичный суд

нию в казачьих войсках общегосударственных учреждений, расходы по постройкам и ремонтам войсковых зданий, траты на разные мероприятия, — на все это идут войсковые капиталы, слагающиеся, главным образом, из доходов от войсковых оброчных и арендных статей, а затем из процентов с различных капиталов, из компенсаций казной отошедших от войск сборов, казенных субсидий и денежных сборов с неспособных к военной службе казаков. Таких войсковых капиталов к 1911 году у сибирских войск было более двух с половиной миллионов рублей*, доход же их за 1910 год определился в миллион 700 тысяч рублей**. Станичные капиталы образуются от арендной платы за земли, рыбные ловли и пр., частью же из денежных сборов со станичных жителей; на них содержатся станичные администрации, школы, медицинская часть и удовлетворяются другие

* Сибирского войска 1035076 р., Семиреченского 130168 р., Забайкальского 256914 р., Амурского 228578 р., Уссурийского 880132 р., = 2528168 р.

** Сибирского войска 853696 р., Семиреченского 83405 р., Забайкальского 403629 р., Амурского 95964 р., Уссурийского 258857 р. = 1695551 р.

Девушки-казачки

общественные надобности, остатки же зачисляются в запасные станичные капиталы, размер которых по всем войскам в 1910 году был около миллиона с четвертью рублей*.

Из приведенного перечня составных частей казачьих капиталов видно, что главное значение среди них имеют арендные доходы; получают они с оброчных статей, месторождений ископаемых, станичных земель, рыбных ловель, одним словом, с земли и всего с ней связанного, которая, таким образом, является главным источником благосостояния как для каждого казака в отдельности, так и для казачьих войск в общем. Отсюда ясно, что главнейшее обеспечение и основу всего благосостояния казачьих войск составляют отведенные войс-

* Сибирского войска 396991 р., Семиреченского 163008 р., Забайкальского 302406 р., Амурского 339109 р., Уссурийского 37876 р. = 1239390 р.

кам земли: юртовые (станичные и поселковые) наделы и земли войскового запаса.

Все разряды земель каждого войска составляют общее войсковое достояние. В каждой станице казаки пользуются землей на общинных началах. Такой порядок, а равно и взгляд на землю как на источник благосостояния, который должен давать средства на все, сложились также исторически; до эпохи Петра Великого источником благосостояния для казаков была добыча, захватывавшаяся в набегах и войнах, но с подчинением казаков государственной власти набеги должны были прекратиться, военная добыча перестала играть какую-нибудь роль, и пришлось волей-неволей выискивать другие источники; таковые нашлись в земледелии, которое и получило преобладающее значение в хозяйственном быту казачества. Общинное начало в пользовании землей явилось прямым результатом того порядка, каким войско выполняло воинскую повинность: ответственность за исправное выполнение ее лежала на всем войске, представители которого, распределяя наряд по станицам, предъявляли к ним свои требования и перекладывали, таким образом, всю ответственность на станичных атаманов и станичные круги; отсюда уже непосредственно получилось право станичного круга вмешиваться в хозяйственные дела членов станичного общества, а так как казаки обязаны были снаряжаться на свой счет и источником для этого была земля, то вмешательство это главным образом касалось землепользования. Таким образом, земля оказалась в распоряжении и ведении станичного схода.

Пользование казаков землей начиналось не везде одними способами; где они занимали землю вольно, где при основании войск она отводилась правительством

общим куском, без определения сколько ее каждому полагается; отсюда в различных казачьих войсках получилось и землепользование различное, и по порядку и по количеству земли. В конце XVIII столетия правительство начало определять нормы наделов существовавших тогда казачьих войск и отводить им определенные территории.

Сибирское войско владеет землями в Акмолинской и Семипалатинской областях и в Томской губернии. Казачьи земли являются здесь лучшими по качеству во всем районе и протянулись длинной полосой вдоль железной дороги и по Иртышу; началась эта полоса от границы Оренбургского войска и идет на восток до г. Омска (линии Сибирская, Ишимская и Пресногорьковская), оттуда, повернув к юго-востоку, тянется вдоль Иртыша до Усть-Каменогорска (Иртышская линия) и, завернув отсюда к востоку по реке Бухтарме, доходит до китайской границы (линия Бухтарминская). У Усть-Каменогорска образовалось ответвление, уходящее в Томскую губернию, к Бийску, в глубь Алтайского округа Кабинета Его Величества; это ответвление черезполосно с землями, отведенными из Кабинетских владений крестьянам, и не представляет собою непрерывной линии.

Вся эта полоса вместе с участками казачьих земель, вкрапленными в киргизскую степь вокруг г. Кокчетавы, около городов Атбасара, Акмолинска, Каркаралинска, у станиц Баян-аул, у озера Зайсан и др., включает в себе почти 5 миллионов десятин. В 1904 году к ним прибавлена еще десятиверстная полоса, назначение которой когда-то было служить буферной территорией между чужими в то время степями и казачьими станицами. Потерявшая теперь всякое значение в этом смысле, полоса эта все-таки остается и до сих пор незаселенной,

Семья казака Алексева станицы Надеждинской, участвовавшего в завоевании Семиречья. Слева старик Алексеев 107 лет, рядом его младший сын, два внука и правнук

несмотря на свои богатейшие почвы, и сдается казаками в аренду киргизам. В самые последние годы из земель этой полосы несколько участков были променены войском с разрешения Военного Совета на областные земли, причем условия этого промена, вызываемого необходимостью дать доступ к судоходному Иртышу поселившимся в этом районе переселенцам, были выгодны и для войска, ввиду значительной прибавки ему земель против уступленного количества и замены части исключительно сенокосных угодий пахотными.

Вкрашенные в киргизские степи Семипалатинской области участки Сибирского войска не заканчивают собой того ответвления, которое дает в этом месте общая полоса казачьих земель; продолжением его служат земли Семиреченского войска, в общей сложности более 600 тысяч десятин, расположенных также

Казачья станица

отдельными участками во всех уездах Семиреченской области. Эти 600 тысяч десятин представляют собой не закрепленный фактически отвод земли войску, причем общий размер его, будучи недостаточным, не соответствует количеству населения. Вопрос об установлении нормы душевых наделов для Семиреченского войска и вообще о наделении его землей теперь нуждается в особом законе, проект которого находится в настоящее время (1913 г.) на рассмотрении законодательных учреждений; по этому проекту предполагается отвести в наделы станичных и поселковых казачьих обществ Семиреченского войска по 30 десятин на каждую мужскую душу, по 300 десятин на каждую церковь и войсковой запас в размере $1\frac{1}{2}$ всех земель, отводимых в станичные и поселковые наделы, причем поземельное устройство это предполагается поставить в связь с переселенческим делом и отвод земель возложить на чинов семиреченской временной партии по заготовлению переселенческих участков.

Начиная с Селенгинского уезда Забайкальской области, тянется через все ее южные и восточные уезды пятисотверстная полоса земель Забайкальского войска, сплошная в восточной части области и с перерывами в западной. Она включает в себе до 10 миллионов десятин по долинам рек Джида, Чикоя, Онона, Ингоды, Шилки и весь юго-восток области. Далее по Амуру продолжается вдоль китайской границы, по Амурской и Приморской областям, особая в 15 миллионов десятин территория, заключающая в себе наделы и временный земельный запас Амурского и Уссурийского войск. Общее количество земель, включенных в юртовые наделы обоих этих войск, более миллиона десятин. Эти надельные станичные земли расположены от Хабаровска до р. Суйфуна вдоль рек Усури и Сунгари, по западному и южному берегам озера Ханки и далее к югу, по границе с Китаем.

В настоящее время азиатские казачьи войска, в круглых цифрах, при 675 тысячах населения владеют более чем 16 миллионами десятин земли (данные 1911 года). Это количество десятин, составляя около 154 000 квадратных верст или 170 000 квадратных километров, равняется одной двадцать седьмой части всей площади Европейской России; площадь земель азиатских казачьих войск равна половине Пруссии с ее 40 миллионами жителей и много более сложных вместе трех, небольших правда, европейских государств — Бельгии, Греции и Швейцарии, но в то время как в Европе это пространство заселено с плотностью 115 (Пруссия) — 250 (Бельгия) человек на квадратную версту, и когда даже в Европейской России, с ее необозримыми северными пустынями, на квадратную версту в общем приходится до 28 жителей, — на одной квадратной

версте казачьих земель в Азиатской России живет менее 5 человек.

При первом взгляде необходимость столь крупного земельного обеспечения казаков, от 30 до 50 десятин на душу, наряду с наделением крестьянства в Сибири по 15 десятин на душу, может вызывать сомнение. Однако дело представится иначе, если принять во внимание все условия существования казачества и, главное, его государственной службы. Нельзя забывать, что казачество помимо тяготы особо тяжелых обязанностей военной повинности, отбываемой едва ли не всем поголовно населением мужского пола, несет еще и такие общественно-государственные расходы, которые в других местах возлагаются на счет государственного казначейства: школы, дороги, медицинская часть и все прочие потребности земской жизни удовлетворяются почти на всем пространстве войсковых территорий всецело за счет войсковых средств.

Таким образом, вопрос о достаточном земельном обеспечении казаков — вопрос и о дальнейшем бытии казачества. Повышенная норма земельного надела казака, сравнительно с отводом земли крестьянину-новоселу, в смежности с казаком, имеет оправдание и в целесообразности обеспечения исправности военной службы последнего и в исторической справедливости. Предпочтение и первенство в этом отношении естественно принадлежит потомкам первых завоевателей края и первых пионеров русского дела на новых местах, готовых всегда оружием защищать государственное достояние от внешних врагов, низведение же казачьего земельного достатка и общего благосостояния к той, чуть ли не трудовой или продовольственной земельной норме, на которой устраивается большинство крестьянской бедноты, уходящей на новые

места от земельной тесноты на родине, в корне подорвало бы все устои казачьего быта.

С этой точки зрения наличие в казачьих наделах или в войсковом запасе известных земельных излишков, предоставляемых обыкновенно нуждающемуся в земле трудящемуся люду на условиях аренды или испольной обработки, представляется явлением только желательным и, поскольку при этом дело идет о водворении на казачьих землях населения русского, а не инородческого, — указанный способ культуры пустынных земель не может вызывать никаких сомнений и в интересах колонизации окраин.

Совершенно иное и, надо думать, отрицательное значение для благосостояния казаков имеют первобытные способы казачьего сельского хозяйства, связанные с общинным строем землепользования казачьих станиц и поселков.

Немалое влияние на степень обеспеченности казаков землей оказывает неравномерное распределение ее между отдельными войсками. В то время как хозяйственно-войсковым единицам в Амурском и Уссурийском войсках, поземельное устройство которых еще в будущем, отведено земель так много, что большая часть их находится в аренде или пустует, в Семиреченском войске удобных земель до обычной нормы наделения казаков недостает, и лишь при предстоящем землеустройстве войск предполагается увеличить его землепользование прирезкой казенных земель.

Все казачьи земли, как уже замечено выше, делятся на войсковые и станичные. Земли, заключающиеся в оброчных статьях и запасных участках, назначаемых для наделения прироста населения, войско сдает в аренду и в плате за них или в использовании их природных

Сельскохозяйственный инвентарь сибирского казака: слева – сабан, справа – малороссийская соха, сзади нее – плуг Сакка

богатств имеет один из главнейших источников пополнения войсковых капиталов. Станицы образуют свои станичные капиталы из арендной платы за свои земельные угодья. Распределение земель станичных на пай между отдельными казаками, а равно и земельные переделы наблюдаются у казаков в Азиатской России лишь в Забайкальском войске. В остальных войсках, благодаря достаточному еще земельному простору, порядки землепользования в форму передельной земельной общины еще не вылились.

Казачье землепользование, как и вообще земельное хозяйство сибирских старожилов и переселенцев, интенсивным считать нельзя; значительная часть казачьих земель, иногда весьма ценных, еще не используются вовсе. Довольно пустынной представляется полоса сибирских казачьих земель, тянущаяся вдоль линии Сибирской железной дороги от границы Тобольской

губернии до г. Омска и по Иртышу, один из берегов которого совершенно еще не заселен. И на наделе своем казак обычно, как и все сибиряки, разбрасывает свои пашни и покосы там, где сама природа дает ему к этому наибольшие удобства, оставляя все остальное в нетронутым виде. Земледелие вообще не представляется истощающим занятием казачества в Азии. В 1910 году, например, даже в войсках с наиболее развитым земледельческим хозяйством, под посевами было не более 9 % всех их земель. Часто весь центр тяжести хозяйства казака лежит не в земледелии. Он стремится основать свое благосостояние на других промыслах, более подходящих к его духу; скитаться по степи со стадами или с табунами, бродить по тайге за зверем, добывать рыбу из сердитого, а подчас и грозного моря — ему еще пока милее мирных земледельческих занятий; и действительно, в то время как земледелие казаков стоит вообще на невысоком уровне и по технике своей ниже земледелия соседних крестьянских селений, скотоводство их достигает значительного развития во всех войсках, степной простор земли которых создает для него благоприятную почву; охотничий промысел поддерживает хозяйства забайкальских, амурских и уссурийских казаков, а рыбный промысел играет огромную роль в хозяйственной жизни амурских и уссурийских казаков. В Семиреченском войске развивается садоводство, занявшее в 1910 году под сады площадь более трех тысяч десятин и давшее сбор фруктов в 37 000 пудов; в Амурском и Уссурийском войсках более половины всех годовых доходов дает лесной промысел, наконец в Семиречье и у казаков Бийской линии развит и самый мирный из промыслов — пчеловодство.

Таково в кратких чертах современное положение казачества Азиатской России, в связи с его историческим прошлым.

Прошло время, когда одни казачьи линии, выдвинутые к рубежу азиатских окраин нашего отечества, служили для них сами по себе достаточной и надежной защитой. Новшества стратегии и техники военного дела и рост сил наших восточных соседей поставили на очередь заботы об иных, более современных способах защиты наших границ. Такими именно соображениями объясняется, очевидно, и принятое Военным ведомством решение отказаться от дальнейшего численного увеличения некоторых казачьих войск. Но необходимость новых и крупных мероприятий по усилению военной мощи Русского государства в Азии не умаляет и ныне важнейшего боевого значения ничем не заменимой полосы казачьих селений и казачьих войск на окраине. И как не может никогда наступить времени и условий, при которых умалилась бы государственная и нравственная ценность личной военной доблести, беззаветной преданности служебному долгу и верности Царю и родине, которыми проникнута жизнь нашего казачества на протяжении всей многовековой его истории, так и в наше время, при всех нынешних его условиях, у русского человека, знакомого с прошлым и настоящим наших славных казачьих полков, не может явиться сомнений в необходимости сохранить казачество, сохранить в его неприкосновенности и бытовой обособленности как историческое, драгоценнейшее и вполне самобытное явление русской жизни.

П.П. Любимов

ПРАВОСЛАВНАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ВЕРА В СИБИРИ

Христианское учение было известно населению Сибири, несомненно, гораздо раньше завоевания ее Ермаком. Проповеди Св. Стефана, апостола зырян, и его учеников, а также распространение христианства в покоренном царстве казанском не могли не отозваться и в Сибири. Легко проходимые Уральские горы никогда не препятствовали сношениям населения, живущего в Камском крае и за Уралом. Никакой этнографической границы здесь не существовало. Вогулы, татары, башкиры жили и живут по сю и по ту стороны Урала.

Но исторические сведения о насаждении православной христианской веры в Сибири относятся только к концу XVI и началу XVII веков, т.е. к тому времени, когда в этой стране появились оседлые русские жители.

Впрочем, известно, что и во время похода в 1580–1581 годах Ермак имел подвижную часовню с иконами и священнослужителей для отправления богослужений. Примеру его следовали казаки и стрельцы при дальнейшем покорении Сибири.

С падением царства сибирского и завоеванием всей северной Азии до берегов Тихого океана, уже не стало препятствий для мирной, культурной жизни. Осели казацкие дружины по острогам-городам. Под их охраной поселились сначала промышленные люди. Затем богатые девственные почвы Сибири привлекли сюда и земледельческое население, устроившееся вне городов. Пришли, наконец, и царские воеводы с ратными людьми для устройства государева дела в новой стране. Таким образом был положен первый камень в основании русской православной церкви в Сибири и вместе с тем ее внешней защиты в стране, не знавшей света Христова учения.

Как церковное строительство, так и всякая другая культурная работа наших пионеров шла от запада к востоку, а затем углублялась к югу, к границам Китая. Такое направление зависело всецело от того пути, по которому шло завоевание Сибири и соседних с нею земель.

Сказания об этом летописей сибирских страдают отрывочностью и неполнотой. Упомянем о самых древних.

В 1584 г. «воеводы Василий Сукин да Иван Меснов пришли с Руси, с ними многие русские люди, и построили первый сибирский город Тюмень (прежде был град Чангий), построили дома себе и церкви (одна из них во имя Всемилоственного Спаса)».

В 1587 г. письменный голова Данила Чуйков, по повелению царя Федора Иоанновича, построил г. Тобольск и 2 церкви — во имя Живоначальной Троицы и Вознесения Господня. Позднее, в 1602 году, здесь был построен храм на горе во имя святителя Николая, явившегося, как говорит предание, некоторым тобольским жителям. Это событие признали велением свыше построить церковь.

«В 1593 г. князь Петр Иванович Горчаков в новом гор. Пелыми построил церковь во имя Рождества Христова, с приделом Николая Чудотворца».

«В 1598 в г. Верхотурье, по повелению царя Федора Иоанновича, на средства казны, начата постройка соборного храма во имя Живоначальной Троицы (окончена постройка Борисом Годуновым)».

«В 1600 г. построен г. Туринск (на половине дороги между Верхотурьем и Тюменью) и в нем первая церковь во имя Бориса и Глеба».

«В 1601 г. в г. Мангазее* построена церковь во имя Живоначальной Троицы, а в посаде, где домов было немалое число, устроено две церкви».

В 1631 г. енисейские казаки при Братском** остроге построили церковь.

Также построены были храмы в 1-й четверти XVII столетия и в других новых городах: Березове, Обдорске, Сургуте, Нарыме, Томске, Кузнецке, Енисейске.

Во вновь устраиваемые церкви Государями Федором Иоанновичем и Борисом Годуновым присылались иконы, ризы, богослужебные книги, утварь, ладан, воск, вино церковное, колокола***.

Таким образом, не прошло и 50 лет со времени обладания русских сибирской страной, а вера хрис-

* Мангазее — первый русский город в Сибири; основан в 1600 г. на правом берегу реки Таза; вел значительную торговлю и считался главным пунктом Нижне-Енисейского края; после двух пожаров обеднел настолько, что во 2-й половине XVII века окончательно запустел. Слово «Мангазее» — скорее всего испорченное сибирским произношением — «магазин»; здесь раньше был устроен запасный склад (магазин) для хранения провианта, выдаваемого бесплатно крещеным самоедам; но есть и другие объяснения.

** Братск, селение Иркутской губернии, находится при впадении р. Оки в Верхнюю Тунгуску.

*** В 1593 г. прислан был из Углича в Тобольск колокол с оторванным ухом, в знак опалы на возмущившийся Углич при убиении царевича Дмитрия.

тианская уже прославлялась во многих православных храмах от восточных склонов Урала до берегов Енисея. Конечно, храмы эти не отличались внешним благолепием — все они были деревянные. Так, например, на храм, построенный в Тобольске Чулковым, употребили дерево тех лодок, на которых он прибыл. Не отличались добродетелями христианскими и прихожане этих церквей. Патриарх Филарет прислал в Тобольск грозную обличительную грамоту, писанную 11 февраля 1622 г. В ней описаны многие пороки русских сибиряков; к искоренению их призывались власти церковные и гражданские.

Заботы правительства о церковном деле в Сибири были необходимы для укрепления здесь русской государственности. Благодаря разбросанности населения, его разъединенности, полной некультурности, огромная Сибирь была быстро завоевана небольшими отрядами храбрых казаков и стрельцов и застроена в стратегических пунктах деревянными острожками-городами. Но опираться на такие только средства московское государство не могло, оно должно было помнить, что объединение и коренных русских областей под главенством Москвы совершилось под влиянием христианской веры и при содействии высшей церковной власти. Следовательно, историческое развитие русского государства давало в руки правительства испытанное уже средство для укрепления за собою новых приобретений с иноверческим населением.

Под влиянием этих идей и исконной преданности христианской вере у московских государей сложилась целая система церковного строительства в Сибири. Основная ее мысль та, что необходимо не только завоевать эту страну для государства оружием огнестрель-

ным, но и покорить ее святой православной церкви оружием духовным.

Трехсотлетняя история церкви сибирской ясно свидетельствует, насколько многотрудна эта, предпринятая святителями православной церкви при поддержке всего народа русского и его царственных вождей, борьба света Христова с тьмой иноверия и язычества. Хотя теперь лучи света проникли уже во все уголки необъятной страны, но до полного торжества над тьмой и ныне здесь еще далеко.

История созидания православной церкви Христовой среди шаманистов, магометан, ламаитов имеет глубокий интерес для всей христианской церкви. Но в рамки настоящего очерка войдут только главные моменты этой жизни: насколько она проявилась по инициативе правительства и в чем выразились идеалы самих членов юной сибирской церкви.

Первым актом правительственных забот о церкви сибирской было установление в ней особого епархиального управления в 1620 году. До сего времени церковные дела всей страны состояли в ведении архиепископа вологодского и великопермского. Местопребыванием первого сибирского архиепископа Киприана Старорусенина, с присвоением ему титула архиепископа сибирского и тобольского, был назначен г. Тобольск, где проживал и главный царский воевода*.

Патриарх Филарет, вручая Киприану архиерейский жезл, заповедал ему достойно пасти словесное стадо и обращать ко Христу идолопоклонников. Прибыв на место, владыка был поражен крайним настроением

* Ранее резиденцией воеводы был г. Тюмень.

Мангазейская часовня в Туруханском крае

церкви; оно отражалось главным образом в недостойном поведении духовенства белого и монашеского. Да и состав его был малочисленный. Три года неустанно трудился архиерей; устранил многие непорядки церковные. При нем было уже до 30 церквей и 12 монастырей и несколько молитвенных домов. По его ходатайству, Государь Михаил Феодорович подарил архиерейскому дому 100 дес. пахотной земли и на 800 копен сенокосу. Доходами с этой земли обеспечивалось материальное положение архиепископа тобольского и служащих при нем. Архиепископ Киприан по тому времени был образованным человеком, он считался первым сибирским летописцем. Многие сведения его летописи заимствованы от живых еще в то время сподвижников Ермака.

Вторым архиепископом сибирским и тобольским был Макарий (1625–1635), из дворян Кучиных. При нем христианство распространилось до р. Енисея. Третьим архиепископом был Нектарий.

Архиепископ Герасим Кремлев известен как муж духовно-просвещенный; он заботился об образовании детей духовенства, а также и о приготовлении церковнослужителей. Ему принадлежит ученая рукопись: «Алфавит неудобь разумеваемых речей, иже обретаются во святых книгах словесного языка».

Пятый архиепископ Симеон заботился о благолепии церковном: так, он поставил в небольшой Знаменский монастырь архимандрита с митрой (первый случай в сибирских монастырях), определил первых протоиереев — двух для г. Тобольска и по одному в города Томск, Енисейск и Верхотурье; установил во всей епархии единоголосное пение и чтение псалтыря посреди церкви.

С 1668 г. сибирская епархия возведена на степень митрополии, занявшей в числе тогдашних митрополичьих кафедр русской церкви четвертое место, после новгородской, казанской и астраханской. Первым митрополитом был поставлен Корнилий (1665–1678), собравший для тобольского собора богатую ризницу, украшенную жемчугом. При нем был в городе страшный пожар от молнии: в течение часа выгорела лучшая часть города, 10 церквей и собор со всей утварью.

Четырнадцатилетнее управление сибирской епархией митрополита Павла* (1678–1692) ознаменовалось некоторыми событиями, имевшими важное значение и для всей православной русской церкви. При нем возбужден вопрос об учреждении в Сибири 4-х викариатств, в крайнем случае — двух, так как христианство распространилось уже в Забайкалье до Приамурья (Албазин). Руководство из Тобольска делами церкви в этих дальних

* Был духовником царевны Софьи Алексеевны; при нем тунгусский князь Гантимур с семьей и всеми подданными (500 чел.) принял христианство.

окраинах было невозможно. При существовавших в то время путях сообщения, на поездку в один только конец требовалось не менее полутора года. По неизвестным причинам вопрос о викариатствах, однако, не осуществился.

Смуты церковные в Москве, вызванные исправлением богослужебных книг, отозвались и в Сибири. Раскольники и все недовольные суровым патриархом Никоном массами устремились в глухие места государства, а также и за Урал. Здесь они нашли полный простор своему фанатизму. Когда митрополит в день св. Пасхи совершил богослужение по новым книгам, то по выходе из собора подвергся публичному поруганию трех старцев-раскольников. Бывший тюменский иерей Доментиан (в монашестве Даниил), перешедший в раскол, фанатическими речами наэлектризовал своих последователей до такой степени, что они с женами и детьми, всего 2 700 человек, подвергли себя самосожжению (в Тобольском уезде, на речке Березовке). Примеру их последовали и в других местах Верхотурского и Тюменского уездов.

Дикий фанатизм раскольников не щадил и православных мирян. В 1686 г. в с. Каменке, Тюменского уезда, в пасхальную заутреню, от поджога раскольниками, сгорела Покровская церковь вместе с прихожанами до 250 человек.

Вообще годы второй половины XVII в. были временем особенно сильного религиозного возбуждения. Митрополит Павел в 1681 г. предал отлучению от церкви воеводу тобольского «за прозорство, гордость, неистовое житие, блудодеяния и за непристойные и порочные слова». По прибытии в Москву воевода не удостоен быть у рук Великих Государей и получить бла-

гословение от патриарха. Отверженный воевода вступил в монашество и принял схиму.

Частые и опустошительные пожары, разоря население, отзывались на церковном строительстве. Обзаведение храмов утварью и другими принадлежностями вызывало непосильные расходы и затяжки во времени. Кроме лесного материала, все приобреталось из Москвы. Почин в устройстве каменных храмов, вместо деревянных, принадлежит митрополиту Павлу. Им было построено, с пособием от казны деньгами (700 р.) и железом (682 пуд.), шесть церквей в Тобольске и в двух селах.

В XVIII веке свет Христова учения озарил отдаленные страны Сибири — Забайкалье и Камчатку. Это было делом неутомимых проповедников — митрополитов тобольских и первого епископа иркутского Иннокентия.

Митрополита Филофея Лещинского (1702–1711 гг. и 1715–1721 гг.) история называет просветителем Сибири. Современник знаменитого Дмитрия Ростовского, Филофей получил образование в Киевской академии, принял монашество и по повелению Петра Великого назначен на многотрудную кафедру тобольскую. Около 15 лет неустанно заботился владыка о просвещении своей необъятной епархии. Несмотря на слабость здоровья и крайнюю скудость денежных средств, лично посещал далекое Забайкалье и малодоступные места по р. Оби.

Приемник его, учитель Киевской академии, проповедник лавры и плодовитый писатель-богослов Иоанн Максимович известен своей благочестивой жизнью и просвещенной деятельностью на пользу церкви сибирской.

Последним митрополитом тобольским и сибирским был Павел II Конюшкевич (1758–1768); 10 лет ревностно

*Тобольский и Сибирский
митрополит Павел II
(с 1758 по 1768 г.)*

тно и мудро управлял он сибирской паствой и окончил святую свою жизнь подвижником в Киево-Печерской Лавре, где покоятся его нетленные мощи.

Только в 1727 году была открыта 2-я самостоятельная епархия в Сибири — иркутская. Гениальный Петр Великий, редко ошибавшийся в выборе достойных слуг государству, заранее предназначил для проповеднической деятельности в этом

крае знаменитого Иннокентия, из древнего рода волынских дворян Кульчицких. Он и был назначен первым епископом на вновь открытую кафедру. Выбор оказался весьма удачным. Проповедническая деятельность епископа среди бурят и тунгусов имела огромный успех, а строгая подвижническая, истинно христианская жизнь его снискала ему глубокое почитание современников и потомства. Спустя 33 года после его смерти тело его обретоно нетленным. Русская церковь причислила епископа Иннокентия к лику святых. Мощи его почивают в Иркутске.

К началу XIX в. христианство имело уже тысячи последователей среди остяков туруханских, березовских, сургутских и нарымских, вогулов пельымских и кондийских, татар чулымских, кыштымцев, даже среди киргизов; а камчадалы, по донесению Синоду архимандрита Хотунцевского, все были крещены.

Успехи христианства в Сибири достигнуты главным образом личной энергией святителей тобольских и иркутских. Много было у них сотрудников из лиц разных званий, но подбор их требовал от владык большой осмотрительности*. Затруднение состояло в том, что Сибирь не имела своих образованных людей. Для дела миссионерского и священнослужения приглашались большей частью лица из лучших монасты-

Святитель Иннокентий
Иркутский

рей московской митрополии, или же из воспитанников Киевской славяно-греко-латинской академии. В 1703 г., при Филофее Лещинском, в Тобольске открыта славяно-латинская школа, первый рассадник просвещения для местного населения. Через 40 лет школа эта преобразована в семинарию, с преподаванием в ней богословских наук. Преподавателями были окончившие учение в Киевской академии. Духовенству сибирских причтов было предписано присылать для обучения в семинарию своих детей от 8 до 18 лет. К концу XVIII века, благодаря строгости архиереев тобольских, преподавание в семинарии было поставлено на должную, по тому времени, высоту, и семинария имела до 500 учащихся.

* На Курильских о-вах крестил туземцев сборщик ясака Матвей Новограбленный. Новокрещеным он разрешал льготу от платежа ясака на 10 лет, в удостоверение чего выдавал им особые билеты. Епископ Неронович призывал к делу проповеди лиц, не принадлежащих клиру, напр., толмача при инородческом управлении Давыдова и т.п.

Лишь с этого времени для просветительных потребностей Сибирь стала иметь своих подготовленных людей.

Успехами миссионерства в Сибири служили и монастыри. Вообще в истории просвещения русского народа монастыри имели огромное значение, служа местом непрестанной проповеди христианского учения не только словом, но и делом, животворящим это учение. Вот почему святители московские, вручая архипастырский жезл владыкам сибирским, наставляли их при этом иметь постоянные заботы об умножении в епархии не только приходских храмов, но и монастырей. Из государственной казны на строительное церковное дело отпускались иногда значительные суммы, ценная утварь, отписывались из казенных владений большие участки пахотных и сенокосных земель, в реках и озерах — места для рыбной ловли. А этими дарами обеспечивалось не только существование монастырей, но и богатство некоторых из них: на вольных и удобных монастырских землях охотно селились разные пришельцы русские на условиях, весьма выгодных для владельцев. Другой способ обеспечения монастырей состоял в выдаче денежного жалованья игумену и в отпуск на содержание братии съестных припасов.

Если присоединить к этому скромные требования тогдашней монастырской жизни, то станет вполне понятным, почему в XVII и XVIII веках основано в Сибири 37 монастырей; из них только 5 приходятся на XVIII век.

Справедливость не позволяет умолчать, что, содействуя всем мероприятиям по водворению христианства в Сибири, правительство прибегало иногда и к таким средствам, которые мало отвечают духу учения Христа. Так, напр., оно предоставляло инородцам, принявшим

Туруханский Троицкий монастырь

христианство, разные льготы: освобождало их от ясака и воинской повинности, выдавало им одежду, хлеб и другие хозяйственные предметы. Поступая так, правительство имело в виду, что высота христианского учения и превосходство его пред иноверием и особенно язычеством мало доступны неофитам. А между тем, для приемлющего новую веру нужно лучше видеть какие-нибудь преимущества ее.

Одним из указов Петра Великого (митрополиту Лещинскому от 1710 г.) объявлялась даже казнь смертная противникам миссионерской деятельности владык тобольских.

Таким образом, русская церковь в Сибири в борьбе с иноверием была вооружена и властью, и разносторонними материальными средствами.

Но созидательным внутренним началом ее явилась, главным образом, могучая сила: религиозно-нравственное мировоззрение русского народа и его идеалы, которые он выражает в особом почитании святых угодников Божиих, икон, храмов, мощей мес-

тнотчимых подвижников, а также и некоторых священных в глазах народа мест, где, по глубокой вере немудрствующих лукаво, проявилась чудодейственная благодать Божия. Огромное значение этих культов в религиозной жизни христиан очевидно всякому, но не менее важно оно и для иноверцев, незаметно создавая в душе их готовую почву для восприятия семян христианского учения.

Наиболее ярко проявилось это религиозно-нравственное мировоззрение народа в особом почитании следующих православных христианских святых Сибири.

1. Абалакская икона Богоматери. Изображение на иконе состоит из следующих ликов: в середине Богоматерь с Предвечным Младенцем, написанные по точному подобию иконы Знамения Пресвятой Богородицы, а засим с правой стороны св. Николай Чудотворец, с левой — преп. Мария Египетская. Происхождение этой иконы тесно связано с построением в погосте Абалакском* Знаменского храма. Летописное сказание повествует об этом построении как о событии необычайном. Вдохновительницей святого дела являлась одна благочестивая вдовица из Новгородской области, по имени Мария. Она требовала, вследствие бывших ей откровений, именем Божией Матери, устройства на Абалаке храма в честь иконы Знаменья, с приделами во имя св. Николая и преп. Марии Египетской. По благословию третьего архиепископа Сибири Нектария, в 1636 году, усердием прихожан, — именитых граждан и простых жителей, — стал строиться храм с означенными приде-

* Погост Абалакский находится в 25 верстах от г. Тобольска, на правом берегу р. Иртыша. Абалак — древний городок татарский, получивший название от имени одного сибирского князя.

лами. Все строители выказали при этом необычайное усердие: своими руками рубили лес, сплавливали и выгружали его на высокий берег Иртыша, на свой счет наняли рабочих для постройки церкви. Во вновь устроенный храм поставлена икона «Знаменье», написанная самым искусным иконописцем того времени в Сибири, протодиаконом

Абалакская икона Божией Матери

тобольского собора Матфеем. В настоящее время икона эта покрыта ризой из чистого золота, со многими алмазами и жемчугами. Стоимость ее не более 9 тыс. рублей. Храм деревянный заменен каменным; приход закрыт, и в 1783 г., по Высочайшему указу, сюда переведен монастырь из села Невьянского, Пермской губ., с наименованием его «Абалакский Знаменский».

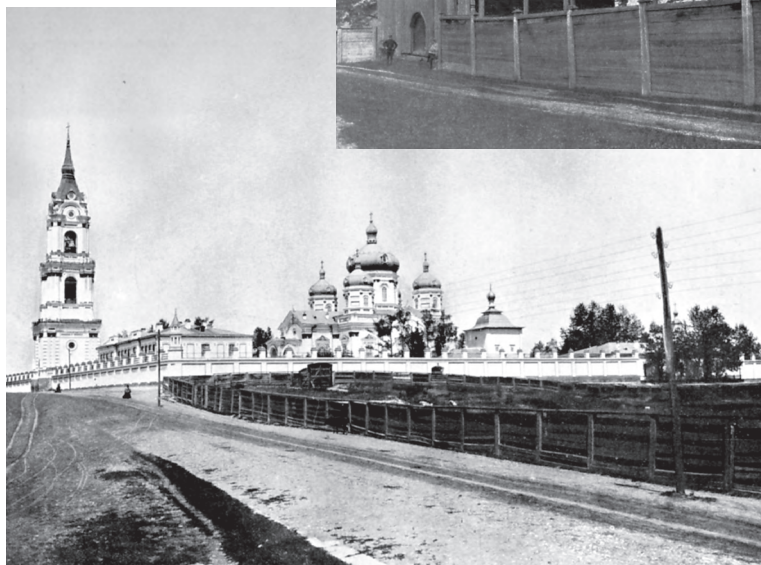
Благодаря многим чудесам, совершившимся по молитве верующих у святой иконы, она прославляется всей обширной Сибирью. На поклонение ей стекаются богомольцы даже с берегов Дона и Черного моря. Абалакская икона для православных Сибири такая же святыня, какую почитаются в Европейской России иконы Богородицы Владимирской и Смоленской. Копии с этой иконы распространены во многих храмах сибирских. Но особенным почитанием пользуются списки с иконы в городах: Кургане, Петропавловске, Томске, Иркутске, Омске.

2. Копия описанной чудотворной иконы, в Семипалатинске, именуемая «Семипалатинско-Абалакская». Особое почитание ее имеет связь с экспедицией генерала Лихарева, отправленного Петром Великим в 1719 г. в калмыцкую землю для постройки крепости Усть-

*Старинная церковь
на вратах (построенная
в 1756 г. в Киренском
св. Троицком монастыре)*

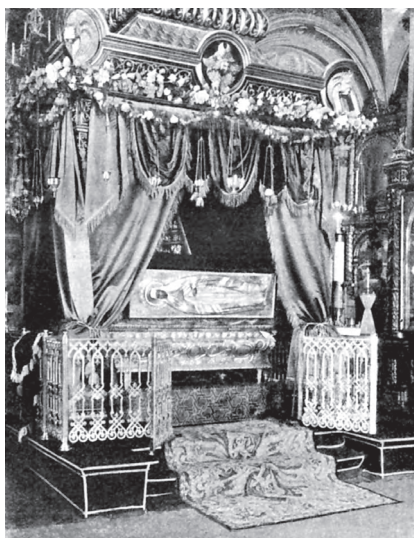
*Иркутский Вознесенский
Святителя Иннокентия
монастырь*

Каменогорской, на берегу Иртыша. Быстро и спокойно, не тревожимая воинственными инородцами, флотилия Лихарева, взявшая в путь эту икону, совершила свой длинный (более 1000 верст) путь вверх по Иртышу. Но у Семипалатинской крепости судно со св. иконой остановилось, и никакими усилиями не могли его сдвинуть с места. Видя в этом волю Божию, икону перенесли в крепостной храм. В настоящее время она поставлена в Знаменский собор г. Семипалатинска. Копия с нее находится в храме «Свято-ключинской Знаменской миссионерской женской общины», учрежденной в 1903 г. Для устройства общины избрано место в двух верстах от города, в ущелье, где из-под корня дерева бьет ключ прозрачной холодной воды. Здесь, по народному сказанию, совершилось чудесное явление Семипалатинско-Абалакской иконы Богоматери. С того времени ключ этот называется «святым». Православные богомольцы Сибири, с верой в благодатную силу воды, пьют ее и берут с собою домой для благоговейного потребления. Есть народное свидетельство о многих чудесных исцелениях, полученных от св. иконы и от воды св. ключа.

3. Из числа святых, подвизавшихся в пределах церкви сибирской, имеются обстоятельные исторические сведения о св. Иннокентии, первом епископе иркутском, память которого празднуется 26 ноября, о преподобном Симеоне Верхотурском — память его 12 сентября и святом Василии Мангазейском — память которого 23 марта.

а) Открытие мощей свят. Иннокентия совершилось спустя слишком 70 лет после его смерти. Но почитание его, как святого мужа, паствой иркутской началось со дня его блаженной кончины.

*Рака св. Иннокентия
в Вознесенском монастыре*

На месте погребения его служили панихиды, а в домах своих многие жители имели его изображения и ставили перед ними свечи. В настоящее время иркутский Вознесенский монастырь, где покоятся мощи святителя, почитается в Сибири такой же святыней, как в Европейской России — лавры Киево-Печерская и Троице-Сергиевская.

б) Преподобный Симеон Верхотурский

родился в царствование Бориса Годунова в Европейской России. Родители его принадлежали к боярскому сословию. С раннего возраста полюбил он жизнь уединенную, покинул свою родину и удалился за Урал, где и поселился в Меркушине*. Скрыв свое знатное происхождение, Симеон занимался портновским делом, оно давало ему средства для скромного существования. Ремесло это потребовало постоянного хождения по разным селениям и домам обывателей, приглашавших его для шитья. Большею частью Симеон не брал денег за свою работу, он довольствовался тем, что давали ему приют и пищу. Мысль о стяжании чужда была ему; главную цель своей жизни праведник видел в назидании христиан юной церкви сибирской словом и делом

* Меркушино — пристань на р. Туре, в 50 верстах от г. Верхотурья.

в духе евангельском. Беседы его, проникнутые искренностью, и безупречная жизнь привлекли к нему даже и непросвященных христианством. Усердное и благоговейное отношение к храму еще более возвышало чистый облик Симеона. Он умер в 1642 г. на 35 году своей жизни и погребен в с. Меркушине. Вера народная еще при жизни Симеона почтила его праведником, а ряд чудесных исцелений, совершившихся у нетленных мощей его, побудил митрополита тобольского Игнатия вынуть их из могилы и поместить открытыми в церкви Архистратига Михаила. В 1704 г. мощи праведного Симеона перенесены из Меркушина в верхотурский Николаевский монастырь, где пребывают в настоящее время и привлекают многих богомольцев.

в) О Василии Мангазейском, жившем в начале XVII века, имеется мало сведений. Но то уважение и общая любовь, которыми он пользовался, несмотря на свои молодые годы, среди сограждан, вполне оправдывают прозвание Василия благочестивым. Положение его в городе было самое скромное: он состоял приказчиком в торговом деле одного купца, человека жестокого, не постеснявшегося обвинить честного Василия в краже товара из лавки. Искать оправдания, при продажности местных властей того времени, было делом невозможным. Неповинного Василия истязали и убили; тело его бросили непогребенным в тундре. После нескольких чудесных явлений и знамений тело праведного Василия вынуто из тундры и положено в гробницу. Благодатные исцеления, совершавшиеся при мощах его, свидетельствовали о святости Василия. В настоящее время мощи его покоятся в Туруханском монастыре, в 30 верстах от г. Туруханска. Несомненно, в будущем синодик святых церкви православной должен увеличиться именами под-

вижников благочестия, почитаемых местным христианским населением Сибири. К числу таких лиц относятся митрополиты тобольские Иоанн Максимович и Павел Конюшкевич и старец Даниил Ачинский. Святители Иоанн и Павел — видные исторические деятели. О них упомянуто уже выше. Скажем несколько слов о старце Данииле. Он был крестьянин-малоросс, 17 лет состоял в военной службе, затем открыто заявил своему начальству, что дальше служить не желает и намерен остальные дни своей жизни посвятить на служение Богу. За это военным судом Даниил был приговорен к каторжной работе. Слишком 20 лет с христианским смирением отбывал он это наказание и освобожден был от него лишь по преклонности лет. Получив свободу, поселился в окрестностях г. Ачинска, в дер. Зерцалах, в тесной келье. Строгая подвижническая жизнь его привлекла к нему многих почитателей среди народа. Скончался 15 апреля 1843 г. и погребен в енисейском женском монастыре.

Такова картина церковной жизни к началу XIX века на огромном фоне сибирской страны.

XVII веке, в патриарший период, церковь в Сибири служила предметом особого попечения о всех нуждах ее со стороны государей и святителей московских. Но со времени Петра I все церковное дело в государстве получило новое направление. «Совести человеческой приневоливать не желаем и охотно предоставляем каждому на его ответственность пецсия о спасении души своей» (указ 1702 г.). Эти прекрасные слова для дела миссии не поощрительны. Миссионерству в Сибири Петр Великий придавал главным образом политическое значение и видел в нем только средство для сближения с Китаем и народностями Централь-

ной Азии. При Императрице Елизавете, благосклонно относившейся к делу церкви, миссионерство в Сибири оживилось, но не надолго. Екатерина Великая принцип веротерпимости довела до покровительства всем, даже языческим, верованиям. Поощрительные меры к крещению иноверцев были отменены, кроме трехлетней льготы податей и рекрутства новокрещеным. Целый ряд православных монастырей в Сибири был лишен обширных земель и доходов. Но особенно сильный удар нанесен был церковному делу в Сибири покровительством магометанству и ламаизму инородцев Сибири. Их духовенству — муллам и ламам — предоставлены привилегии православного духовенства, даже более: они получали казенное содержание, чего не имело православное духовенство. В царствование Екатерины на казенный счет был впервые напечатан для киргизов коран. Местное православное духовенство белое и монашескующее не всегда стояло на должной высоте. До XIX века от Урала до Камчатки было только две епархии — тобольская и иркутская, и, несмотря на обширность епархиальных территорий и разбросанность населения, деятельность владык сибирских была в высокой степени плодотворна: многие тысячи инородцев просвещены христианской верой. Святители Филофей Лещинский и Иннокентий Кульчицкий за свою проповедническую деятельность почтены историей высоким именем апостолов сибирских. Все благоустройство церковное в этих епархиях своими успехами обязано главным образом личным талантам и энергии сибирских архипастырей. Их ближайшие сотрудники — священники и монашескующие, за редкими исключениями, были люди пришлые, без образования и, главное, невысоких нравственных качеств.

Своих людей, подготовленных для церковного служения, Сибирь не имела до XVIII века. Славяно-латинская школа, открытая Филофеем Лещинским, только в 1744 г., при митрополите Антонии 2 Нарожницком, была преобразована в семинарию.

Монастыри, к сожалению, также не оправдали надежд, возлагавшихся на них правительством и архипастырями. Причина этого — особые условия быта сибирских монастырей. Все они, за исключением городских, находились среди бродячих и кочевых народов — остяков, вогулов, самоедов и тунгусов. Половина монастырей была скучена в меньшей западной части Сибири, — по преимуществу на левом берегу Обской системы: в области Енисея и Лены находилось только 6 монастырей. Личный состав монашеского духовенства был весьма малочисленный: в среднем от 4 до 5 иноков на монастырь, и притом значительная часть его — пришельцы из московских, новгородских и других старорусских монастырей. При малочисленности братии встречались нередко лица, позорящие иноческое звание. Когда же архиепископ Макарий приказал принимать братию «с рассмотрением», то некоторые монастыри запустили.

В XVIII веке и материальное положение монастырей было плохо обеспечено. Св. Иннокентий, епископ иркутский, человек подвижнической жизни, не мог, однако, найти удобного для себя жилья в городе и жил в Вознесенском монастыре, за р. Ангарой, в 5 верстах от своего кафедрального города. Нестыжательный, всегда сам довольный бедной своей одеждой и своим скудным содержанием, владыка не мог оставаться спокойным, зная, что его слуги и сотрудники терпят материальную нужду. В 1729 г., во время поездки для обозрения своей

Томский Алексеевско-Богородский монастырь

епархии, он вынужден был принять мирское подаяние от крестьян, поднесших ему по пуду пшеницы со двора.

Судьба Невьянского* монастыря, одного из древнейших в Сибири (основ. в 1621 г.), наводит на грустные мысли. Дело было при Петре Великом. Отписывая Уральские рудоносные земли известному Никите Демидову для заводского дела, он приказал отмежевать к нему и соседние монастырские угодья, а иноков перевести в другие монастыри. И только старость и дряхлость бедных монахов спасли обитель до времени от окончательного разорения**.

Знаменитый указ Екатерины II 1764 г. об отобрании монастырских и церковных имуществ в казну нанес смертельный удар многим монастырям Сибири. Впоследствии некоторые из них, за недостатком средств к существованию, должны были закрыться.

* Название монастыря от реки Нейвы, притока Туры.

** В 1783 г. Невьянский монастырь переведен в Абалак и переименован в Знаменский.

Посольский монастырь в Забайкалье

Из 37 монастырей, значащихся в летописях сибирских в XVII и XVIII веках, сохранились до настоящего времени следующие 17 монастырей: **1** — Знаменский в Тобольске (основ. в 1601 г.); **2** — Троицкий в Тюмени (1616 г.); **3** — Николаевский в Туринске (1622 г.); **4** — Рождественский в Енисейске (1623 г.); **5** — Спасский в Енисейске (1642 г.); **6** — Междугорский Иоанновский вблизи Тобольска (1653 г.); **7** — Троицкий в остяцком княж. Коде, на р. Оби (1656 г.); **8** — Спасский в Якутске (1659 г.); **9** — Троицкий в селе Монастырском около Туруханска (1660 г.); **10** — Алексеевский в Томске (1653 г.); **11** — Свято-Троицкий в Киренске (1663 г.); **12** — Вознесенский в 5 вер. от Иркутска (1672 г.); **13** — Троицкий (1681 г.); и **14** — Посольский Преображенский (1706 г.) в Селенгинске; **15** — Знаменский в Иркутске (1693 г.); **16** — Спасский Братский на р. Тунгуске (в XVII в.); **17** — Абалакский Знаменский (1783 г.).

«Святыни Сибири» по своему происхождению не самобытные сибирские. Корень этих святынь — Европейская Россия; на почве Сибири они только видоизменились. Так, абалакская икона «Знаменье» — точная копия новгородской того же названия, с добавлением всего двух ликов — свят. Николая и преп. Марии Египетской. Это совпадение служит веским подтверждением установившегося исторического взгляда на начало колонизации Сибири новгородцами.

Святочитимые в Сибири: епископ иркутский Иннокентий, митрополиты тобольские Иоанн Максимович и Павел Конюшкевич, преподобный Симеон Верхотурский — все и родились, и провели большую часть жизни в Европейской России. Сибири принадлежат только последние годы их славной жизни. Подвижник Даниил Ачинский — родом малоросс.

Двухсотлетняя многотрудная работа на ниве сибирской далеко еще не принесла ожидаемой полной жатвы. Издавна семена учения Христова щедрою рукою посеяны во всю длину этой нивы, от Урала и до Камчатки. Правда, семена взопли, нива покрылась ростками, но дальнейшее развитие остановилось. Где же причина такой малоуспешности православной миссии? Очевидно, и в почве, и в сеятелях. Быстрые успехи огнестрельного оружия увлекли духовное воинство, стремившееся добыть столь же скорую победу христианства над иноверием. Иноверие уступило, но не умерло. Остяк, тунгус и др. из новокрещеных умели творить крестное знаменье, с важностью выставляли напоказ свои шейные крестики*, величали себя «русскими», а все-таки, при случае, не забывали своих шаманов и по обычаю

* Правительство высылало тысячами серебряные и медные шейные крестики для подарков новокрещеным.

одаряли своих божков, укрытых в лесах или в малодоступных местах. Чтобы язычник стал христианином не по имени только, для этого необходимо перевоспитать его и, по возможности, оградить его от суеверных влияний, властвующих нередко и над людьми более сильными духом, чем некультурные инородцы.

Осуществить такие задачи миссионерского дела было не по силам для сибирских деятелей XVII и XVIII веков. Для этого не было достаточно подготовленных людей, не хватало и денежных средств, до крайности скудных, — хотя для таких архипастырей, как Филофей Лецинский и Павел Конюшкевич эти задачи составляли заветную мечту.

Новые идеи православного христианского миссионерства получили полное свое развитие только в XIX веке; лишь с этого времени церковь стала на иной путь обращения иноверцев к истинам учения Христова, путь медленный, но верный. Высокая заслуга в этом деле принадлежит малоизвестным историческим деятелям: архимандриту Макарию Глухареву и профессору Казанской духовной академии Николаю Ивановичу Ильминскому.

Архимандрит о. Макарий Глухарев — уроженец г. Вязьмы, воспитанник Смоленской духовной семинарии и С.-Петербургской академии, удостоенный ею степени магистра. При учреждении Синодом миссии для сибирских инородцев изъявил желание войти в состав ее. В 1830 году был назначен миссионером в Бийский округ, Томской губ., населенный татарами и калмыками, где и положил начало Алтайской миссии. Христианами были здесь до него только старообрядцы.

Тяжелы были первые два года его служения. Старообрядцы отнеслись к нему враждебно, предвидя в архи-

мандрите Макарии соперника, могущего подорвать их сильное влияние на инородцев. При незнании местных наречий, трудно было бороться с такими противниками православия. Но непоколебимая преданность святому делу и таланты о. Макария обессилили врагов его. В два года он настолько овладел калмыцким и татарским языком, что приступил к переводу на эти наречия необходимых для первоначального просвещения христианством богослужебных книг и Священного Писания. Кроме евангелия и нескольких апостольских посланий, им переведены с толкованиями 10 заповедей, символ веры, молитва Господня и др.

С 1832 г. о. Макарий начал свою миссионерскую службу и в течение 14 лет, несмотря на слабое здоровье, не оставлял своего, поистине, апостольского труда. До сего времени среди алтайского населения живет благодарная память о нем, как о самоотверженном миссионере и личности высоконравственной. Знают его и в Европейской России: на могиле его (погребен в Болховском монастыре, Орловской губ.) богомольцы, даже из дальних мест, служат панихиды.

Всех обращенных в христианство о. Макарием было только 675 человек. Но эти юные христиане, благодаря предварительному изучению истин веры на своем родном наречии, были уже сознательными исповедниками Христа.

Как новорожденный для своего развития не может обойтись без помощи взрослых, так и новокрещеный в первые годы новой жизни не может быть предоставлен самому себе и требует всестороннего попечения.

Эта очевидная истина принята в основу миссионерства впервые о. Макарием Глухаревым. Трудно описать все те мельчайшие заботы, которыми он старался окру-

жить своих полудиких братьев во Христе. Он основал три школы, церковь, больницу, строил для них дома, приобретал домашний скот, земледельческие орудия, хлебные семена, — словом, все, что необходимо для оседлого хозяйства. На эти нужды он отдавал последние свои денежные средства. Для большого успеха в делах миссии, подведомый ему Алтайский округ был разделен на 3 стана: Бийск, Найига и Улала. При последнем из них учреждена женская община. В настоящее время на этом месте возник благоустроенный женский монастырь. Усердной его помощницей в этом деле была София Вальмон, дочь одного французского офицера, убитого в Бородинском сражении, посвятившая себя делу распространения христианства.

Алтайская духовная миссия, руководимая своим основателем, дала прекрасные результаты, она указала надежные пути, следуя которым, все иноверие Сибири со временем войдет в лоно православной христианской церкви. В настоящее время организация Алтайской миссии во многих отношениях служит образцом для всех наших духовных миссий в Сибири.

Николая Ивановича Ильминского можно назвать, по времени и сходству взглядов на миссионерство, преемником о. Макария Глухарева. Значение его для истории всей русской церкви огромное, хотя многолетняя его служба (более 40 лет) посвящена была миссионерству только среди татар Поволжья. Как прекрасный знаток арабского, татарского и др. сродных с ними наречий, он до самой своей смерти трудился над переводами священных и богослужебных книг на инородческие языки. Для большей доступности и сближения с русскими, переводы сделаны на разговорном народном языке, с соблюдением русской транскрипции. При содействии

Казанского братства св. Гурия, переводческая комиссия, под главным руководством Николая Ивановича, сделала переводы священных и богослужебных книг на следующие инородческие языки: татарский, чувашский, черемисский, вотяцкий, киргизский, мордовский, алтайский, бурятский, тунгусский и остяцко-самоедский. Говорить о важности этих переводов нет надобности. Достаточно привести отзыв современной печати по поводу смерти Ильминского*: «кончина Николая Ивановича — великое горе и целое несчастье для православной церкви, для русской науки, для русской школы и для всего общества».

Умерли великие труженики миссионерства, но идеи, положенные ими в основу святого дела, живут и развиваются теперь уже не только отдельными личностями, а церковными братствами и Всероссийским православным миссионерским обществом.

Деятельность братств направлена главным образом на борьбу с расколом и сектантством. Одно из них — Казанское братство св. Гурия, основанное в 1867 г., по мысли Н.И. Ильминского, трудится на пользу просвещения инородцев приволжских и сибирских, путем издания религиозных книг в переводе на инородческие языки.

Главная задача деятельности миссионерского общества — распространение и утверждение христианской веры и просвещения среди иноверцев. Основано общество в 1865 г. и служит лучшим и живым памятником о. архимандрита Макария Глухарева. Идея этого общества и основные положения его принадлежат о. Макарию, хотя открытие общества последовало на 17 лет позже его кончины. Притом грушу из самого о. Макария с его

* Умер в конце 1891 г. При его погребении эктении, возгласы и некоторые песнопения произносились на перечисленных выше инородческих языках.

*Миссионерская церковь
в селе Алар, Иркутской губ.*

немногими тогда сотрудниками смело можно назвать первообразом малого миссионерского общества. Для усиления денежных средств общества и для большей производительности его трудов открыты при 56 епархиях отделения или комитеты, в том числе при всех 11 епархиях сибирских*. Во главе комитетов стоят местные архиереи, заведующие делами миссии каждый в пределах своего ведомства.

Сибирские миссии имеют довольно сложную организацию. Личный состав их, хотя и не велик числом, но требует от служащих специальной подготовки. Миссионер должен обладать основательным знанием христианского вероучения, свободно изъясняться на инородческом языке; ему нужно быть сведущим в медицине, в педагогике, в естественных науках, в сельском хозяйстве, — словом, от него требуются многосторонние сведения.

Для подготовки таких деятелей существуют специальные учебные заведения: Бийское катехизаторское училище для Алтая, Иркутская церковно-учительская семинария и Читинское центральное миссионерское второклассное училище; — два из них с программами средних учебных заведений.

* Самые древние епархии: Тобольская (1620 г.), Оренбургская (1799 г.), остальные 8 открыты в XIX в.: Томская (1832 г.), Благовещенская (1840 г.), Енисейская (1861 г.), Якутская (1868 г.), Туркестанская (1871 г.), Омская (1895 г.), Забайкальская (1894 г.) и Владивостокская (1898 г.).

Место, где миссия открывает свою деятельность, называется станом: это ячейка, из которой с течением времени вырастают христианские приходы в Сибири, а из приходов — целые епархии. Число станов по епархиям зависит от плотности инородческого населения в данной местности, а также и от исповедуемой им религии. В Тобольской и Енисейской епархиях по два стана, в Томской 11 станов, во Владивостокской 12, в Забайкальской 15 и в Иркутской 22.

Внешнее благоустройство станов обуславливается успехами миссии и требует значительных денежных средств. Северные миссии нередко имеют только скромные молитвенные дома, где прибывающий миссионер исполняет все христианские таинства и требы и даже совершает литургию на переносном антиминсе. Делу христианского просвещения немало содействуют и походные церкви. Случается, что в подобных храмах ревностные архипастыри, при обозрении своих огромных епархий, сами совершают богослужение с возможно торжественной обстановкой. Наиболее известные в

Собор Улалинского стана

*Икона св. великомученицы
Параскевы-Пятницы*

истории станы: Улалинский — Алтайской миссии и Иргенский — Забайкальской.

Селение Улала лежит в предгорьях Алтая, по р. Майме. Это исторический центр Алтайской духовной миссии. Здесь, по приезде из России, остановился основатель миссии и просветитель диких алтайцев архимандрит о. Макарий (Глухарев). Здесь в малень-

ком деревянном храме первый раз для алтайцев раздалась победная песнь Христа, отсюда песнь эта проникла и в другие местности Алтая. В настоящее время Улала — огромное селение, в нем более 3 000 жителей, но инородцев только одна треть, остальные припленные русские люди. Здесь имеются: женский монастырь, две церкви, две школы.

Иргенский стан находится при озере того же имени в Верхнеудинском уезде. Основание его относится к половине XVII века. Сюда был сослан старообрядческий протопоп Аввакум со своим семейством. Миссионерским пунктом сделался только с XVIII века. Теперь Иргень — хранилище чтимой в Забайкалье древней иконы св. великомуч. Параскевы. Предание говорит, что икона эта принесена первыми завоевателями края. В каждую 9-ю пятницу по Пасхе издавна съезжаются сюда русские и буряты на праздник и ярмарку. Здесь же предположено устроить и монастырь.

Из архипастырей Сибири в XIX веке замечательны миссионерской деятельностью: Нил Исаакович — архи-

епископ иркутский и Иннокентий Вениаминов — архиепископ камчатский.

Заслуга архиепископа Нила (1838–1853 гг.) — в его успешной проповеди среди бурят: для них он перевел священные и богослужебные книги. Этими трудами он привлек в церковь Христову до 20 000 ламаитов и язычников.

С именем этого владыки соединяются существующие в настоящее время Нило-Столбенская пустынь и Чикойский монастырь.

Пустынь основана в Иркутском уезде на одном из левых притоков р. Иркуты, в так называемом Тункинском крае. Расположенная вблизи монгольской границы, она служит миссионерскому делу. Здесь имеются прекрасные теплые сернистые источники, весьма полезные для страдающих застарелыми ревматизмами. Целебные качества вод и сравнительно невысокая плата за пользование ваннами привлекают сюда много больных.

Чикойский Иоанно-предтеченский монастырь находится в Забайкалье, в области р. Чикоя, притока Селенги, в 150 верстах от г. Кяхты. Основателем монастыря был достоправный пустынный Варлаам. Юные годы обители и подвижничество самого основателя — чудная эпопея, как бы воспроизведенная из жизни древней христианской Руси XIV и XV веков.

Варлаам, в мире нижегородский крестьянин Василий Надеждин, покинул родину в 1811 году; в качестве бого-

Главный храм Иргенского стана

Нило-Столбенская пустынь

мольца появляется в Киево-Печерской Лавре. За неимение письменного вида Надеждин попадает на скамью подсудимых, его судят как бродягу и ссылают в Сибирь. С 1814 г. Забайкалье делается второй родиной Варлаама. В первые годы своей жизни здесь бродяга (этим именем любил называть себя подвижник) исполняет обязанности сторожа при церквях Кяхты и других селений, пограничных с Монголией. Затем уходит в горы, где в глухом лесу собственными руками устраивает келью и живет в ней отшельником около пяти лет. Слава о его благочестивой жизни, распространяясь среди окрестного населения, достигла Иркутска, где на популярность отшельника обратили особое внимание. Так как в Забайкалье и до сего времени среди православных живет много старообрядцев, то возникло сомнение — православный ли Варлаам. На испытании, учиненном ему в духовной консистории, скоро убедились, что пустынный — муж неизменной преданности православию и строгий ревнитель церкви с ее уставами. (Нужно заметить при этом, что Варлаам не получил никакого образования и грамоте научился самоучкой, в письме употреблял славянские

буквы.) Тогда положение о. Варлаама не только упрочилось, но и коренным образом изменилось. Удостоенный священного сана иеромонаха, он должен был из темных скитских келий выступить на дело служения православному населению Чикойского края, которое, за недостатком священнослужителей, часто не имело возможности исполнять свои христианские обязанности.

С учреждением особых миссий для Забайкалья, поле деятельности о. Варлаама стало шире. Основанный им Чикойский скит преобразован в монастырь, а сам он призван к миссионерскому труду среди раскольников на началах единоверия.

В январе 1846 года пустынный о. Варлаам скончался в сане игумена, на 71 году жизни. Память о нем в Чикойском крае не умерла, жив будет он и на страницах истории церкви сибирской, как идеальный образ православного русского миссионера.

Для оценки миссионерских трудов архиепископа Иннокентия* достаточно вкратце перечислить важнейшие события из многолетней его деятельности. Начало ее относится к 1821 г., когда он состоял приходским священником. Через два года, вместе с семьей, он отправился миссионером на остров Уналашку (в группе Алеутских), где для новообращенных в христианство устроил церковь, училище, изучил наречие алеутов и перевел на их язык евангелие и главные молитвы. На острове Ситхе он просветил колошей. Здесь же Иннокентий овдовел. Тогда Филарет, митрополит московский, убедил его принять монашество, а в 1840 г. его возвели в сан епископа камчатского, курильского и

* Архиепископ Иннокентий — в мире священник Иоанн Вениаминов, с 1840 по 1868 г. — архиепископ Восточной Сибири, с 1868 по 1879 г. — митрополит московский.

Храм во имя Всех Святых в Троицком монастыре Забайкальской области

алеутского. Преосвященный Иннокентий, после краткого пребывания в Новоархангельске, избирает местом своей кафедры гор. Якутск. Здесь проповеди владыки привлекли в христианство до 200 000 якутов; на родной язык их он перевел евангелие, литургию и молитвы. С 1859 г. якуты, благодаря этим трудам, слушали

христианское богослужение уже на своем наречии. Из земли якутов святитель перенес свою апостольскую деятельность в Амурский край, где просветил христианской верой несколько тысяч инородцев. Прекрасно владея монгольским, якутским, алеутским и колошским языками, владыка составил на этих наречиях несколько книжек назидательного содержания для новообращенных. Одно из этих произведений — «Указание пути в царствие небесное» — выдержало более 15 изданий и переведено на все инородческие языки Восточной Сибири.

Миссионерская деятельность святителя Иннокентия требовала постоянных путешествий, им пройдены такие расстояния, которым трудно сделать даже приблизительный подсчет. Вот, например, одна из его служебных поездок.

Из Иркутска он отправился на американский материк, отсюда его вызвали в Москву; обратно — сначала он едет в Америку, потом в Якутск и, наконец, в гор. Благовещенск.

Ежегодно владыка совершал поездки для обозрения епархии, растянувшейся по двум материкам. Нельзя забывать при этом и особенно тяжелых условий путешествия по диким местам суровой Сибири. Миссионерские труды святителя Иннокентия вызывали удивление современников, а история наименовала их «апостольскими».

В XIX веке в 11 сибирских епархиях основано новых 34 монастыря, в числе коих 21 женский*.

Для характеристики монастырей нового времени приведем описание Свято-Троицкого Николаевского монастыря, Владивостокской епархии.

Обитель эта находится в Южно-Уссурийском крае, на половине пути, между городами Хабаровском и Вла-

* Монастыри эти следующие.

Мужские: 1) общежительный, при впадении р. Будунды в р. Зею (1906 г.); 2) в урочище «Тифонтаевская сопка», на берегу р. Тунгуски; 6) в Омской епархии: 3) Покровский (1903 г.); в) в Туркестанской епархии: 4) Троицкий Иссыккульский на б. озера Иссык-Куль (1885 г.); г) в Томской еп.: 5) Чулышманский Благовещенский, на р. Бие (1879 г.); д) в Енисейской еп.: 6) Успенский в г. Красноярске (1861 г.); Красноярский Знаменский (1888 г.); е) во Владивостокской епархии: 9) Чикойский Иоанно-Предтеченский на р. Ингоде (1835 г.); з) в Иркутской епархии: 10) Княже-Владимирский (1903 г.); 11) Нило-Столбенская пустынь (1845 г.); и) в Оренбургской епархии: 12) Богодуховский (1867 г.); 13) Успенский Макарьевский (1895 г.).

Женские: а) в Благовещенской епархии: 1) Богородице-Албазинский в г. Благовещенске (1908 г.); б) в Оренбургской епархии: 2) Успенский в г. Оренбурге (1872 г.); 3) Иверский в г. Кустанае (1895 г.); 4) Покровский в г. Орске (1888 г.); в) в Оренбургской епархии: 5) Илецкий Николаевский (1900 г.); 6) Казанский Троицкий (1865 г.); 7) Одигитриевский Богородицкий в Челябинске (1854 г.); 8) Покровский, близ Верхнеуральска (1903 г.); г) в Тобольской епархии: 9) Кондинская Троицкая община в Березовском уезде (1892 г.); 10) Скорбящинская община в Березовском округе (1907 г.); 11) Михайловская община (1901 г.); 12) Богородице-Михаило-Архангельский монастырь (1907 г.); 13) Всехсвятская община (1907 г.); д) в Туркестанской епархии: 14) Николаевский, близ Ташкента (1891 г.); е) в Томской епархии: 15) Барнаульский Богородице-Казанский (1894 г.); 16) Тихвинский в г. Бийске (1894 г.); 17) Иоаннов-Иннокентьевский в Томске (1864 г.); ж) в Енисейской епархии: 18) Знаменский в Красноярске (1874 г.); з) в Якутской епархии: 19) Покровско-Никитская община в с. Покровском (1902 г.); и) во Владивостокской епархии: 20) Рождество-Богородицкая община (1900 г.); к) в Забайкальской епархии: 21) Богородицкий в г. Чите (1884 г.).

Свято-Троицкий монастырь Приморской обл.

дивостоком, на левом берегу р. Уссури, в 20 верстах от ст. Шмаковки, Уссурийской железной дороги. Монастырь существует с 1895 г. и владеет значительным количеством земли, до 5 000 десятин.

Состав братии монастыря 151 человек, из них монахов 44 человека, остальные послушники и трудящиеся. По сословиям: дворян 2, духовного звания 1, мещан 3, все прочие из крестьян.

Устав монастыря представляет своей братии только два требования — молитву и труд. В применении труда столько разнообразия, что материальное существование монастыря обеспечивается почти всецело продуктами своего производства. Многие изделия монастырских рук имеют прекрасный сбыт окрестному и дальнему населению Уссурийского края; в некоторых производствах монастырь применяет даже паровую силу, являясь, таким образом, хозяином небольшого фабрично-заводского дела.

Основное занятие монастыря — земледелие и связанное с ним скотоводство (прекрасный рогатый скот местной породы и небольшой конский завод). Огородничество и садоводство в образцовом состоянии. Пчеловодство (более 500 ульев) — гордость монастыря; оно дает доходу 2–3 тыс. рублей.

Далее следуют производства: лесопильное; воскобойное; мукомольное; маслобойное (из растительных семян); кирпичное; гончарное; бондарное и колесное; кузнечно-слесарное; шорное; сапожное; портняжное (шьются даже и церковные облачения, для чего имеется склад парчовых тканей); свечной завод, вырабатывающий свечи для всей епархии; образцовая хлебопекарня; столярно-токарное (работаются даже иконостасы для церквей); типография для печатания брошюр и листов религиозно-нравственного содержания; живописная мастерская (при ней золочение и серебрение); книгопереплетная; фотография; книжная лавка с самыми разнообразными предметами религиозно-нравственного содержания для потребности церкви и частных лиц (крестики, образки, картины и пр.).

При монастыре имеется начальная школа с общежитием для детей крестьян, казаков и инородцев. Медицинскую часть ведаёт фельдшер из иноков, он же заведует и прекрасно оборудованной аптекой.

Главную рабочую силу во всех хозяйственных учреждениях монастыря составляет братия обитатели. Но обработка обширных земельных угодий монастыря не по силам наличному составу его, а потому значительная часть лугов и пашенных земель сдаётся в аренду корейцам.

При такой многосторонней деятельности монастырь в короткое время достиг процветания и сделался «высококультурным светильником нашей далекой окраины»,

**«О неизученных
дотоле землях...»**

Одним из выдающихся ученых и путешественников времен правления Екатерины II был Петр Симон Паллас. В 1768 году он выехал из Петербурга во главе экспедиции Российской академии наук. Целью экспедиции было описание восточных земель Российского государства. Начав изучение с Поволжья и Южного Урала, Петр Симон Паллас посетил Тобольск, Омск, Красноярск, а в 1772 году добрался до Иркутска и через Забайкалье — до Кяхты. Итогом этого путешествия стал огромный труд — «Путешествие по разным местам Российского государства».

Побывал Петр Симон Паллас и на территории нынешней Новосибирской области, причем дважды: первый раз — следуя на восток, а второй раз — возвращаясь на запад. Соответственно этому обстоятельству, в книге публикуется два отрывка из «Путешествия по разным местам Российского государства». Вот что писал Петр Симон Паллас о наших родных местах...

Петр Симон ПАЛЛАС

«ПОЛОЖЕНИЕ МЕСТА ВЕСЬМА ПРИЯТНО...»

Талменском селе ... должны были ждать меня повозки. Сие значит, что мне надобно было еще далее ниже Оби осмотреть новозаведенные Сузунские заводы, где сибирские монеты находятся. От Павловска туда считается 72 версты. В скором времени Касмалинский сосновый бор оставляют, и за сим следует степь прежней совершенно подобная, где в иных местах на больших пространствах березовый лес совершенно падает. На приятнейших и более возвышенных местах видны рассеянно лежащие могильные курганы из земли. В двадцати двух верстах от Павловска переменил я припряжку в деревне Шелоболихе, имеющей 25 дворов, кои лежат частию на низменности, идущей к Оби, на ручье, по коем проименована деревня, частию на возвышенном берегу. Неподалеку от деревни переехал я чрез ручей Шелоболиху и по 12 верстах через Кучук, на которой стоит мельница и ниже к Оби лежит деревушка; теперь находились мы весьма близко главной реки, и вскоре потом ведет дорога к низменности вниз к деревне Идоловой, которая лежала на рукаве Оби. Оттуда в девяти верстах находится

перевоз через Обь, на которой там по другую сторону лежит деревня Мерети. Здесь есть различные большие и малые паромы, потому что везущим руду из Змеевой к Сузуну на сем месте через Обь переезжать надобно. Когда с прошлой ночи продолжавшаяся буря с юго-западным ветром к вечеру немного утихла, то я переправую не медлил, которая, несмотря на ветер и большие валы, скоро совершилась. Обь или Умар, как оную называют татары, здесь уже шире, нежели Иртыш на низу, и ничем не уступает величайшей ширине Волги. Лежащие вдоль по оной села того округа Малышевское, Бердское и Чаусское имеют выгодное местоположение, потому что они в земледелии, скотоводстве, звериной и рыбной ловле богато наделены, и хлеб свой весьма удобно могут посылать как в казенные серебряные заводы, так и в крепости на Иртыше. Пашня здесь безмерно плодоносна, хотя черная земля часто не более как в четверть толщиною лежит; однако ж между оной находится плодоносный мергелеватый ил, коим хлеб весьма хорошо удобрен бывает, так что, вспахав раз землю, двадцать и более лет без унавоживания на одном месте пожинают. Так сперва, как страна сия была населена, могли семь лет сряду прекрасное пшено пожинать. Ныне сеют оное обыкновенно на приуроченном поле года два сряду.

Скотом обские крестьяне также богаты, и получали, как и в Кузнецке, особливо много лошадей, кои весьма хорошего, здорового и к работе способного роду. Однако же с несколько лет на Иртыше обыкновенно царствующий конский падеж начал показываться и здесь; а за пять лет и падеж на рогатый скот причинил великое опустошение. Здесь есть обыкновение большие конские стада отпускать свободно и без всякого

присмотру бегать по лесам. Видно бывает иногда, как они, имея жеребца себе предводителем, бегают везде, и однако ж нескоро от деревень своих вовсе убегают. В ненаселенной Барабинской степи, далече простирающейся между Обью и Иртышом, находятся также дикие лошади, кои здесь просто Дичьем называются. Они бегают стадами или табунами, и жеребцы, когда они по обыкновению своему на крестьян ловлею занимающихся, как бы для знакомства набегают, нередко бывают застреливаемы. Шерстью они по большей части, говорят, буры, светло-рыжи и буланы. Крестьяне великую выгоду получают и от белок, кои в лесу в сей стороне, особливо на Барнаульском и Касмалинском бору весьма велики и хороши, шерстью беловаты и под именем телеутских белок дороже продаваемы, и в Китайское государство отвозимы бывают. Они ныне обыкновенно почти одной цены с горностаями. Дорога, по которой крестьяне, живущие как на Оби, так и на Чумыше и вверх потому отсюда ездят к Иртышу, когда они везут муку и корм к тамошним крепостям для продажи, избираема обыкновенно вдоль по Карассуку, который, выходя из сторон Оби, простирается даже до Иртыша, либо вдоль по степному ручью Бурле, который неподалеку от Оби реки засыхает, или и вдоль по Касмале. На сих дорогах считают пять до семисот верст до Иртыша, и только несколько дней по безводным странам ехать надобно.

Я перед рассветом еще из Мерети выехал. По сторону стоит один прекрасный березовый лес, а далее к матерой земле связной смолистый лес. В нескольких верстах от Мерети ехал я через речку Кокуй, на одиннадцатой версте через ручей Слезянку, далее через верхний Сузун, который изрядно великую речку составляет, и

поутру весьма рано прибыл в Сузунский завод, на нижней части Сузуна.

Сей завод принял свое начало в 1764 году и определен был сперва только к обжиганию, пока до 1767 года заведения в рассуждении монет и нужная при том выплавка и освинцование остающегося в Барнауле медного камня к тому присовокуплены не были. Пруд версты в длине не имеет и составляет многие заливы и острова, но речка, которая с северо-востока на юго-запад с безмерными извилинами к Оби течет, так изобильна водою, что на содержание разных машин в заводе и монетном дворе слишком достает воды. Плотина имеет длину в 110 и ширину в 12 сажен. На спуске, который от искусством сделанного канала отделен, стоит пильная мельница, на Саксонский образ выстроенная с одним крылом. Плавильня построена наугольником, и вдоль по плотине на одном ряду содержит четыре пары Крумофенов*, из коих три пары сделаны высокими печами, но по причине неудобства от того переменены, и подобно другим только на пять с половиной футов над горном возвышены. В другой части завода находится Шплейсофен**, еще две пары Крумофенов, и пара отделяльных Горнов***, из коих один сломан, и вместо того построен Шплейсофен. Третий, говорят, будет в стоящем возле сего заводе, где идет молот о девяти пестах, который напротив того хотят перевести в угол большого завода. Намерение при столь многих Шплейсофенах состоит в том, чтобы по новому и пробами недавно утвержденному изобретению привести

* Крумофен — низкая шахтная печь. Применялась для получения купферштейнов — осеренной меди с железом.

** Шплейсофен — самодувная (с естественным дутьем) разделительная печь для выделения меди из купферштейна. Шплейсофен состоял из горна и ветряной печи

*** Горн — печь для обработки металла.

там медный камень в отделку через постепенно увеличиваемый огонь, так чтоб оной камень не сплавливался в черную медь и чтоб медь по очищению в Шплейсофенах от двух огней, кои она в горне имеет, до надлежащей мягкости достигала, чрез что прежняя работа над черною медью и продолжительное жжение на Горнах, которые до сего требовались, гораздо прекращается, и много лесу и меди сберегается. На сей конец кладут в один Шплейсофен до триста пудов медного камня, которой бывает целые три дня в слабом до самого сильного огня, в которое время получается шестьдесят до семидесяти пудов чистой меди, и богатую изгарь*, которая на Шплейсофенах садится. Здешние плавильные печи, из коих часть поныне для медных работ употребляли, могут таким образом также быть употребляемы только для вышлавки Роштейна**, исключая, когда для умножения числа монет, или других ради причин, как кажется, начнут плавить некоторые серебро в себе содержащие медные руды с Алтайских рудников.

Вышлавка роштейна производится здесь гораздо простейшим образом, нежели в Барнауле. На слой о сте пудах руды берут только двенадцать пудов простого несколько с илом смешанного песку, и тридцать пудов старых огарков***, кроме выпавших богатых огарков в последне бывшем плавлении, которая всегда также в печь кладется. Иногда употребляют так же, как флюс****, крупную пять до шести процентов серебра содержащую охру, которую выше на Сузуне выкапывают, и в коей

* Изгарь — железная окалина.

** Роштейн — сырец, продукт оплавки серебряной руды

*** Огарок — специфический вид шлака.

**** Флюс — минеральные компоненты шихты (того, что плавится в печи), благоприятствующие плавке — например, известь или карбонатная горная порода.

попадают куски оруденелого дерева. Таким образом менее содержащие слои сплавливаются в шестнадцать до двадцати, также и в четырнадцать часах. При том помянутый на Сузуне обламываемый проникнутый камень* выдерживает так хорошо огонь, что оной может в печах до тридцати трех дней продолжаться. Руды стараются по составляющим их частицам и содержанию между собою перемешивать, чтоб они удобно плавилась, и чтоб не весьма много и убогого Рохштейна подавали. Восемьдесят пять пуд Колчедана** и Шпатовой руды с пятнадцатую пудами Мергелевой руды и рогового камня подают здесь весьма хорошую выплавку. Рохштейн, коего от обыкновенной и средней руды четырнадцать до двадцати пуд, с содержанием двадцати золотников и слишком получают, удобряют здесь также примешивая оной к двадцати пудам бедных и сухих рудных слоев, и вместо песку для смягчения своего принимает он промытый шлик. От того выигрывают обыкновенно двадцать до сорока пудов удобренного роштейна, содержащего в себе серебра тридцать даже до сорока золотников, который тогда на судах для разделения в Барнаул отвозят; откуда напротив того остающийся по освинцовании медный камень здесь для закаления получают. Удобренного Рохштейна*** лежало теперь готово до двадцати тысяч пудов, и столько же отделенной от прочих руд меди в построенном на то при заводе амбаре.

* Проникнутый камень — имеется в виду природная горная порода, используемая как огнеупор.

** Колчеданная, Шпатовая и Мергелевая руды — устаревшие названия алтайских полиметаллических руд.

*** Здесь пробовали другой образ удобрения и умаления Рохштейна, посредством Шплейсофенов, огнем, продолжающимся два дня, причем выпадают богатые огарки, но Рохштейна самого по себе можно довести до того только, что оный до одного фунта хорошей руды производить будет.

Возле сего стоит обжигальня с тридцатью шестью обжигальными горнами, кои по большей части для обжигания медного камня употребляются. При плавлении находится еще заводская канцелярия, и несколько жилых изб. Кроме того стоит вблизи пробирной дом, в коем две пробирные, две кальцинирные* и одна ветренная печь для пробования меди и железа; далее кузница, меховая, весовая, гошпиталь, при коем школа, и подлекарский дом. Все сии строения заключены в деревянной обмазанной стене.

Возле заводских строений лежит построенный в 1765 году Монетный двор, где из получаемой с серебряных заводов золото и серебро содержащей меди выбивают сибирскую ходячую монету, которая, считая с Тобольска, во всех к востоку лежащих странах цену свою имела. То есть, что с начала здешних серебряных работ, с лишком тридцать тысяч пудов меди собрано было, в коей сокрыто еще было два пуда с половиною серебра и три пуда золота, разделение которого чрез проветривание на барнаульских заводах по причине далекого и дорогого перевоза свинцу почли невыгодным; сего ради в ноябре месяце 1763 году имянным Ее Императорского Величества Указом благоволено было, чтоб запасаемую на здешних заводах и получаемую всегда серебряную медь, по внутренней оной цене и содержанию бить в сибирскую монету, которая должна была состоять в Гривнах, или десятикопеешниках, в пятаках, двухкопеешниках или Грошевиках, копейках, полукопейках или денежках и четвертькопеешниках или полупешках, все с сибирским гербом, из коих часть по определению Военной Кол-

* Кальцинирная печь — правильно Кальцинирофен — обжигательная печь.

легии сибирским полкам выдаваема была, а прочее могло доставать на содержание Колывановоскресенских рудников и заводов. Ежегодно выбиваемая сумма монет простирается до 2500000 рублей. Работа сия заведена была в Нижнесузунском заводе; но как сей завод 14 июня 1765 году несчастливым пожаром в пепел обращен был; то монеты не прежде как в 1766 и 67 году ходить стали.

Заведенный ныне монетный двор окружен высоким острогом* четвероугольником сделанным, и у входов оного стоит караул. Внутри оного находятся кроме счетной караульни и угольной Якорная кузница**, содержащая большой молот с двумя горнами и наковальня, где большие снадобья приготавливаются; слесарная, где приготавливают тиски и пунцоны***: плавильня, к коей пристроена Токарная, где точат цилиндры, и наконец большое монетное строение, стоящее с кузницей на одном ряду и заключающее в себе четыре отделения. В плавильне находятся в двух отделениях четыре горна, на коих делают лигатуру и медь в железные формы льют, потом печь, в коей огарки обжигают, и еще одна. Где каждый год сплавливают вместе крупинки или пленки медные. Монетное строение имеет четыре отделения: в первом Расковочная****, имеющая три расковочных молота с двумя принадлежащими к тому расковочными горнами. Во втором

* Острог значит высокую стену, состоящую из поставленных один возле другого стойком дереве или свай, какие сперва употребляли для укрепления небольших мест, но ныне обыкновенно для сохранения какого запаса или для темницы делаются.

** Якорная кузница — кузница, приспособленная дляковки крупных деталей, в том числе и якорей.

*** Пунцоны — пуансоны — часть вырубного штампа.

**** Расковочная — кузница для изготовления заготовок — полос меди.

Плющильная*, имеющая три плющильные машины, чтоб дощечкам между валами указанную толщину придать, с потребным при сей работе расковочным горном; сверх того в сем пространстве находятся еще два ряда ручных гуртильных машин, где круглевички гуртят. Но сказывают, что вместо той весьма хорошо вымышленной модели сделана гуртильная машина, имеющая водяные колеса, и потом шлифовальная машина. Чтоб кружки выглаживать, коею ныне в третьем отделении рукою действуют. Сие отделение, Прорезная**, содержит восемь кузнечных машин, кои действуют посредством жерди и бесконечного винта, и из дощечек кружки потребной величины вырезают. Наконец четвертое отделение, Печатная***, имеет четыре машины для тиснения, из коих две употребляются для десяти и пятикопеешников, а прочие только для малой монеты, и кои все и с вышеупомянутыми действуют посредством воды.

Медь, употребляемая здесь на монеты, должна сверх цены шестидесяти рублей в пуде меди, еще дорогих металлов или золота и серебра на восемь рублей шестьдесят пять копеек или около тридцати одного золотника с золотом смешанного серебра в пуде содержать. На каждом пуде выбивают тридцать пять копеек за работу и на другие издержки, так что следовательно из каждого пуда по внутренней настоящей цене выбивают двадцать пять рублей. Убыли здесь при плавлении не более как на четверть, а при выковке на монеты на три четверти фунта работникам выходит. Битые

* Плющильная — участок прокатки полосы (между вальцами).

** Прорезная — участок прошивки полосы с целью получения круглых заготовок монет.

*** Печатная — участок штамповки изображения и надписей на монетах.

монеты всегда одинаковы и показывают на одной стороне лаврами и пальмами окруженный с короною вензель Ее Величества премудрым своим правлением благоденствие России подающей Императрицы (Е: II), а на обороте изображение под короною, представляющее двух соболей, так как сибирских гербов, с выпечтанною ценой и годом на поле изображения и с надписью кругом: *Сибирская монета*. Сей монеты вычеканено в 1766 и 67 году двести семьдесят восемь тысяч девятьсот пятьдесят четыре, в 1768 — сто семьдесят тысяч восемьсот пятьдесят девять, в 1769 году — двести тысяч семьдесят, и наконец в 1770 году — двести пятьдесят тысяч восемьдесят семь рублей и несколько копеек, вообще 899913 рублей, а в нынешнем году определено вычеканить сумму еще до 2500000 рублей. Но заведено так, что гораздо большая сумма составлена быть может, к увеличению коей различные Алтайские медные руды, содержащие не много более одного или двух золотников серебра, весьма служить могут, и всегда еще богатейшая медь для монеты доставляема быть может, нежели та, которая по нынешнему выше мной упомянутому состоянию серебра содержащих Турианских руд на заводах верхотурского купца Походяшина выплавливается, коих в 1765 году взяли сюда на пробу две тысячи пудов, каждый пуд по пяти рублей; но поелику оные из смешанных руд гораздо убоже, нежели Кольванские руды выпадает, то оное оставили.

Как вышеупомянутым образом Сузунские заводы сгорели, то вскорости позади теперешнего заводского округа сплочен был монетный двор, на коем машины действовали посредством лошадей, который теперь опять сломан и на место одного построен лазарет. По

правую сторону Сузуна стоит вне заводского округа на плотине контора, возле коей построен каменный сарай для денег, кои с монетного двора в конторе принимаются. Далее стоят потребные запасные дворы, гауптвахта, и по другой линии офицерские дома также и постоянные места. Все простые жилые дома, коих число простирается до двухсот, стоят частью ниже завода по правую сторону Сузуна, частью по левую руку пруда на регулярные и пространные ряды разделенно и составляют с казенными строениями и с построенною к южному концу плотины большою церковью порядочный длинный четырехугольник, который теперь обнесен рогатками. Почти в каждом доме есть здесь колодезь. По западную сторону простираются прекрасные луга, и по сию сторону лежит кирпичня. Но лес кругом вырублен, отчего положение места весьма приятно.

За заводом имел теперь смотрение Маркшейдер*, который в сем еще году бергмейстером** был уволен, а за монетами имел смотрение Обер-Гиттенфервалтер***. Число людей на заводе можно было считать до двухсот.

Между всеми на Оби реке лежавшими казенными заводами здешний наиболее лесом наделен, и нелегко опасаться должен недостатка в рассуждении сего. Правда, что большая часть леса, а особливо ближе к Оби, состоит из березы и тополя; однако несколько

* Маркшейдер — горный чин 9 класса, после 1834 г. равен званию штабс-капитана или титулярного советника по гражданскому ведомству 1863 г.

** Бергмейстер — горный чин 8 класса, после 1834 г. — майор или коллежский асессор гражданской службы.

*** Обер-Гиттенфервалтер — горный чин по заводской части 8 класса, после 1834 г. — капитан или коллежский асессор гражданской службы.

подалее от реки представляется бесподобный сосновый бор, который простирается на шестьдесят верст или еще и больше как в ширину, так и в длину, не считая в стороне больших по Убе находящихся, которые подают еще случай к построению новых заводов.

В Сузуне получил я несколько труб накиши, которые около ветвей и корней показываются и имеют некоторое сходство с упоминаемыми вверху при речке Грязнухе.

Для осмотра здешних мест так я спешил, что 30 августа после обеда был уже в готовности отправиться. Наставшая суровая дождливая осенняя погода заставила меня еще более торопиться в моем отъезде. Но чтоб выехать на Томскую дорогу, не оставалось мне иного способа, как давать круги и ехать окольными дорогами. И так сперва поехал я по скверной дороге, по которой уголь возят, и она идет вдоль по нижнему Сузуну в сторону к деревне Шишуновой, чрез гористый и высокий лес, состоящий из соснягу. Инде в сем лесу растет и лиственница. Деревня отстоит от заводов на 32 или по старому измерению на 25 верст, а Сузун вытекает еще на 20 верст выше.

* * *

В января утром я добрался до Чаусского острога, расположенного на левом берегу Оби, здесь впадает речка Чаус; Верховная Канцелярия рудного дела Барнаула назначила сюда должностное лицо в качестве Комиссара округа. Он представляет судебную инстанцию для крестьян соседних местностей, зачисленных для работ на заводах. Это место состоит из более 400 домов. Здесь можно увидеть церковь, судебный округ и форт в руинах.

Здесь отдаляешься от Оби и продвигаешься по Барабинской степи, которая расстилается между Обью и Иртышом.

Поднимаешься вверх по течению Чауса, по берегам которого рассеяны деревни; затем переходишь Ояш, который впадает в эту речку, и только после этого попадаешь в эту обширную Барабинскую степь... Она образует плодородную и богатую травами равнину; но есть места с влажными и водными впадинами; другие места — солончаки. Они пересечены березовыми лесами. Часть этой степи, которая на юге тянется к Алтайским горам и к Иртышу, более сухая, но также менее лесистая и менее плодородная. Северная часть покрыта темными лесами, которые обширны и стоят по сторонам нижнего берега Оби.

Первая станция смены лошадей, которую встречаешь в этой безлюдной степи, чтобы добраться до дороги и до озер, недавно обжитых, это деревня Шельгино. В ней 14 домов, заселенных совсем недавно русскими. Она расположена рядом с несколькими водоемами, где раньше было только простое Зимовье.

За 43 версты отсюда, проехав Зимовье Овчинниково, добираешься до Сактинской деревни, в которой всего лишь 8 домов. Раньше это было простое Зимовье. Это место взяло свое имя от ближайшего озера Сакти. Проехав 26 верст по дороге, прибываешь в Зимовье Черепаново, где установили колонию около Иткуля. Она насчитывает 38 домов. Озеро Иткуль весной стекает в сторону Кайята, который, пересекая речку Чулым, соединяется с большим озером Чаны. Пересекаешь эту речку, чтобы выйти на Каргатскую дорогу, где находится вторая станция перемены лошадей. Раньше на этом месте находился форпост. Жители этой деревни

находятся под юрисдикцией трибунала рудников и заводов Барнаула. Здесь переезжаешь Каргат, который впадает в Чаны и следуешь мимо одноименного озера. Затем прибываешь на третью станцию. Она расположена рядом с маленьким Колмазским озером, недалеко от Убинского озера.

Продвигаясь вперед в степь, обнаруживаешь еще две другие колонии, каждая из которых состоит из 30 человек; эти колонии установлены рядом с маленькими озерами, не имеющими вытекания.

Первого февраля, до наступления ночи, я добрался до Каинской слободы, которая раньше была форпостом. Это место, некогда очень заселенное, было покинуто частью его жителей, которые устроились у речек Бурла и Карасук, находящиеся ближе к Оби, потому что государственная Канцелярия стремится приблизить к заводам слишком отдаленные деревни и заселить дорогу, которую она хочет проложить между Барнаулом и Тобольском как прямую линию через степи, еще совсем безлюдные. Каинский форпост из-за этого уже уменьшился на треть жителей. Остальные, надеясь остаться освобожденными от работ на заводах и быть привлеченными только как тягловая сила, не решаются еще покидать свои старые жилища, которые находятся в самом выгодном для них месте, рядом с соседними озерами, изобилующими рыбой и плодородной почвой.

Если следовать по прямой линии на юг от этого места, то примерно за 50 верст отсюда находится широкое озеро Чаны. Там ловят рыбу зимой и летом в изобилии. Ловят в основном щуку и окуня; остальная рыба считается мелочью. Ловля щуки происходит особенно летом сетями; зимой подледный лов щуки на крючок.

Летом ее солят и вялят, тогда как зимой ее везут замороженную до Тобольска во все селения, расположенные у Иртыша. Эту рыбу отправляют даже на Ирбитскую ярмарку; и хотя верится с трудом, ее везут обратными поездками в Соликамск, Екатеринбург и в местности низовья Камы.

По этому факту можно судить, что необходимо, чтобы рыба была по очень низкой цене в местах, где ее ловят, чтобы имела место подобная транспортировка. Можно увидеть в деревне, около Каинска, кучи замороженной партиями щуки. Здесь ее продают по три копейки за пуд; а доставленная в Тару, она стоила всего пять копеек, и даже дешевле. Вылавливают щук, которые весят более 30 фунтов.

Рыбаки в большинстве крестьяне, покинувшие свои деревни и соорудившие шалаши по берегам озера Чаны. Однако среди них есть и жители Каинского прихода, которые отправляются на озеро только на время рыбалки. Занимались установить колонии вблизи этого озера, а также около Убинского, Абишкана и других, которые соединяются с ним. Такие колонии не могут не процветать в такой плодородной местности и так изобилующей рыбой и другими видами.

В Сибири нет другой местности, чем эта, которая была бы так же богата водоплавающей дичью всех видов. Не следуя удивляться этому, имея в виду многочисленные озера и пруды этой местности. Татары Барабинска, живущие разбросанно по границам этого кантона, питаются, если можно так выразиться, только благодаря этой охоте. Большая часть татар отрелись от язычества и перешли в магометанскую веру. Они торгуют также бранными шкурами чомги и кастаний

(водяные птицы), имеющими серо-серебристый цвет. Они их продают от трех до пяти копеек за штуку, им же они их спивают вместе, делая меховые сумки. Они пользуются спросом у путешественников. Среди этих Колбалов есть те, которые собирают шейки голубок (*Colymbus articus* по латыни), у них красивый фиолетовый цвет с черноватым оттенком, а также головки дикой утки в марте, имеющие яркую, блестящую зеленую окраску. Сшитые в виде сумок, они образуют очень красивые муфты для женщин.

Каинск расположен там, где речка Каинская имеет свое устье в Томи. Вдоль этой реки, начиная отсюда и до Енисея, видишь много построенных колоний, заселенных русскими. Эти колонии зависят от Тары и становятся процветающими.

Барабинская местность представляет, в общем, прекрасные земли для пахоты, и зерновые здесь очень хорошо удаются. Каинский лен очень славится в Сибири; но по мере того как следуешь вниз по течению Оми, эта степь становится открытой и малолесистой; взамен там встречаешь много солончаковых площадей.

Переезжаешь Омь возле Каинска; после этого до речки Уссаклан видишь только солончаковые степи, на которых снег не задерживается совсем; мы видели там большие площади, где снег уже сошел. На Уссаклане расположена деревня Кассонская; она зависит от металлургических заводов Барнаула. Отсюда насчитываешь 20 верст до Зимовья Антошкино, после переезда через Уссаклан. Далее, через 24 версты, находится деревня Ичинская, расположенная на речке Ича, которая впадает в Омь. За 16 верст отсюда прибываешь затем в Зимовье Турумово.

На рассвете дня, 2 февраля, я добрался до Зимовья Голопупово, расположенного на Тартасе. Оно состоит из 20 домов, где живут извозчики Тары; это то, что образует форпост Усть-Тартасский, находящийся поблизости. Около Зимовья Брызгалово обустроена многочисленная колония. Она расположена на Оми. Ей дали название Тутура, на основании следов бывшего земляного укрепления, существовавшего в этой местности и которое было достаточно значительным. Здесь установлен судебный округ, и видишь очень хорошо построенный дом, служащий для проживания высокопоставленного чиновника, исполняющего инспекцию вновь отстроенных колоний между Омью и Иртышом.

Зимовье Хохлово расположено у большого озера, с тем же названием, а самая ближайшая станция установлена у речки Тарка. Ее воды, скрытые подо льдом, были в это время очень зловонными. То же самое имеет место в большинстве речек и озер Ишимской степи, что не удивительно, ввиду того их дно черное, вязкое и охровое и пропитано слоями натрия.

**«А просто записки
наблюдателя...»**

Вот так, очень скромно, отзывался о своем творчестве прекрасный сибирский писатель Александр Александрович Черкасов. Родился он в 1834 году в Старой Руссе, в Новгородской губернии, в семье горного инженера и уже в 11 лет был определен в институт корпуса горных инженеров, после окончания которого начал службу в Нерчинском горном округе. В Сибири он стал заядлым охотником, а со временем и автором уникальной книги «Записки охотника Восточной Сибири», которая не раз переиздавалась и в наше время.

В 1872 году он был назначен управляющим Сузунским медеплавильным заводом и прослужил здесь почти одиннадцать лет. Об этом периоде А. А. Черкасов и вспоминает в своих мемуарах «На Алтае», откуда взяты предлагаемые читателю фрагменты.

Александр ЧЕРКАСОВ

НА АЛТАЕ

оворя о весне и лете, которые я проводил, как охотник, в Сузуне, я забыл упомянуть о довольно курьезном случае. Однажды, отправившись на казенный покос с цеховым надзирателем В. А. Вяткиным и проезжая мимо одного высохшего озера, образовавшегося в весеннее половодье, мы заметили, что над ним в большом количестве выются чайки, коршуны и даже вороны. Нам показалось это довольно странным, и мы поехали к озеру посмотреть, что такое привлекает этих хищников.

Оказалось, что видимое озеро — даже и не озеро, а просто остаток воды от сильного половодья, который, не имея стока, испаряется от солнечной теплоты и с каждым днем становится все меньше и меньше, а в настоящее время дошел до того, что в нем осталось воды в самом глубоком месте немного выше колена. Вся водная поверхность этого озера была не более 10—15 шагов в длину и ширину.

Когда мы подошли близко к воде, то заметили, что в ней масса рыбы, которая, как в котле, плавала на поверхности и, задыхаясь в этой небольшой луже, выставляла головки кверху и жадно дышала жабрами. Мы соб-

лазнились и попробовали ловить ее руками, а затем в полуадамовском костюме зашли в озеро. Сначала нас это занимало, как ребятишек, а потом, видя удачный промысел, мы уже занялись и вплотную. Вся рыбешка старалась попрятаться в более глубокое место, но и тут мы свободно доставали ее руками. Нередко случалось, что, переступая босыми ногами, мы чувствовали, как вертелась под нами рыба и, царапая руками по мягкому илу, мы добывали по два и по три карасишка сразу.

Интереснее всего было смотреть на мою охотничью собаку, которая сначала только приглядывалась и никак не могла понять, в чем дело, но когда увидела, что мы таскаем рыбешку, стала хватать мелких щучек, которые лезли больше к берегу. Сперва она, поймав щучку, тут же опускала ее обратно в воду, но когда я стал говорить: «Возьми, шиль! Поддай сюда!» — она уже либо отдавала добычу мне, либо выносила на плоский берег, но делала это неохотно и брезгливо, поднимая губы.

Провозились мы на такой курьезной рыбалке, как полагаю, не менее полутора часов, но нас сильно напекло солнцем, и мы бросили, добыв, как оказалось, мелких карасишек и щучек не более 2–3 вершков длиною, кажется, более двух пудов. Сложив всю добычу в мешок от овса, мы привезли ее домой.

Конечно, вся эта рыбешка, в случае ясной погоды, обсохла бы совсем и ею воспользовались бы одни птицы, что, вероятно, и случилось с той, которая осталась от нашей курьезной ловли.

Нельзя было не удивляться дерзости ястребов (или коршунов, как говорят сибиряки), которые, не боясь нас, быстро спускались к той кучке, куда мы выбрасывали добычу, и, моментально схватив рыбку, отлетали подальше на луг и пожирали их. Чайки же только невы-

носимо пищали и кружились над нами, но разбойничать не решались.

Вспомнил я эту историю, и невольно приходит на память другая, когда крестьянин деревни Долговой, по рассказу Титушки, Савелий, или, как он назвал его, Савка Долгов, поймал у себя во дворе довольно большого осетра. Дело в том, что в ту весну была сильно большая вода и всю деревню затопило, так что ее обитатели волей-неволей выкочевали и поселились на время кому где любо. Долгов, подъехав однажды на лодке к своему дому, который был крайним у берега, заметил, что в его затопленном дворе всплеснулась большая рыбина. Он не стал ее пугать, а тотчас объехал с другого конца, набрал разного хламу и загородил потихоньку то место, куда могла зайти неведомая рыбина. Через несколько дней вода сбыла, и Савка, к удивлению многих сельчан, легко поймал у своих ворот порядочного осетра.

Что же касается зайцев, то мне часто случалось видеть их в полноводье, сидящих в затопленных островах, на срубленных пнях или горизонтальных сучьях больших ив. Бывало, плывешь в лодке по Оби и видишь, как косою, спасаясь от воды и завидя своего врага-человека, прижмет к спине свои длинные уши, утянет в себя мордочку, боязливо прищурит, сколько может, несмыкающиеся глаза и, весь дрожа от страха, подпускает плывущую лодочку. Мне кажется, что он дозволил бы взять себя руками, но я этого не пробовал и всегда жалел этих животных, которые, быть может, несколько дней просиживали на таких неудобных помещениях, терпели, конечно, и холод, и голод, и все-таки не решались ушлыть куда-нибудь на берег, несмотря на то, что зайцы, в случае крайности, довольно легко плавают.

Зная эту боязнь зайцев, многие ружейники плавают на лодочках весною около полузатопленных островов и бьют этих животных.

Думаю, что во время больших разливов много их гибнет вследствие своей трусости, но трупов их, как утопленников, мне видеть никогда не случалось.

С ранней осени, лишь только повалится с леса лист, у меня являлась охота бить тетеревей с «подъезда», и лишь только наступал сентябрь, я уже с Архипычем ездил около полей и лесных колков, куда садилась поднятая птица. Это же самое время было лучшей охотой и моего приятеля Павла, который ездил всегда со своими лайками, поднимал тетеревей на лес и бил их десятками из винтовки.

Позднею же осенью и в начале зимы вся тетеря «сваливалась» обыкновенно в лес, и охота уже производилась «с подъезда», пока не углубеет снег, на особого устройства «подъездных санках», которые делаются на широких полозьях, без отводов и на высоких копыльях.

В первых числах сентября, пока нет снега, неподалеку от Сузуна, на Кусковской дороге, мне не один раз случалось ездить по утрам, еще до света, за глухарями. Тут они в это время вылетают на самую дорогу и бегают по песку. Вся штука заключалась в том, чтоб ехать потихоньку, а завидя или вспугнув глухарей, тотчас перейти на шаг и подъезжать к тем, которые сидят по опушке леса. Конечно, стрелять приходилось из винтовки, потому что осторожная птица всегда садилась на самые верхушки больших сосен.

Однажды приехал ко мне Павел звать к себе в Мыльникову пострелять тетерь из-под лаек, но я отказался на том основании, что ехать туда все-таки далеко, а вблизи Сузуна и без того хорошая подъездная охота.

Павел, закусив и напившись чаю, не торопился домой и засиделся, а потому мы, конечно, вдоволь наговорились, и я между прочим спросил его о том, что, вероятно, он знает разные «заговоры» от того, чтоб злой человек не портил охоты или ружья. Я спросил об этом серьезно и нарочно келейно, чтоб задеть слабую струнку всякого истого сибирского охотника, который непременно отчасти суевер и потому верит в разные «порчи» и «заговоры».

— Дак ведь нам, барин, без этого никак нельзя. Для этого у нас и охрана такая есть, — сказал он тихо.

— Какая такая охрана?

— Да такая, значит, молитва, чтоб охраняться от всякого недоброго человека.

— А ты ее знаешь?

— Как не знать — знаю. Меня старики научили этому, я и запомнил.

— Что же, ты читаешь эту молитву, когда отправляешься на охоту?

— Дак как не читать — читаю, значит, про себя, а то ведь, барин, всяки люди есть. Иной подлец плевка не стоит, а на каку пакость так первый человек по своему ехидству.

— Так ты, Павел, скажи и мне эту молитву, а я запишу да выучу.

— Изволь, изволь, барин, скажу: пошто не сказать, ведь это не худо какое, а ты же и помоложе будешь.

— А разве не все равно — моложе или старше?

— Нет, не все едино. Вот будь ты постарше меня годами, я уже тогда тебе это не передам; а то, значит, тебя-то охраню, а у самого действовать не станет — вот оно какое это дело-то! Надо говорить правду. Вот и тебе, барин, когда доведется, старе себя не передавай, а то все себе дело разтотманишь.

— Ладно, понимаю. Так ты говори, только не торопись, а я запишу.

Павел огляделся во все стороны и, видя что мы одни, нагнулся к письменному столу и тихо, слово за слово, продиктовал мне такую «охрану».

— Вот, барин, и все, — сказал он и утер полый с лица пот.

— Ну, брат, и охрана! Это уж действительно на 77 жил и в 77 суставов! Так насквозь и хватает. Она и тебя до поту добила! Этакую и не выучишь.

— Ну да! Я вон и неграмотный, да затолмил.

— То-то, поди, и зубрил целую неделю?

— Нет, барин! Она как-то скоро далась мне. А то вот и есть и другая, коротенькая, дак эта больше от своей думы, либо сглаза; а то ведь случается, что и сам себя изурочишь.

— Ну, так ты скажи уж и эту.

— А вот пиши!

И Павел, также оглянувшись, тихонько продиктовал.

— Чур мои думы, чур мои мысли; чур глаза мои завидуци ти товарищевы, — во имя Отца и Сына, и святого Духа! Аминь!..

— Ну, брат, эту самую я и в Восточной Сибири слышал.

— Ну дак что? Вишь, сколь далеко идет! Эвон куда стегнула!.. А поди-ка, наши же туда затащили; разве мало нашего брата и отсюль туда за колобродство уходит, проторили дорогу-то, поди и вех не надо.

На том мы и покончили эту интимную беседу. Странное дело, но все подобные «охраны» и молитвы действительно почти одинаковы по всей Сибири, да едва ли и не по всей Руси. Разница заключается в небольших вариантах — и только.

— Ну, прощай, барин! — сказал Павел, поднимаясь со стула и подавая руку, взявшись другой за шапку и рукавицы.

— А ты куда же торопишься, ведь еще рано?

— Да вишь, нельзя, — сегодня у меня вечерка, ну и надо взять хоть орехов да свечку купить.

— Ох ты, старый хрен! Так ты еще по вечеркам ходишь?

— Нет, барин! Ходить я не хожу, за это хозяйка обижаться станет; а вишь, знакомые девки избу просили, вот и дозволил, у меня просторно, пусть попляшут, потрясут курдюками-то.

— То-то эти пляски, поди-ка, доведут до развязки.

— Всяко бывает! Другая будто и мух не ловит, а уйдет, дак буровит.

Павел уехал, а я невольно остановился на слове «вечорка» и припомнил многое-многое из давно прошедшего. Знаете ли вы, читатель, что такое сибирская вечерка? Мне думается, немногие знакомы с нею, а потому и позволю себе сказать о вечерках хоть коротенько.

Вечорка — это собрание девушек и молодых ребят; тут же бывают нередко молодые бабочки, их мужья и даже маменьки и тятеньки взрослых дочек.

Вечорки устраиваются преимущественно осенью и зимою, хотя случаются и в другое время года, при праздновании свадеб, помимо так называемых «девишников». Они делаются большей частью в том доме, где живут зачинщики предполагаемого собрания; если же он мал, или сложившиеся обстоятельства не позволяют сделать у себя вечерки, то просят помещение у тех односельчан, у кого большая изба или есть особая половина, а еще лучше горница.

Обыкновенно оповестителями устраивающейся вечерки бывают мальчишки, которые, по указанию старших, бегают по «жительство» и зовут, или лучше сказать, просят пожаловать на вечерку. В особо важных случаях хозяева сами ездят по домам и приглашают гостей, но это бывает только при просватании дочери или женитьбе парня. В обыденных же случаях мальчишки даже не заходят в дома, а просто постучат в окно и кричат.

— На вечерку милости просим!

— А к кому? Где собираются? — иной раз слышится из избы.

— От дяди Максима к дяде Михею! — кричит пискливо мальчуган и летит далее, утягивая ручонки в рванный полушубок, несоразмерный по величине с его маленькой и тощей фигуркой.

В избе, конечно, тотчас пойдут суды и пересуды, смешки и догадки, а затем приготовления к вечерке. Девушки обыкновенно умываются мыльцем, мажут волосы скоромным маслом, чешутся роговыми гребнями и лезут в сундуки за более пригожей одеждой.

На вечерках бывают знакомые и незнакомые, но последние не иначе, как с позволения или по особому приглашению, что чаще всего и случается с приезжими лицами из других местностей. Тут, что называется, «с ветру» придти нельзя, а в особенности мужчине, а то, пожалуй, расчешут прическу, что не поправит дома никакая знахарка. Тем более этот порядок ведется на простых вечерках, где местные ребята зорко охраняют «своих девиц» и не любят, когда им мешают чужие. На свадьбах дело другое: там все совершается по особому зову и тут чужие «поезжане» не только не терпят фиаско, но чествуются как хозяевами, так и своими гостями.

Но так как свадебные веселья имеют особый характер, то мы о них умолчим и посмотрим на простые домашние вечерки.

Все они имеют целью веселье. Тут поются песни, ведутся разные игры, рассказываются побасенки, своеобразные каламбуры и идут танцы. Вместе с девушками пляшутся: «барыня», «восьмерка», «четверка» и «русская», а в более просвещенных местах, как, например, в заводах и рудниках, танцуют кадрили, вальсы и польку. Мужчины же без прекрасного пола пляшут «казачка», «присядку», «голубца», «трепака», «комаринского». Но тут надо заметить, что в пляске «голубца» совмещается все: и присядка, и трепак, и всякая штука, кто что сможет и как сумеет. «Голубца» обыкновенно пляшут только двое и становятся друг против друга. Пройдет какое-нибудь колено один — останавливается, и к нему идет другой, либо повторяя то же колено, либо выплясывает свое. Тут в ходу даже разные фокусы под такт музыки, которые делаются в одиночку, либо совместно. Например, так: один проплясывает колено только до половины дороги, приостанавливается и расставляет ноги, другой в это время падает на четвереньки и, в такт, выплясывая ногами и руками, проходит меж ног своего противника; и наоборот, первый проходит между ног поднявшегося товарища.

Музыкой служит на вечерках обыкновенно самодельная скрипка, балалайка и реже гармоника или гитара; случается, что пляшут просто под песни. Освещением большею частью бывает одна или две сальные свечи, которые ставятся всегда куда-нибудь повыше. Угощение тут бывает и не бывает — на это не претендуют, лишь бы поплясать, поиграть, потешиться, попеть и отвести молодую душу.

Вообще надо сказать, что на вечорках держат себя прилично, тут не принято ни брани, ни пьянства, ни какого-либо дебоширства; за этим следят сами друг за другом и не позволяют безобразничать, иначе девицы обидятся и разбегутся.

В таких общественных компаниях всегда есть какой-нибудь весельчак, который заправляет весельем и смешит публику всевозможными фарсами, каламбурами, хотя иной раз и едкого, но безобидного смысла, а тем более оскорбительного. Такие люди крайне дороги и без них скучно. Они всегда веселы, никогда не падают духом, не гнутся перед нуждой и не оплакивают горя; они, не краснея, публично посмеются и над своими заплатами и над тем, что у них «харчей хоть немало — да в рот не попало, хоть в горшке не уха, зато ложка суха, она и не грязнет, в зубах мясо не вязнет, хоть и в брюхе свистит, зато рожа блестит»...

Понятное дело, что таких шутников любит вся компания, любят их и девицы, а потому когда они почему-либо не приходят на вечорки, то действительно точно чего-то не хватает и является невольная «сухота». Зная это из жизни, недаром наш поэт Никитин, сопоставляя заботу и удаль, так наглядно и поэтично сказал:

Таёт забота, как свечка,
Век от тоски пропадает;
Удали горе — не горе,
В цепи закуй, — распекает.

.....

Песня заботы — не песня:
Слушать — тоска одолеет;
Удаль присвистнет, притошнет —
Горе и думу развеет.

Явится в гости забота, —
В доме и скука, и холод;
Удаль влетит да обнимет, —
Станешь и весел, и молод.

Так как на вечерках по большей части бывает тесно, то тут не только не возбраняется, но считается вежливостью, если кавалер садится на лавку и берет к себе на колени девушку, обыкновенно, конечно, ту, которая ему более по сердцу; или же наоборот, чтоб скрыть что-либо и не дать тени подозрения, хитрецы «отводят» свои симпатии и до времени проводят зорко следящую компанию.

На вечерках главным образом идет игра «в любовь», и девушки «кажут» себя, а молодые ребята высматривают себе подходящих подруг жизни, что в особенности и бывает с приезжими лицами. Тут между своими заводятся интрижки, устанавливаются интимные отношения прямо или через посредство других и проч. Словом, вечерка помимо веселья — это та ступенька, с которой стараются подняться выше или по крайней мере, несмотря ни на какие жизненные толчки, устоять на ней твердо, в противном случае плохо! Тогда либо что-нибудь обнаруживается, либо является сомнение, ревность и самое главное — измена!.. Тут уж совсем плохо и глядишь, веселье какой-нибудь особы кончается, если и не явно, то келейно — слезами, проклятиями и хуже всего — мстью!.. А все это было, есть и будет, несмотря ни на какой материализм, ни на какие новомодные отношения. И все это потому, что людские сердца и души все-таки сделаны из тех же материалов и основ жизни, как и у нашей прародительницы Евы!..

Словом, вечерка — это своего рода связующее звено, которое способствует в жизни народа обобщать отноше-

ния, развивать симпатии и делать то великое дело природы, которое, соединяя сердца и души, кладет начало, из которого нередко вытекают основы семьи и гармония жизни.

Что касается симпатий и антипатий молодых сердец обоюбого пола, то в народе, в случае нужды, есть глубокая вера в колдовство, к которому и прибегают через знахарей и знахарок, употребляющих в дело разного рода «присушки» и «отсушки». Вследствие этих пресловутых приемов в народе существуют особые термины вроде, например — «присушили» или «отсушили». Первые чары колдовства употребляются, конечно, тогда, если какая-либо особа не симпатизирует сердечным вздохам другой. Вот тут и являются на сцену различные «присушки» — так, например, «наговаривают на мыльце», которым, не зная о колдовстве, должна умыться известная особа. Или же сохраняют тот березовый листок от веника, какой крепко прилип к телу в бане. Его сушат, растирают в порошок и с чем-нибудь дают той особе, которую надо присушить.

Подобных способов много, и все они в большом ходу в жизни народа. Что касается «отсушек», то они делаются тоже разными способами и с наговорами противоположного смысла.

Я знал еще в Восточной Сибири одного торговца, уже пожилого вдовца, Мигунова, который со слезами рассказывал мне, что он, не имея успеха в ухаживании за одной молодой особой, прибегнул к колдовству, каковое подействовало и присушило так крепко его избранницу, что он, имея постоянные разъезды, чуть было не рехнулся и едва не погубил всей своей торговли, будучи не в силах уехать из дома, а отправившись, ворочался с полудороги. Дело дошло до того, что он должен был

прибегнуть к обратному действию — «отсушке», за что и пошлатился вдвое дороже.

— Ведь вот, барин, вы, конечно, не поверите, что так было со мной в жизни, — говорил он, — а в сущности это истина, и да простит мне Господь, что я согрешил на старости лет!.. А ведь до того дошло, что я лишился было всего и сам себе не имел воли — хоть топиться впору! Вот ноет душа да и шабаш!.. Вижу — плохо, сам пойду по миру! Ну, а как сделали «отсушку», так, поверите ли, как рукой сняло!.. Тут я и поправился, о чем и благодарю Господа!..

В случае же мести «прекрасный пол» прибегает к особому приему, схожему с тем, который употребляют индийцы в случае ревности — или «изводят» счастливую соперницу нередко самыми варварскими, вопиющими способами, но о них говорить не станем, будет и этого...

Случается, что во время вечерки, а чаще ранее, делаются прохвостами разные даже и непозволительные штуки. Так, например, келейно посыпается пол мелко истолченным сухим табаком или «чемеркой», вследствие чего при танцах поднимается едкая пыль и все начинают чихать, кашлять и выбегать на улицу. За такую проделку, если узнают виновника, его подвергают всеобщему презрению и заставляют в присутствии всех вымести хорошенько избу мокрым веником.

Но интереснее всего бывает тот момент, когда изощряющийся весельчак начнет снимать нагар со свечки и, как бы невзначай, нарочно ее потушит. Тут, после взрыва хохота, обыкновенно наступает таинственная тишина, в которой слышен только легкий шелест платья, тихий шепот и вдруг, среди этой тишины, раздается где-нибудь неловко сдержанный поцелуй!.. Тут снова

является неудержимый взрыв хохота, а затем шептанье и хихиканье слышатся уже повсюду, даже с полатей и печки, где обыкновенно сидят и лежат ребятишки!.. А хитрый весельчак нарочно медлит и, чиркая спичку, точно не может зажечь свечку!

Но иной раз он делает это совсем иначе: приготовившись и потушив свечку, он в ту же секунду зажигает спичку и, осветив ею собрание, ловит какой-нибудь нескромный прием или горячий поцелуй, так сказать, на месте преступления!..

— Ну, Сенька! Ты зачем лижешь Папутку? Она и так еще не обсохла с мороза! — говорит шутливо весельчак, и новый взрыв хохота покрывает общее смущение, а попавшимся голубкам дает возможность поправиться.

Вечорка кончается обыкновенно поздно, даже ночью, и все бывшие на ней уходят вместе с шумными разговорами, смехом и песнями, затем уже разбиваются партиями и расходятся по улицам. Бывало, живя в руднике (селении), всегда слышишь, когда возвращаются с вечорки, а многие бойкие девушки, словно в отместку, что не был с ними на вечорке, проходя мимо квартиры, еще нарочно запоют новую любимую песню:

Уж вы, кумушки, вы, голубушки!
Вы подите-ка, приведите-ка,
Я кого верно люблю!..

Либо другую, более сердечную как по словам, так и по мотиву:

Уж ты, беленький, хорошенький,
Спокинул меня...

Поют, поют — да еще и постучат нарочно, плутовки, в окошко!.. Дескать, слышишь ли ты, засоня, что мы про-

ходим мимо и поем твою любимую песенку?.. Да, все это было, давно уже было!.. Теперь другой ветерок подувает и старому хрену не до вечорок — свои дочки большие!..

И чтоб забыть это веселое прошлое, которое так тепло отзывается еще за пазухой и так крепко сидит в памяти, я расскажу лучше о довольно курьезной переправе через речку во время моей подвездной охоты.

Была уже осень во второй половине, и свежий снежок покрывал тонким слоем еще не застывшую землю; погода стояла теплая и на санях ездить было нельзя, почему приходилось волей-неволей путешествовать на тележке. На охоту мне хотелось попасть за речку Каменку, протекающую в нескольких верстах от Сузунского завода, где, говорили, живет много тетерь. Ехать на большой мост мне было не по дороге, да и далеко, так что вопрос состоял в том, как попасть прямо.

— А вот спустимся маленько пониже, там есть другой мостик, вот по нем и переедем, — сказал мне утвердительно Архишыч.

— А разве брода тут нету? — спросил я.

— Нету, нету, барин. Речка-то ведь крутоберега и на тележке не попасть, а до мостика с полуверсты, более не будет.

— Ну, хорошо, — давай, Архишыч, поедем на мостик.

Он заворотил лошадей, и мы живо доехали до переправы, но уж никак не мостика, потому что поперек речки лежали с берега на берег две больших лесины — и только!

— Где же тут мост? — спросил я невольно.

— А вот этот и есть, тут и сено возят на телегах.

Архишыч стал выпрягать лошадей, а я все еще смотрел на перекинутые бревна и не догадывался, в чем дело,

но не хотел сознаться и молчал. А вышло так, что ларчик открывался просто и доказывал народную мудрость. Архишыч по протопанной дорожке спустил лошадей к речке, переехал верхом на ту сторону и уже по бревну воротился ко мне. Затем он подвез тележку к мостику и закатил колесами так, что они припились как раз между бревнами, а на них накатились только одни длинные ступицы. Далее штука простая: Архишыч связал оглобли чересседельником, прицепил к ним постромку, перешел опять по бревну на ту сторону и потянул за веревку, а я, идя сзади тележки, по бревну же, пихал ее в задинку — и тележка отлично перекадилась на ступицах по параллельно положенным бревнам, как по рельсам.

— Ну, брат, и механика же тут устроена! — сказал я невольно, очутившись с экипажем за Каменкой.

— Что вы, барин! Так ли еще бывает, да переезжаешь, а по такой подведенной астролябии и сено тут возят.

И действительно, Архишыч прав, потому что вечно служа при господах и наслушавшись слова «астролябия», он в шутовском тоне и сказать другого ничего уже не мог, а такой астролябии не придумает и никакой немец, сделавший обезьяну.

Но вот зимою сплосал и Архишыч. Захотелось ему покараулить волков у издохшей лошади, которая как раз лежала около старой кузницы, выходившей за селением в поле. Я дал ему двустволку, зарядил картечью и довольный Сучок ушел домой, чтобы взять теплую «лопаты» (одежду) и вместе с товарищем засесть с вечера в кузницу. Волки же действительно были у пропастины, поели и притравились.

Пужинав, охотники взяли подушки, потники (войлочные) и отправились на караул; но, проходя между огородами по переулку и покуривая «цидулки», они,

подходя к полю, встретили, как им показалось, большую собаку, которая, опустив хвост и понурия голову, тихо пробиралась около них в селение. Архипыч, долго не думая, подхватил с дороги мерзлый конский шевяк и пустил в собаку, но не попал, а она тотчас махнула через огородные жердочки и выпрыгнула назад, в поле. Тут только Архипыч увидал, что около него, вплоть, была не собака, а волк, который пробирался по переулку.

Охотники просидели в кузнице целую ночь, досыта намерзлись, но никого не увидели.

Какая же в самом деле дерзость волка — встретить вооруженных людей в узком переулке и, притаившись, пробираться около них в селение! Это уж, как хотите, особая наглость животного!..

Вероятно, этот же самый притравившийся волк забрался ночью к рабочему Уварову, который жил с семьей в своем домике, в одной из дальних улиц Сузуна. Дело, кажется, было в феврале, когда Уваров и его жена услышали ночью, что их оценившаяся сучка, поместившаяся со щенятами под крыльцом, вдруг сильно завыла и затыкала в своем неприглядном убежище. А надо заметить, что по Сузуну давно уже ходил слух, что в улицах видели волка.

Слыша тревожные вопли собачонки, Уваров, встав с постели, взял топор и пошел в сени, чтоб посмотреть, почему так беспокоится собака. Но лишь только отворил он из сеней дверь на лесенку, как увидал перед собой на площадке волка. Он тотчас замахнулся топором и хотел ударить зверя, но промахнулся, а волк схватил его зубами за нижнюю часть живота. Уваров неистово закричал и успел ударить волка по загривку обухом; зверь отскочил, а затем выпрыгнул на улицу и убежал невредимо. Уваров же долго хворал в лазарете и кое-как поправился без всяких дурных последствий, что и дока-

зывало, что волк был не бешеный, а просто озорник, который притравился в селении и не боялся, так как все его пакости проходили ему безнаказанно.

В 1883 году, кажется, в день Благовещения, сидел я после обеда на террасе своей казенной квартиры в Сузуне и, наслаждаясь хорошей погодой, покуривая папиросу, разговаривал с молодым еще тогда охотником Г. П. Вяткиным. В это время многие женщины, девушки и даже небольшие девочки носили мимо нас на коромыслах воду. В улице, направо за моим домом, слышались песни и голоса играющих ребятишек, обрадовавшихся празднику, хорошей теплой погоде и приближающейся весне, хотя в сущности стояла еще настоящая зима и снегу повсюду было много, так что ездили на санях. Тут на террасу пришел ко мне занимающийся извозом Семен Тархов и спросил, нет ли у меня какой-нибудь кладки на Барнаул.

Терраса выходила одной стороной на улицу и потому нам хорошо было видно всех проходивших мимо. По счастью, вышла тихая пауза и на улице никого из водноносок не было. Вдруг я вижу, что по той самой дорожке, где ходили с ведрами, бежит трусцой громадная серая собака; сначала я не обратил на нее особого внимания.

— Это чья же такая большущая собачица? — спросил Вяткин.

Тут я невольно взглянул на нее попристальнее и увидал, что это не собака.

— Батюшки! Да это волк! — вскричал я и посмотрел через перила террасы направо, куда трусило животное.

— Да ведь волк и есть! — сказал Тархов и засуетился на террасе.

— Семен! Беги, брат, пожалуйста, поскорее на улицу, за угол, да кричи народу, чтоб побереглись, а то ведь могут и не заметить, а там же и ребятишек много.

Тархов сначала замялся, поискал во дворе какой-нибудь обороны, но ничего не найдя, побежал на улицу, за угол соседнего дома и закричал: «Берегись! Берегись! Волк!..»

Я в ту же минуту бросился в кабинет, схватил ружье, но второпях не вдруг нашел картечные патроны, а потому немного замешкался. В это время мне подали дежурного коня и я, бросившись в санки, поскакал налево в полной надежде перехватить волка по другой улице. Со мной плюхнул в санки и Вяткин.

На пути мы увидели торопливо бежавший народ — кого с вилами, кого с топором, — который направлялся задворками к той улице, куда убежал волк. Видя это, мы напрямик поехали туда же и заметили там толпу рабочих, которые суетились на месте, размахивали руками и громко о чем-то говорили.

Когда мы подъехали и поздоровались, народ тотчас расступился; в середине образовавшегося круга лежал на снегу громадный волчище. Все, конечно, радостно толковали и всякий высказывал свое; в общем оказалось то, что по крику Семена народ увидел волка, который, попав в среду людей, как бы невольно спиб одного молодого парня с ног и наскочил на рабочего Степанова, но тот не оробел и, словно предвидя такой казус, заранее подхватил на улице обледеневший обломок доски и успел ребром так ловко ударить зверя по переносью, что тот тут же сунулся на дорогу и завертелся без памяти. В ту же минуту подскочили другие и чем попало добились волка.

После оказалось, что этот же самый волк попал недавно навстречу ехавшей по пруду матери Вяткина, но она, несмотря на раннее время, когда еще солнце довольно высоко стояло на небе, не узнала зверя и приняла его тоже за большую собаку, а кучер побоялся сказать ей, кого они встретили.

Другой раз, тоже в последней половине зимы и тоже после обеда, мне сказали, что недалеко от моего дома, за верхней улицей, лежит у «назьмов» волк. Я тотчас взял ружье и поехал туда, а выехав за огороды, увидел лежащего волка; но он, заметив меня, соскочил и переменял место, спрятавшись за большую кучу. Я поехал тихонько в объезд, но он опять соскочил и уже побежал к лесу. Думая встретить его где-нибудь по дорожкам, я направился туда же, но все мои попытки не увенчались успехом и волка я больше не видал, а потому воротился домой, где мне и сказали, что этот волк побежал от меня не в лес, а воротился и выкатил в селение. Тут он, пробежав улицами и задворками, неожиданно явился к пруду и прибежал к близстоящему дому секретаря, где его заметили конюх Давыд и мой кучер, Мелентьич. Они тотчас вскочили на лошадей и погнали зверя через пруд к базару, но тут он, увидав народ, бросился через заводскую ограду к лесопилке. Здесь его настигли верховые и загнали на высокий шлаковый отвал, откуда он полетел уже к лесопилке и попал на платформу, по которой гонят лес к машине. Этим воспользовались Давыд и Мелентьич, мигом прыгнули с лошадей, подхватили березовые стяжки, которыми гонят бревна и убили ими волка, хотевшего, но побоявшегося соскочить с высокой платформы на проводную канаву.

Убитого зверя бойкие сибиряки притащили ко мне во двор, и тут мы увидали, что это крупная волчица, в утробе которой оказалось, кажется, девять штук уже довольно больших волчат.

Один раз, зимней ночью, волки задавили только что проданного с аукциона коня, который по привычке к казенной конюшне, вырвавшись из незнакомого ему двора, вздумал отправиться к старому месту. Волки гнали его по пруду и поймали уже у крайней проруби,

вблизи заводской конторы и против самых ворот завода, где постоянно ходят и ездят не только рабочие, но и все, а у постов находятся караульные сторожа.

В крайних домах, по береговой улице, выходящей к лесу по Шипуновской дороге, жил в низенькой избенке заводской нарядчик Долгов, у которого против дома лежали стопой бревна. Однажды вечером Долгов с семьей пил чай и вдруг заметил в окно, что кто-то движется по бревнам. Присмотревшись хорошенько и заслонившись от света, он увидал, что против стекол светит несколько пар волчьих глаз. Дети Долгова, узнав, в чем дело, испугались и в одну секунду повскакали на печку, а сам хозяин, на случай волчьей дерзости, схватил топор и начал стучать обухом в стену. Только тогда волки соскочили с бревен и отправились в близлежащий сосновый лес.

Все это, конечно, доказывало, что около Сузунского завода много волков и потому несколько раз соблазняло меня ездить ночами по окрестностям селения и дальше, в лес, с поросенком. Но несмотря на все мои старания и разные хитрости, мне ни разу не удалось обмануть хитрых животных. Только однажды выбежала из леса пара волков и сначала быстро направилась к нам, а затем вдруг остановилась, словно одумалась, и тихо пошла обратно к лесу. Мы потихоньку заехали по боковой дорожке по их направлению, но уже больше их не видали.

Затем сколько десятков раз проезжал я по тем же местам, возвращаясь с подъездной охоты уже вечером, в лучший первый ход зверей и все-таки никогда не мог встретить волков: а глядишь — тем же путем едут крестьяне или рабочие и видят их нередко. Что это значит? Неужели они чувствуют что-то недоброе для себя или слышат запах горелого пороха от ружей?..

Из столицы — в глубь Сибири

Русский литератор, историк и путешественник П. И. Небольсин оставил после себя богатое творческое наследие. Занимаясь историческими изысканиями, путешествуя по России, он пытливо и внимательно вглядывался в жизнь соотечественников. Его труды отличаются тем, что он был прекрасным литератором и умел все сведения излагать, как раньше говорили, изящным слогом.

Побывал он и на территории нынешней Новосибирской области, совершая дальнейшее путешествие из Санкт-Петербурга в Сибирь. Впечатления от этой поездки вылились в объемный труд — «Заметки на пути из Петербурга в Барнаул». Они были опубликованы в нескольких номерах журнала «Отечественные записки» за 1849 год. В данном сборнике публикуется две главы — «Бараба» и «Колывань».

П.И. НЕБОЛЬСИН

ЗАМЕТКИ НА ПУТИ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В БАРНАУЛ

Бараба

то за тоска и что за мученье ехать степями от Тобольска до Томска. Едешь день, едешь два, едешь неделю — и все одно и то же и, кроме раскинутых селений на дальних расстояниях одного от другого — не встречаешь ничего. Дорога хороша, травы гигантского роста; но ведь это нисколько не утешает путника, которому хотелось бы леса, гор, хорошеньких пейзажей и, главное, удобств в дороге. А какие здесь удобства? Летом народ на поле, да на сенокосе, в домах почти никого, кроме ребят да стариков; куры не несутся, коровы молока не дают, «свежинки» (свежего масла) добыть негде, и держишь невольный пост!

Но зато, что за раздолье глазу: едешь, едешь, конца нет дороги, а виды одни и те же: зеленая степь и голубое небо; это очень здорово и укрепляет зрение. Глаз обхватывает пространство верст на сорок кругом, и ни вчера, ни сегодня, ни завтра не заметит никакого разнообразия

в природе, разве что версты да мелкие леса нарушат по временам это единообразие.

Степи идут до Оби от самой Волги. Пространство к левому берегу Волги на юг от Самары, по направлению реки Урала, прежнего Яика, называлось в старину «Яицкой Степью», пространство к левому берегу Иртыша есть «Киргизская Степь»; часть ее, прилегающая с юга к реке Ишиму, а с севера к Тоболу — «Ишимская Степь»; между Иртышом и Обью — «Барабинская Степь»; та часть ее, которая занимает пространство к югу от Озера Чанов и примыкает к Кулундинскому Озеру, носит название «Кулундинской Степи», а между Омском и Семипалатинском — «Иртышская Степь», название, недавно заменившее название «Телеутской Степи».

По направлению этих-то степей и разметывались наши разгульные ватаги с берегов Волги; одни из них, под предводительством Ермака, кинулись в Ишимскую Степь и были причиною завоевания Сибирского Царства; другие, под предводительством Нечая, бросились в Степь Яицкую. У прямых потомков этих последних искателей приключений, у наших уральских казаков, доселе живут в памяти народной первые походы яицких казаков в Хиву для похищения новых сабинянок; предание об этом передал нам и хивинский историк Абульгазы.

Когда русские укрепились на Тоболе и Иртыше и, спустившись по нему вниз, ознакомились с Обью, на которой в 1593 году построили городок Сургут, то дальнейшие завладения свои распространяли по-прежнему — по течению рек. Объясачивая сургутских остяков и поднимаясь по Оби все выше да выше, русские нашли в необходимости выстроить для себя новое

место для складки драгоценного ясака, уже подальше Сургута; и для этой цели, в 1595 году, они срубили городок Нарым, входящий ныне в состав Томской губернии. Ограничиваться Нарымом не стоило: мы тогда же поднялись по Кети и отсюда распространили свое могущество к югу до самой реки Томи.

В год окончательного разгрома кучумовых скопищ (1598) русские утвердили свою власть в Барабинской Степи, в западной половине нынешней Томской губернии. В это же время нарымские остяки, страдая от притеснений казаков, возмутились против нас, по наущению князца Басарги; но, благодаря верности одного остяка, заговор был открыт: Басаргу с десятью товарищами повесили, «а лучшие люди биты кнутцом». Кетский воевода Посник-Бельский, усмирив их, стал пробираться далее к востоку и обложил ясаком племена, обитавшие по реке Чулыму. То пространство, которое заключалось между правым берегом Оби и левым берегом Чулыма, оставалось еще самостоятельным, будучи густо заселено воинственными и сильными племенами, южнее которых обитали монголы.

Между этими самостоятельными пока племенами было одно племя татар эуштинских, занимавших берега реки Томи. Предводитель их, князец Тоян, окруженный со всех сторон русскими, сблизился с ними сперва как с простыми знакомцами, потом как со своими повелителями; обычный обмен подарков с обеих сторон обратился в постоянную дань со стороны Тояна и, вследствие этого, дело дошло до того, что царь Борис Годунов в 1604 году получил всеподданнейшее прошение Томской волости князя Тояна о том, чтоб Государь пожаловал-позволил ему быть под царскою высокою рукою, и в вотчине его, в Томи, велел поставить город «место-де в

Томи угоже и пашенных людей устроити мочно: тогда все кочевные волости станут ясак платить, а про государевых непослушников он, Тоян, будет сказывать, да и сам будет стараться приводить их под высокую государеву царскую руку».

Государь пожаловал: соизволил Тояна с народом его принять под высокую свою руку, избавил их от ясака и повелел — их оберегать, а в Томи поставить новый город.

Немедленно собрана была рать из стрельцов и царских казаков из Тобольска, Сургута, Березова и Тюмени. Полное число томских покорителей неизвестно в точности, знаем только то, что из Тюмени были откомандированы, вследствие царского указа, пятьдесят человек лучших стрельцов и казаков с атаманом, двумя пушкарями, при одной пушке. Из Тобольска наряжены были тоже ратники русские под начальством двух голов — Писемского и Тыркова; а из Березова — князя Игичей Алачев и брат его, Онжа Юрьев со ста человеками кодских остяков.

Не успели еще наши завоеватели выстроить Томска, как между начальными людьми завязались споры: кетскому воеводе хотелось самому собирать ясак с известных волостей, уже давно подлежащих авторитету кетского острога, а томский воевода не хотел из своих рук выпускать такого наживного занятия. Право было на стороне Посника Бельского, и он, по более тесным связям с краем и по сильному усердию к пользам России, заслуживает доброй памяти.

Но положение русских было не совсем утешительно; число ратных людей, усиленное нашими промышленниками и сбродными казаками, было не велико, занятия их разнообразны — татары решились

восстать. Женщины покоряемых волостей чувствовали к своим покорителям особенное влечение, и одна из них открыла заговор.

Обитавший близ нынешнего Томска князец Басандай (на речке, носящей поныне название Басандаихи), киргизский князец Немча (киргизы восточные, или, как писали в старину, «киргиссы», обитали по Чулыму и от верховьев его по Енисею до Сабинского хребта), или Номча, чулымский князец Лагу, да предводитель племен, кочевавших по самой Оби, князец Байбахта порешили меж собой «в деловую (рабочую) пору, как люди разойдутся на пашню и на рыбную ловлю, промышляти всякими мераы» город томский выжечь и всех людей извести; кетских остяков они тоже подбивали выжечь Кетский острог. Но попытка эта не удалась, хотя киргизский князец и действительно производил нападение на русских.

Есть повод полагать почти наверное, что причиною этого последнего восстания были, с одной стороны, не совсем-то совестливые действия голов Ржевского и Бартнева, а с другой — отсутствие всякой гарантии и обеспечения участи покоренных племен: воеводы что хотели, то с ними и делали. До нас дошел в числе других подобных один акт, из которого видно, что будто бы, когда Номчина жена пришла в Томск объявить о желании киргизских людей поступить под высокую государеву руку, то Ржевский и Бартнев «грабежом сняли с нее шубу соболью». Об этих двух чиновниках сами казаки писали к царю, что мало того, что Ржевский и Бартнев дорогой «ясашных людей пытками пытали, и поминки с них великие имали, и их грабили, и лисицы, и собаки, и жир, чем они сыты бывают, имали насильством», они и с своих-то братьев, с рус-

ских людей, даже с ратников «емлют посулы и поминки великие». Без всякого сомнения, неудовольствия князьков постоянно усиливались вследствие неправомерных поступков всей массы новых пришельцев, которые под предлогом ясака царю, жестоко обирали татар в личную свою пользу.

На юг и юго-запад от Томска кочевали телеуты «белые колмаки»; южнее их, между верховьев Оби и верховьев Енисея, обитали монголы — «черные колмаки», а между ними и между подчинившимися Томску волостями, по направлению от реки Томи к реке Абакану обитали отатарившиеся остяцкие роды, от обрабатывания железных руд получившие прозвание «кузнецов». Русские поспешили прежде всего объяснить князю белых колмаков, Обака, и в этих видах сносились с ним несколько времени, но тщетно старались заманить его к себе в Томск. Наконец, благодаря ходатайству Тояна, Обак прибыл в Томск, привез с собой «поминков», принес присягу, но просил не брать ясака и не оставлять в аманатах. Воеводы пожаловали ему от царского имени «однорядку малиновую, лундыш, да рубашку золотную, да колпак, да сапоги; мурзам его по однорядке настрафильной, а людям его по однорядке рословской», дали слово защищать от калмыков, а Обак, со своей стороны, обещал подговаривать черных колмаков к шерти России. С этих пор и черные, и белые колмаки стали подкочевывать к Томску с базаром, с коровами и лошадьми, и этим положили начало нашей заграничной мены с приалтайскими народами.

Вскоре тайши черных колмаков Биней, Узень и Бокай прислали своих послов в Томск с неотступною просьбою, защитить их от Алтына царя и от Козацкой орды. Русские советовали тайшам ехать к царю на

Москву, принять присягу и платить ясак лошадьми; но пока наши задумывали послать к ним послов для принятия подданства, черные колмаки далеко откочевали в горы.

В ожидании новых вестей от черных колмаков, покорители обратились в кузнецкие волости, но успехи их здесь на первый раз были неудовлетворительны, потому что гибель ожидала их на каждом шагу. Средства дальнейших завоеваний были очень ограничены: из современной отписки видно, что в то время было «народа в томском городе мало, и тех пополам посылают летом в Тобольской для государевой казны; а осенью и зимою воевать кузнецких людей не можно: живут в крепостях великих (т.е. в неприступных местах), и болота обошли, и зыбели великие, и ржавцы; а зимою живут снеги великие, и воевать кузнецов, кроме лета в жары, не можно, а в те поры в томском городе люди оставаются не многие, и те стоят на караулах на отъезжих, и в городе, и на остроге по воротам стоят безперестани немногие...»

В 1610 году послан был «в кузнецы» казацкий атаман Иван Павлов, с сорока человеками русских казаков и томских татар. Семь недель пути пустынного, невозможность везти провиант в нартах и явное желание кузнецов выморить русских голодом, лишая их всех средств приобрести запасы и рыбу, даже за наличную плату, — не остановили горсти удальцов. Павлов «осекся в крепость», забрал аманатов и собрал ясак царю. Правда, в ясак попались и «недособолишко» и «недолиси», и меха, которые государевой казне не пригодны, но русские поставили на своем и не ослабили своей могучей силы.

Однакож кузнецы все еще «жили в непослушанье»: к тому же чулымские киргизы и обские колмаки были

заодно с ними. Для усмирения их посланы были стрелецкий сотник Иван Пуцин и казачий атаман Бажен Константинов: русская рать состояла из пятидесяти казаков да тридцати татар томских. Они разгромили две кузнецкие волости, Абинскую и Сарачеры, полонили князьков, взяли ясак и укрепились в городке. Но зимой, в январе, пять тысяч изменников-нехристей (писали казаки) «нас в городке осадили, и многими пристушы приступали; и сидели мы в осаде десять недель и голодную смертью помирали! Но, прося у Бога милости, из городка на вылазку выходили, и с изменниками выходили на драку, и бились с ними явственно, и многих побили, а князьков и лучших людей живых взяли и привели в Томской в закладчики; и нужу всякую и озноб терпели пятнадцать недель». Но скоро мир и тишина водворились в кузнецких волостях Тюлюберской, Абинской, Сарачерах, Чорской, Елеской, Карге и Ковах (в настоящее время остатки этих племен населяют юг Минусинского округа Енисейской губернии): власть русских укрепилась на берегах Бразы (Мрасы) и Кондобы (Кондомы); при слиянии их явился городок, поныне существующий под именем Кузнецка.

Оставив в стороне дальнейшее распространение нашего могущества, скажем, что власть наша между Иртышом и Енисеем поддерживалась беспрестанно прибывавшими из России новыми выходцами.

Кроме переселений самовольных и добровольных, по распоряжению правительства, край стал наполняться и ссыльными за преступления: с половины семнадцатого столетия в Сибирь ссылали только за душегубство, а потом, вследствие указов 10 сентября 1679, 17 ноября 1680 и 28 ноября 1682 годов, туда начали ссылать и воров с семьями, за одно и за два воровства, без отсе-

чения рук и ног, равно как и повинившихся в разбое без убийства: но у сих последних отрезывали левое ухо и отсекали два меньших пальца у левой руки. Строгие указы были изданы в восьмидесятых годах того же столетия об удержании беглых крестьян от перехода через Урал; но одно Верхотурье, где был сосредоточен надзор за въездом и выездом людей, и небольшие отряды казаков не могли удержать их.

К началу восемнадцатого столетия за Иртышский край, по счастливому положению своих округов, несмотря на частые разорения мстительных врагов, увеличился в населенности и умножил число своих острогов, укреплений и крестьянских починков. Завоеватели и покорители, без особенного стеснения бродячих князцов в отношении к подчиненным им племенам, устанавливали свою оседлость на их землях и приобретали более и более новые опорные точки для дальнейшего распространения своего владычества, пока стечение обстоятельств не поставило нам естественную преграду отрогами Алтая и до заключения мира с китайцами. Но зато там, где мы стояли, — мы стояли крепко и владели всею Обью, до самых ее вершин.

В 1692 году выстроен острог Уртамский, ныне богатая волость на Оби, по дороге к Таре; затем поставлено новое укрепление Умревинское, тоже на Оби, уже выше первого; в начале восемнадцатого столетия Чаусовское зимовье обращено было в крепкий замок с пушками, а в 1709 году построен Бийск и явились поселения русские, на самом юге в Бухтарминском крае. В те же годы явились остроги на реке Томи, — Сосновский и Верхнетомский, для связи Томска с Кузнецком и все пространство между ними, между реками Обью и Томью, было ограждено казачьими постами.

Под их защитой деревни быстро размножались.

Век Петра Великого ознаменован, в отношении заселения Сибири, новым смешением племен: военнопленные разных наций отсылались в Сибирь на службу и на поселение, а ссылки стрельцов и других преступников имели следствием то, что к концу его царствования число оседлых жителей всех сословий в целой Сибири простиралось до полумиллиона душ обоего пола: так с небольшим во сто лет мало-помалу населилась Сибирь. Петру Великому принадлежит и мысль и исполнение закона, которым определено было за неперемное — давать ссылаемым проводников, снабжать их на весь путь кормовыми деньгами и на перепутье давать надежные приюты в нарочно для того устроенных острогах.

Во время Бирона сделался новый переворот в процессе заселения Сибири: через двадцать лет после смерти Петра, народонаселение ее увеличилось более чем на сто тысяч душ. Впрочем, постоянная, облеченная в законные формы ссылка в Сибирь и разделение ссылаемых на два разряда «ссылно-поселенцев» и «ссылно-каторжных» существует с 1754 года.

При Екатерине Великой, после уже того, как в Бухтарминский край проникли русские семьи, принято заселение мест, прилегавших к Царицыным Заводам. Тогда обратили особенное внимание на Иртышскую и Кузнецкую линии и на все Закаменье или Усть-Каменогорский край; ссылали туда каторжных, велели принимать крестьян всякого звания для поселения в Сибири с зачетом владельцам за рекрут и с платежом денег за их жен и детей. Кроме того, правительство, разрешив беглым раскольникам свободно возвращаться в Россию, дозволило им селиться на Барабинской степи и на юге Томской

губернии по рекам Убе, Ульбе и другим. Выводимые из Польши наши беглые, оказавшиеся негодными для предположенных, на защиту Сибири, ландмилицких полков, были рассеяны в Сибири для землепашества. Поселенные на самом юге близ Устькаменогорска семьи, по причине прежнего жительствова в польских пределах, несмотря почти на вековую давность, до сих пор еще именовались от старожилов поляками.

Что ж касается до тех крестьян, которых само правительство переселяло сюда с зачетом за них рекрутских квитанций помещикам или обществам, то тут внимание обращено было главнейше на годность к работе на пашне и возраст от пятнадцати до сорока пяти лет, без справок о поведении. За не достигших указанных лет вознаграждение владельцам производилось особо: за детей мужского пола от 5 до 20 рублей, смотря по возрасту, а за детей женского пола вполовину. Платье, обувь и путевое продовольствие лежали на обязанности самих отдатчиков. Семье давалось от правительства на засеивание пять десятин, покосу на 50 копен, с безвозвратною притом выдачею по 5 рублей на лошадь и по 54 пуда хлеба единовременно, на поддержку.

При императоре Павле I предприняты были меры к правильному заселению юго-восточных пределов Сибири, преимущественно в Иркутской губернии, за Байкалом, добровольными русскими переселенцами в таком размере, чтоб на первый раз, в течение известного периода времени, число этих выходцев не превышало двадцати тысяч душ.

При императоре Александре I, в первые годы его царствования, переселено в Сибирь на счет казны девятьсот тридцать семей с Кавказа. Из них 439 семей поселены за Байкалом, 326 семей заняли места у устья

реки Тубы, впадающей в Енисей в Минусинском округе, а остальные 165 семей поселены в Томской губернии. До окончания Отечественной войны несколько польских пленнх размещены были по квартирам в Западной Сибири, и особенно в Томской губернии. Но по окончании военных действий они выведены были из Сибири восвояси: главным основанием при этом принято было ассигновать особые суммы, снабдить каждого из пленнх теплой одеждой, обеспечить вполне их продовольствием во время нахождения на месте и на пути на родину и нанять для отвоза их надлежащее количество подвод. Число пленнх простиралось до 2500 человек. Некоторые, сравнительно с прочей массой, однакож немногие, сами не захотели воспользоваться предложенными им благодеяниями, остались в Сибири и вошли потом в состав станичных казаков. (Рассказы об этом нам не раз случалось слышать в Сибири. В Тюмени нам присовокупили, что в 1813 году город этот был сборным пунктом для всех уроженцев западных губерний и что здесь оделяли их всем нужным для пути, теплой одеждой, хлебными запасами и деньгами.)

В 1822 году издано было новое учреждение о Сибири. Ряд указов, которыми ознаменовано было это время, положил предел различию, которое до тех пор существовало между этим краем и другими областями нашего отечества: все нужды были предусмотрены, всякий произвол сильного по возможности устранен строгими законами, внушавшими полное убеждение, что с этих пор понятие об угнетениях, о пристрастии, о вымогательствах останется только в памяти народа. Теперь Сибирь мало чем отличается от других провинций, более или менее отделенных от

столиц. Самовольные перебеги кончились и тайные выходцы принимают характер так называемых «бродяг», не способных уже ни в военную службу, ни в арестантские роты.

Обнародованный в 1822 году указ дозволил различно всем казенным крестьянам переселяться в Сибирь на тех же основаниях, на каких переселение это дозволено и в великороссийских губерниях. Переселения подобного рода продолжают и доселе; последнее переселение в значительном количестве казенных крестьян было года три тому назад, когда с Высочайшего разрешения отправлено туда на подводах и с пособиями от казны несколько сот семейств (а сколько именно — неизвестно) вследствие обнаружившихся в некоторых краях болезни тифуса. Мы с ними встретились в Сибири в 1846 году.

С этого же времени, т. е. с 1846 года, начинается в Сибири особенный разряд жителей, не бродяг и не ссыльных преступников, лишаемых всех прав состояния, но и не добровольных переселенцев — это разряд ссылаемых по Уложению на житье, вследствие произведенного над ними суда, независимо от того разряда низшего класса, который до сих пор ссылался по особным распоряжениям правительства, по приговорам мирских обществ и по воле помещиков.

Но если, с одной стороны, Сибирь, приведенная в своих административных началах под один и тот же уровень с прочими русскими провинциями, потеряла значение края особенно привольного, зато с другой стороны простой народ и не дичится уже ее: он охотно идет туда на заработки, но не иначе, как с законным паспортом за пазухой; и если Сибирь и страшна еще ему — как кара за преступление, то здесь страшна ему

не собственно Сибирь, а страшно бесчестье и мысль о вечной разлуке со всем, что дорого сердцу на родине: кажется, в нашем крестьянине нельзя отнять сознания собственного достоинства и нравственного чувства.

Колывань

 городе Колывани, то есть в деревне Чаусах, остановился я у крестьянина, или горожанина, — это все одно. Мужик зажиточный, исправный и порядочный говорун. Он в восторге от своего родного города и ужасно хвастался, что бывший Чаусский-Острог (от реки Чаусы, текущей в Обь), переименованный Колыванью, чуть-чуть не возвели было в 1823 году на степень губернского города, вместо Томска. Колывань, стоя на большой дороге, на торговом и на почтовом тракте, в тридцать лет не выросла ни на вершок. В 1826 году в этом городе было 800 душ жителей обоего пола, а в 1846 году в нем считалось 600 мужчин и 500 женщин; одна церковь, один казенный каменный дом, именно — острог, и двести пятьдесят деревянных дворов. Ремесленных, фабричных и промышленных заведений, кроме четырех кузниц и трех питейных заведений, не существует никаких. Вот и вся статистика города Колывани.

— Полно вам, ваше почтенство, на смешки-те подымать Колывань нашу: вы погляньте-тко, как мы живем-то!

— Да по городу-то судя, здесь все голь-гольем живет? — спросил я его.

— Да, голь-гольем, толкуй: нас вот мужеского-то полу считается в округе здесь тысяч тридцать с лишком, тут и стар и млад, а скота у нас у всех, поди, что ста полтора тысяч голов наверное будет.

— Чем же вы, кроме заводского дела, еще промышляете?

— То-то, чем промышляете! У нас здесь на выгоне за восемьдесят озер — вот мы рыбку ловим да продаем; тамо-тка вот к Кольвани озеру пчельники — вот мы медком торгуем. Тут у нас Обь река — мы барки проводим в Томск да в Нарым, нанимаемся дома строить, высиживаем деготь, смолу; шьем обувь, режем посуду, торгуем у казаков овес и муку, а пуще того нас обозы поддерживают, круглый год идут они из Кяхты в Нижний. У меня вот и топеря сидят два караванные да потешаются там в особой горенке, ино с дороги, ино с горя.

Я пошел в особую горенку хозяина посмотреть, как наши прикащики потешаются и что это именно за народ.

Чистая комната в три окна была убрана обоями; уж какими бы ни было обоями, да — обоями! В простенках столики с незавидными зеркалами; в переднем углу — святые иконы; вдоль стены развешаны в симметрии разные господа важной наружности, рядом с Боболиной, Блудным Сыном, каким-то Греком без подписи и лубочной картинкой сказочного содержания. Мебель деревянная, без подушек, но выкрашена краскою, в роде кирпичной; в сторонке широкая постель под ситцевым пологом. На полу и на сундуках с «добром» разостланы тюменские «полазы» (ковры).

Посереде стоял стол, на столе самовар, штоф водки, штоф туземного питейного рома и две опорожненные бутылки шампанского. Около стола сидели два господина в хороших халатах, с представительной наружностью, с умным выражением лица, без бород, с щегольскими усами. Это и были прикащики, один

мещанин, другой крестьянин. Рядом с ними сидели две хорошенькие девушки — дочь хозяина, содержателя постоянного двора, и ее подруга: они прислуживали приезжим, потому что «стряпка» на днях сделалась нездоровая, самой хозяйке беготней заниматься не пристало, а они — помоложе, их ноги попрыгче, им приучаться надо!

— Здравствуйте, господа; Бог на помочь; что поделываете доброго?

— Бог на помочь, ваше высокоблагородие; благодарим покорно... а мы чаек попиваем... не прикажете ли ханского? Присуседьтесь! — отвечал один из них.

— Талова, осоподина! Садить буля с нами! А ми симипански пиху буля! — отвечал другой, как видно порядочно под хмельком.

Я придвинулся к первому и завел с ним разговор, сначала о чае, потом о Кяхте, потом о нашей торговле с китайцами. К удовольствию своему, — не скажу к удивлению, потому что удивляться было решительно нечему, — я нашел в первом прикащике умного, сметливого и чрезвычайно делового человека, который передал мне бездну таких замечаний, каких не вычитаешь ни в одной книге, где только говорится о нашей торговле с Китаем. К сожалению, я не могу передать этих замечаний письму, а тем более печати, именно потому, что, с одной стороны, не могу поручиться за их безошибочность, а с другой и потому еще, что он высказал их не совсем-то в трезвом виде, хоть словица и соблазняет меня поверить искренности этих замечаний, говоря — «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке».

— Чай хычи, осо-подина? — спросил меня второй прикащик.

Я пристально глянул на вопрошающего и отвечал коротким «нет».

— Пи-ху: писива не надаля!.. какой манег хычи?

Мне, признаюсь, смешно было это глупое приставање.

— А хагчи-магчи хычи?

— Что такое??

— Хагчи-магчи? Кушаху; сама воля кушаху... Би-зи-ци-лы-мо-ни? Хычи симипански?

— Скажите, пожалуйста, что это за чудак с вами сидит? — спросил я другого прикащика: что он ко мне пристаёт? Что он: татарин, что ли, или чухонец?

— Извините, ваше высокородие, это мой товарищ, такой же русский, как и мы с вами; но он так обжился в Кяхте и так свыкся с китайцами, что никак не может отвыкнуть от тамошнего языка... Это он разговаривает по-китайски.

— По-китайски? Что вы, Христос с вами! Да разве это китайский язык?

— Как же-с, помилуйте, мы знаем: это по-китайски! Только, изволите видеть, два великие народа сошлись, русские, да серединные, да и давай спориться, кому по-каковски учиться. Был, знаете, Хабаров, один богатырь этакой из казаков; он взял дрянь какую-то народишка... что-то очень мало и завоевал почитай целое царство на Амуре. Вот-с, китайцы видят, что им с нами плохо: они и давай учиться русскому языку, чтоб облегчить обоюдные сношения при торгах. Сначала их казаки поучили, а уж потом и мы, промышленный люд, стали им уроки давать.

— Да ведь для облегчения торговых сношений у нас есть там китайско-русская школа, где превосходнейшим образом и с удивительною быстротою изучают настоящий китайский язык?

— Так-с, это точно так; да школа-то эта образована при покойном Государе Александре Павловиче, а китайцы со времен Хабарова говорят по-русски, а мы-то по-ихнему и не учились: гордость, вишь, наша такая; а китайцев заставили выучиться.

— Что ж за тарабарщину несет ваш товарищ?

— А вот-с: китайцы некоторых букв выговаривать не могут, они и ладят все слова на свой манер. Например, «есть» по-ихнему «ку-ша-ху», это и «ел», и «ешь» — все тут за одно. «Пить» — «пи-ху»; «спать» — «сы-пи-ху»; наши «харчи» у них «харчи-марчи», война — «подегиза», театр — «поикго», щеголь — «шоголи-льюди»... Да вот, уж, позвольте с товарищем познакомиться вам — мы вам язык-от ихний покажем... Ну-тко, Егорша, потешим их благородие: поговори по-никански, а я будто приезжий.

— А-а?! Нова льюди?.. Како тиби позову?

— Да-с, новоприезжий; зовут Иван Иванович.

— Дамно приполя? Куда поживу?

— С месяц-места есть как приехал.

— Один мизяца послы! Тиби закуда походи буля?

— Я из Петербурга приехал.

— За Петелуобууга? Шипки далеко!! Тиби за какой манег походи буля: за кхыни? за лешки? за лежанки?

— Точно так-с: в лежанке, в экипаже приехал.

— Пожалуй за моя югт (дом), милости пилюсим.

— Покорно благодарю...

...Распростившись с этими окитаившимися господами, я выехал из Колывани, пробыв в нем, по случаю обеденного времени, часа два-три. За Колыванью мне надлежало переправиться на ту сторону Оби. И при этом нельзя умолчать, чтоб еще раз не повторить чего-нибудь о превосходных путях сообщения в Сибири.

В Томской губернии «почтовых» дорог считается более пяти с половиною тысяч верст, дорог не почтовых, но удобопроезжих более 2000 верст. На первом протяжении правительство содержит 133 станции с 547-ю парами, а в каждой паре считается по три лошади, потому что крестьянин от себя уже прибавляет третью, чтоб веселее было ехать; это уж народный обычай по всей России: как бы ни был мал груз — мужик без тройки не выедет.

Но там подальше дорога не такая, как у нас под столицей: там меры нет ее ширине. Избита она в одном месте — лошади берут вправо или влево, куда их потянет инстинктом. Дорога раздвоивается, разтроивается и часто с одного ее конца до другого можно положить верных версты две или около: широкое поле разгулья. Суживается она в обыкновенную дистанцию или у селений, или у мостов. Сибирь может похвастаться перед Европой своими мостами (в одной Томской губернии их 443): они содержатся так исправно, что самый привязчивый путешественник не найдет ничего, что могло бы возбудить его неудовольствие. Мне случилось раз прогуляться из Петербурга до Вятки... и потому я уверен, что, если б мои речи о сибирских мостах дошли до господ землевладельцев Ярославской и Костромской губерний, — их бы приняли там за чистую выдумку или за игру пылкого воображения.

Перевозов в Томской губернии совершенно безопасных 46. Паромы их состоят из широкой, огороженной прочными перилами настилки на двух здоровых однодеревках, крепко соединенных между собою. Перевозчики народ бравый, молодец к молодцу, которых ничто не удержит высказать свою отвагу на широкой Оби Великой: ни ветер противный, ни выюга, ни мете-

лица, ни сплошной лед — ничто им не помеха, и мне не раз случалось перешлывать, во время «рекостава», Обь при таких обстоятельствах, которые, казалось, совершенно исключали всякую возможность даже осмеливаться на переправу. Но ведро вина и синенький кредитный билет в придачу производят волшебное действие. Однажды нас совершенно затерло льдом; три версты несло по самой ярой воде, среди реки; ветер парусил в кузов тарантаса; половина шестов была переломана об огромные льдины — но разудалые песни про Волгу-матушку, про Яик-батюшку не переставали ни на минуту, хоть их и напевала артель только в полголоса; рулевой-атаман лишь погаркивал и бодрил народ, и мы счастливо и без помехи причалили куда надобно.

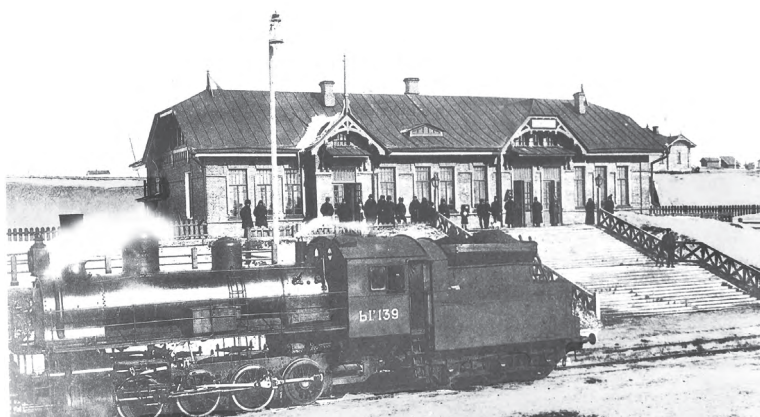
Переехав Обь и выкатив на берег тарантас, ямщик отправил «коней», приладил покруче два «звонца» (колокольца) и пошел помахивать. Но это не тот «ямщик лихой», которого мы знаем у себя, с его песнями и разгульными жестами; сибирский ямщик больше смахивает на татарина: он увесисто сидит на козлах и только для вида, кажется, держит в руках вожжи. Лошади несутся сами вперед, и он только по временам подогревает их рвение легкою остраткою кнута. Перерывчатые крики «Гай!.. шевель бычок-батюшко! Нью!.. Э, будь ты проклята!.. А, чтобы те язвило!.. У, чтобы те пятнало!.. Вяха така!..» — вот и все, что вы от него услышите. Он песен не поет — они или неизвестны ему, или недоступны для его серьезного расположения. Да притом же песен собственно-сибирских нет: в прошлом году в «Библиотеке для чтения» помещена была прекрасная этнографическая статья о русских обитателях Томской губернии, при

ней приложено было множество песен — но все они великороссийского происхождения и ничем не осибирились. Если в них есть что-нибудь сибирского — так это... медвежий напев, иначе трудно выразиться. Мне случалось слышать, как там «ревут песни» (это местное выражение совершенно однозначно с выражением «поют песни»), и, действительно, я нашел, что, и не употребляя туземных терминов, сибиряки точно не поют, а ревут песни. Их напев, например, песен «Во саду ли в огороде», «Среди долины ровныя» и дошедшей уже до них «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан» точно так же относится к напеву этих песен у нас, как залежалый веник к букету ландышей. Типа заунывности тихой и нежно-трогательной в этом напеве нет.

Из дневника полкового священника

Отец Митрофан Сребрянский был полковым священником 51-го драгунского Черниговского Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны полка. В июле 1904 года полк отбыл на Дальний Восток, на театр русско-японской войны. И тогда же о. Митрофан Сребрянский начал вести свой дневник, описывая сначала дорогу, а затем и будни войны. «Дневник полкового священника» был опубликован в «Вестнике военного духовенства» по настоянию родственников и почитателей о. Митрофана, потому как сам автор не предполагал его публиковать.

Особый интерес представляют для нас в «Дневнике...» те записи, в которых непосредственно говорится о наших родных местах и городе Ново-Николаевске.

О. Митрофан СРЕБРЯНСКИЙ

«ЭТО ИХ СЛАВА...»

23 ИЮНЯ. Пять часов утра. Приехали в город Каинск; самого города почти не видно, он в двенадцати верстах. Стоим два часа. Далее начнутся непрерывные болота, более чем на сто верст, и вода — такая гниль, что местные жители только по привычке переносят, а нас предупреждали не пить, потерпеть. Поехали. Действительно, непроглядные пошла болота и степь Барабинская; везде вода, покрытая плесенью; в вагонах сидеть невозможно от несчетного множества нападающих на нас болотных обитателей, как мы их называем, «песьих мух» и «японцев». Представьте себе: в жаркий летний день вас окружает масса мух... вы негодуете, отмахиваетесь, чуть не проклинаете день рождения; теперь подумайте, что переживали мы, когда вагон и воздух полны не только мухами, но роями буквально оводов, стрекоз, кузнецов преогромных, комаров, мошек?! Все это кружится, жужжит, кусает... Едем уже целый день и только к вечеру встретили небольшое село с церковью на берегу озера-болота; бабы выносили продавать карасей, жаренных в сметане. Странные здесь постройки: потолки почти все покрыты землей с дерном. Кругом на жилых местах везде курится помет — нарочно жгут

и этим немного ограждают себя от комаров и оводов! Замечательно, что животные сами лезут в дым и стоят там. На лицах надеты сетки, или почти наглухо обвязаны они платками с прорезом для глаз.

* * *

24 ИЮНЯ. Утро, 6 часов; наскоро оделся, сейчас переезжаем широкую и глубокую сибирскую реку Обь по мосту немного меньше волжского; на другой стороне станция Обь и новый город Николаевск. На станции Кривощцеково простояли лишних два часа, так как в Оби собралось уже восемь эшелонов и для нас не было места; наконец тронулись. Переехали реку Обь... уже стали свыкаться с длиннейшими мостами и многоводными реками, а сначала было так жутко! Река очень оживлена, много пароходов и барж; видимо, река Обь — хорошая водная торговая артерия, да еще на самом берегу — станция Обь. Соединение железного и водного путей сделало то, что здесь образовался торговый пункт — теперь уже город Ново-Николаевск, или, как здесь его зовут, Никольск. Девять лет назад на месте этого города была непроходимая тайга, с дикими зверями, ни одного дома буквально, а теперь большой торговый город с сорока тысячами жителей, чудным собором, еще тремя церквями, прекрасными школами, магазинами... прямо по-американски, да и городом-то стал только с 15 января 1904 года. Город очень живописно расположен на крутом берегу Оби. Приехали, выгрузились; здесь стоим двое суток; путей запасных мало, а собралось уже десять эшелонов... что творится на коновязях — просто ужас: две тысячи лошадей собраны вместе на веревочных коновязях, их кусают мухи; жара, лошади дерутся, ржут, визжат!.. Здесь же

работает интендантская рушка, сушилка, веялка... все шумит, кричит и покрыто тучею пыли. Что же будет на войне? Страшно подумать. Терпели, терпели солдаты да и взялись за кнуты, хворостины и начали строптивых кусак и драчунов отхлестывать по спине, только этим и смирили немного; после уже только крикнет солдат да покажет кнут — сейчас страсти лошадиные стихают. Вот и подите — кнут помог; я сам свидетель, что среди этого ада больше ничего не оставалось делать! К вечеру выкупали коней, напоили, накормили, спала жара, и немного успокоились. Боже мой, целых шесть писем принесли, из них два от Оли (жены), одно от Н. Я.*; какое счастье увидеть в такой дали родной почерк, услышать милую речь — говорю «услышать», именно да: когда читаешь здесь письмо с родины, то в воображении воскресает самый голос пишущего. Слава Богу, Оля бодрится и смирилась; о, если бы это было не в письме только, но и на деле?! Конечно, сейчас же ответил. Идет подполковник 52-го Нежинского драгунского полка и говорит: «Советую пойти в баню, здесь рядом, казенная, хорошая! Вот удовольствие-то». Действительно, прекрасная баня, и мы вымылись отлично. Вообще на этом пункте построено несколько огромных каменных зданий в два и три этажа каждое; в них находятся: офицерские номера, солдатское помещение, столовые, офицерская и солдатские бани, лазарет, прачечная — все это даром, для отдыха и чистки проходящих войск! Спасибо великое устроителям сказали мы, да и все, конечно, говорят то же. Около пристани стоял пароход — казенный, на который сели наши песенники, генерал, офицеры и поехали кататься по Оби;

* Родственник о. Митрофана.

это «водяные», то есть чиновники по водной части, оказали любезность: пригласили наших покататься на их пароходе... И понеслась удалая черниговская песня в Сибири над водами быстрой Оби! Со времен Ермака не видали, вероятно, Сибирь и Обь в своих недрах такого молодецкого войска! Глядя на пливших, живо вспомнились храбрые казаки Ермака Тимофеевича, также плившие добывать славу царю своему и родине по сибирским рекам и оглашавшие их, наверное, такими же удалыми песнями!.. Песня истинно русская, как и музыка, выражает душу народа... Какою широкою волною разливается песнь наших воинов! Какая ширь, мощь, энергия в песнях этих! Именно только русские воины так поют, в их песне ясно чувствуется бесхитрость, простодушие, вера и сила, сила могучая, не падающая, не теряющаяся при напастях, а идущая все вперед и вперед, пока не достигнет цели своей... Да, особенно поет войско русское: грянет ли хором с бубнами песнь военную — заликует друг, затрепещет враг; запоют ли хором «Отче наш» — слышит Бог его веру и молитву сердечную! Люблю я своих воинов, с малолетства стал любить их, а теперь в восхищении от их терпения, безропотности, даже радости, что вот-де и они «сподобились» постоять за Русь-матушку, за царя-батюшку, за веру православную — это их слава!

* * *

25 ИЮНЯ. Утро; стоим в Оби. Услышал звон в железнодорожной церкви и поспешил к богослужению. К обеду купил себе пару копченых стерлядей за двадцать пять копеек; не поверил, когда сказали цену; ведь это вкуснее сига, впрочем, стерляди в Оби сколько угодно, потому и дешево.

* * *

26 ИЮНЯ. Тронулись в дальнейший путь. Началась тайга сибирская, местность холмистая, покрытая сплошь лесом; деревья уже не чахлые, как в Барабинской степи, а огромной высоты и толстые. Встречается много полян и оврагов без леса, они покрыты густо высокой травой, такой высокой, что коровы видны только наполовину; масса цветов разнообразных оттенков! Возделанных полей почти нет, сел — ни одного не встретили до вечера, а лишь при станциях пять-шесть домов новоселов-переселенцев, еще не устроившихся и не обстроившихся. На станции Чабула я разговорился с мужичком — переселенцем Курской губернии — о земле; он сказал, что землю еще правительство не делило между ними, а пашет каждый, где хочет и сколько хочет, также и косит; только деревьев без разрешения лесничего рубить нельзя; да они и боятся уходить далеко в тайгу: можно легко погибнуть.

Солдаты наши купили две косы и косят на каждой остановке сено, сколько хотят. Вот в какую страну приехали, странно как-то даже!

Из дорожной книги

В старой России большое внимание уделялось географической и познавательной литературе, которая рассказывала обо всех уголках необъятной Империи. Наглядным примером такой литературы может служить многотомное издание «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга русских людей». (С.-Петербург. Издание А. Ф. Девриена. 1907 год).

Выходило это многотомное издание при активном участии и под редакцией известного путешественника и ученого помощника Председательствующего Отделения Физической Географии Императорского Русского Географического Общества В. П. Семенова–Тянь-Шанского.

Шестнадцатый том посвящен описанию Западной Сибири, в том числе и тех мест, которые входят сегодня в территорию Новосибирской области.

ПО ВЕЛИКОЙ БАРАБЕ И ДАЛЬШЕ

 громное гладкое пространство между Иртышом и Обью, прорезываемое ныне Сибирской железной дорогой, занимает так называемая Бараба или Барабинский край. Это обширная черноземная равнина со множеством мелких озер и болот, промежутки между которыми покрыты в северной ее части (восточные части Тарского и северные Каинского округов) смешанной лесной растительностью, а иногда и хвойными лесами, а в средней, прилегающей к рельсовому пути — оазисами мелкого дровяного березняка (колками) попеременно с луговой степью. В своей южной части лесостепная Бараба постепенно утрачивает лесную растительность и незаметно сливается с почти безлесной Кулундинской степью, будучи покрыта необыкновенно высоким, пестреющим яркими красками цветов «большетравьем». Монотонный, хотя и своеобразный вид природы сопровождает путника по этому краю: по обеим сторонам расстилается на бесконечную даль обширная травянистая равнина, среди которой кучками, нередко сливающимися на горизонте в сплошной зеленеющий пояс, разбросаны небольшие рощицы из берез, осин и тальника; местами среди травы блестит зеркальная поверхность озер или

выделяются из общей зелени солончаки своей темной и серой массой, а иногда белые, как снег.

Несколько десятков лет тому назад Бараба была покрыта гораздо гуще березовым строевым лесом, но местные жители, пуская весной палы для очистки своих полей от сухих трав, безжалостно истребили их. Главный элемент населения составляют русские, но среди них в отдельных поселках живут и татары, и киргизы. Поселки строятся обыкновенно в одну линию и весьма тесно: березовые избы с земляными крышами, а иногда и совсем без последних — безо всякой необходимости громоздятся одна на другую; все надворные постройки состоят из амбара, навеса и огороженного частоколом, открытого сверху загона для скота; дворы и улицы вследствие того, что навоз никогда не убирается, грязны и смрадны и нередко обращаются в сплошное навозное болото; но это не мешает впрочем поддерживать чистоту внутри жилищ. В селении не видно ни одного деревца, ни кустика; только татарские деревни почти все без исключения расположены около роц, тщательно ими сохраняемых. Барабинцы (татары)-мужчины представляют собой народ крепкий и статный, тогда как женщины малорослы, тщедушны, со скуластыми, плоскими лицами; толстые губы окаймляют огромный чернозубый рот; нос небольшой, сильно вздернутый кверху. Домовитостью они не отличаются, хотя особых неудобств от этого барабинцы, кажется, не видят. Жители Барабы все — большие любители чая, который вполне заменяет им иногда прочее варево. Самовар подается на стол раз 5–6 в день. Чай пьют с хлебом, обмакивая его в растопленное коровье масло и в толченый зеленый лук; зимой к чаю подают картофель, грибы, квашенную капусту и соленые огурцы. Хлеб

едят пшеничный. Несмотря на обилие рогатого скота, свежее или соленое мясо употребляют не так часто, как можно бы ожидать; варево если варят, то с рыбной приправой или с грибами. Все барабинцы, за исключением притрактовых селений, промышлявших до последнего времени извозом, — хлебопашцы; тем не менее далеко не у всех хватает своего хлеба на год, и добрая половина населения бедствует, находясь в неоплатных долгах у соседей-кулаков. Ввиду отсутствия домашнего приготовления холста и сукон они больше тратят на одежду и, нужно сказать правду, много пропивают (для выпивки иногда продается последний скот или хлеб). Но главная причина несостоятельности барабинца — это его лень; широкий земельный простор и вообще сравнительно богатая природа избаловали его и отучили от серьезного труда. Скотоводство при обширном раздолье лугов требует немного труда, а между тем доставляет главные продукты сбыта (мясо, сало, масло, шкуру и кожи), но и оно ведется кое-как («заготовлю корма — ладно, а не то и так сами прокормятся»), и скот действительно зачастую сам добывает себе корм из-под снега.

Редкий барабинец целое лето занимается земледелием; весной сеет и боронит сам, но для уборки хлеба и сена подыскивает поденщиков из ссыльных или обедневших соседей или новоселов, а сам домоседничает за чаем. Особенно избаловано возможностью легкой наживы притрактовое население, занимавшееся с давних пор извозом, дворничеством и иногда легким грабежом товаров. Смелое, дерзкое и нахальное притрактовое барабинское население во время усиленного передвижения по Московскому тракту не стеснялось обрезать тюки с возов и дровен и драло, где можно, немилосердно с проезжающих, причем все таким образом «бла-

гоприобретенное» конечно шло на пропой, но долгов не было.

Теперь пришла пора расплачиваться за старые грехи, и вместо легких притрактовых промыслов, убитых железной дорогой, приниматься за заброшенное земледелие. Единственный способ справить праздник у местного населения — это многодневное пьянство, в котором принимают горячее участие и женщины; обычный конец его — генеральная драка. У баб есть свой бабий праздник по окончании рубки капусты; этот подвиг они считают долгом праздновать недельным пьянством и целыми днями с песнями разъезжают по улицам. Таким же образом они заканчивают и другую свою работу — трепанье льна. Здешные женщины сравнительно довольно набожны и часто посещают церковь, но видеть в церкви мужчин — большая редкость (многие не бывают в церкви по 10 и более лет).

Легкость нравов и неразборчивость в сердечных отношениях в кругу здешнего крестьянства являются причиной большого распространения заразных болезней. Той же свободой отношений между молодежью объясняется и тот факт, что крестьяне выбирают себе жен непременно из другого поселка: «зазорно жениться на своих девках, — их всяк знает»; неудивительно, что и на второй день свадьбы редко приходится свахам разъезжать по улицам, размахивая снятой с молодой рубашкой, и восхвалять ее и родителей, а чаще всего приходится слышать песни скабрезного содержания, выражающие укоры родителям новобрачной и насмешки над молодым. Невесты здесь ничего не приносят в приданое; наоборот, жених делает подарки родителям молодой деньгами, а ей — вещами (обычай наверно заимствован от аборигенов Сибири). В Барабе

легко смотрят на незаконные сожителства, и здесь существуют так называемые «общинные», т. е. разрешенные обществом браки. Дети от таких невенчаных браков считаются между крестьянами прижитыми в законе. Здесь по всей вероятности сказалось влияние старообрядцев-беспоповцев, которых много в Барабе.

Настоящим бичом для придорожных селений Барабы является «пшана», — многочисленный контингент бродяг-ссылных, пользующихся всем, что плохо лежит. Особенно бесцеремонны они во время зимних холодов, когда, забиваясь в бани, они подолгу живут там незваными гостями; крестьяне, боясь их самоуправств и поджогов, не только не трогают своих временных жильцов, но приносят к баням хлеб, молоко и масло, — иначе начнут исчезать гуси, куры и поросята. Если бродяге надоели пешие хождения, он берет в поле чужую лошадь и совершает путешествие, пока обессиленное от бескормицы животное не падет на дороге. Не желая подвергать свое существование зимним невзгодам, «пшана» чаще заявляет местному начальству, что он ушел с места приписки: этого оказывается достаточно для того, чтобы бродягу задержали и посадили в острог, чего он только и желал, так как его там обуют и оденут в казенное платье, и таким образом целую зиму он будет в тепле и сыт, а весной, когда по этапу его доставят на место приписки, он сбудет казенное платье и, приобретя мешок для сбора подаяния, котелок и прочие доспехи бродячей жизни, снова пустится в бесцельное странствование. Нередко встречаются с бродягами и женщины, от семьи и мужей пошедшие за бродягой; когда возлюбленный начнет тяготиться ею, как лишним ртом, то в лучшем случае бросает на произвол судьбы, а иногда и прикончит с ней при помощи своего дорожного ножа. Но к ссыльному

барабинцы уже присмотрелись и с тем горем, которое причиняет бродячий элемент, обтерпелись. Настоящими своими врагами теперь они считают переселенцев, через которых идет «утеснение» в земельных угодьях. Свои права на привольную сибирскую землю они основывают на том, что «деды взяли ее у нехристя, и много погубло наших сородичей, пока не выгнали «смердячих»(татар). Мы собственники, а не «пшпана» какая-либо или самоходы, которые заели Россею, а ныне напуцаются на наше добро». Горько обижаясь на «утеснения», барабинец уверен, что это проделка чиновника, а когда слух дойдет до царя, то он прикажет министрам наделить их землей с кабинетской дачи (Алтайского округа).

Здесьние переселенцы невыгодно отличаются по внешнему виду от старожилов; в их жилищах больше грязи и нечистоты; только насмешки со стороны старожилов мало-помалу начинают приучать переселенцев к некоторой чистоплотности. Лапти и одежда из домо-тканика дают повод франтоватому сибиряку обзывать переселенца «лапотником» и «синюшником». Большая грамотность, по сравнению с сибиряками, большая религиозность, нравственность и знание ремесел иногда составляют выгодно отличающие переселенца качества. Крестьяне из северной половины Европейской России вообще легче устраиваются в Сибири, в то время как южане применяются к местным условиям медленно. Особенно им не нравится отсутствие фруктовых деревьев и таких огородных овощей, как арбуз, тыква и пр., не растущих в Западной Сибири.

* * *

Возвращаемся к Сибирской железной дороге. За станцией Шадринской, уже в пределах Каинского округа

Томской губернии, находится на ней ст. Татарская, расположенная в 1 1/2 в.* от одноименного селения и представляющая собой торговый пункт с оборотом в 90 тысяч рублей при 10 предприятиях, из которого значительная доля падает на торговлю мануфактурой. Близ станции Татарской в полосе отчуждения выстроена деревянная церковь. При церкви имеется дом для приезжающих прихожан, дом для причта и церковно-приходская школа. При станции выстроен врачебно-питательный переселенческий пункт с бараками на 300 человек преимущественно для переселенцев, водворяющихся в Каинском округе, и склад для сельскохозяйственных орудий. В районе влияния станции находится до 15 селений с 10 тысячами душ обоого пола, расположенных в благоприятной местности для ведения сельского хозяйства и скотоводства. Поэтому станция грузит до 300 тыс. пудов сельскохозяйственных грузов и сверх того отправляет немало живности в Петербург и Москву.

В черте этого района находятся маслодельные заводы Мариупольских, Радина, Сосновского, Попеля и Вейса, выделяющие в год до 15 т. п.** сливочного масла. К югу от станции до озера Чанов тянется ряд значительных торговых сел. Так, село Курганское, с общим оборотом в 75 тысяч рублей, главным образом сбывает масло местного производства. Казатульское (оборот 85 тысяч рублей) торгует мануфактурным товаром и вином, Кулында (оборот 250 тысяч рублей) имеет крупный оптовый склад жировых продуктов с оборотом в 200 тысяч рублей и мануфактурную торговлю, и Юдинское (оборот 150 тысяч рублей) ведет мануфактурную и винную торговлю.

* в. — верстах (здесь и далее)

** т. п. — тысяч пудов

За Татарской железный путь достигает ст. Карачей (1952 в.), расположенной в местности болотистой, окаймленной березовыми колками. Водой пользуются из ближайшего озера. Около станции образовался с 1896 года поселок Ново-Покровский в 300 д. об. п.* из переселенцев Орловской губернии. Все женщины поселка занимались на родине плетением кружев, но на новым местах вследствие отсутствия сбыта, ремесло не развивается. В районе влияния станции насчитывается 9 сел и 13 деревень с населением в 25 т. душ об. п. с 12 маслодельными заводами, вырабатывающими в год до 10 т. п. сливочного масла. Густонаселенная, примыкающая к станции местность ежегодно доставляет свыше 400 т. п. разного груза для отправки в портовые города и на внутренние рынки Империи — хлеб в зерне и муку (250 т. п.), мясо, рыбу, птицу битую и масло; грузы доставляются главным образом из лежащего к северу от станции по Каинско-Тарскому тракту ряда торговых сел.

К юго-востоку от станции Карачей в 25 верстах находится обширное озеро Чаны, самое большое из озер Томской губернии (2960 кв. верст, при наибольшей длине 74 в. и ширине 58 в.). Отлогие берега озера поросли камышом и изобилуют займищами и низкими лугами, через которые при половодье озеро сообщается с другими близлежащими мелкими озерами. На озере много островов, частью заселенных; на острова слетается большое количество лебедей. Озеро славилось прежде рыбой, но теперь его рыбное богатство несколько уменьшилось, и некоторые породы рыб совсем перестали в нем ловиться; однако окунь и чебак попадают еще в изобилии. Из озера ежегодно сбывается до

* д. об. п. — душ обоего пола

100 т. п. частиковой рыбы, частью поступающей для отправки на железную дорогу; значительная доля рыбы идет в мороженом виде. Наиболее значительны притоки озера Чанов — речки Каргат и Чулым.

В 15 верстах от станции Карачей находится небольшое целебное озеро Карачинское (Татарское), лежащее в открытой и сухой местности. Озеро состоит в ведении управления государственных имуществ; вода озера светлая, горько-соленая и при употреблении внутрь производит расстройство желудка. Ил, находящийся на дне озера, имеет сильный сернистый запах. Вода содержит в себе примесь серной, соляной и угольной кислот в соединениях с натрием, магнием, известью, калием, аммиаком и железом. В иле, кроме того, обнаружены алюминий, кремневая и фосфорная кислоты и свободный сероводород. Летом больные здесь лечатся от ревматизма, венерических и других болезней, преимущественно накожных. Озеро арендуется частным предпринимателем. Больные помещаются в устроенных бараках, в которых имеются до 50 номеров и при них помещения для горячих ванн и баня. Здесь же от татар можно приобретать и хороший кумыс. Вблизи озера расположена небольшая березовая роща с разбитыми в ней дорожками, но хорошего леса нет. Благодаря удобному положению вблизи железной дороги и некоторым приспособлениям для купания курорт привлекает к себе с каждым годом все больше и больше посетителей.

За Карачами на железной дороге следует станция Тебисская (996 в.). Местность здесь болотистая, и летом наблюдаются частые заболевания лихорадкой; вода озерная неудовлетворительного качества. Близ станции начинается поселок. Станция расположена в 4 в. от одноименного селения (300 д. об. п.). В районе

влияния станции насчитывается 4 села и до 10 деревень с населением в 9 т. д. об. п. Из прилегающего района отправляется ежегодно свыше 100 т. п. разного земледельческого груза на внутренние рынки Империи.

В верстах 30 к юго-востоку от станции в селе Круглоозерном бывает значительная ярмарка с 1 по 6 ноября (Козьмодемьянская).

За Тебисской железный путь достигает станции Каинская. Местность вокруг станции ровная, окаймленная березовыми колками и болотами. При станции имеются деревянная церковь, саманная церковно-приходская школа и врачебно-питательный переселенческий пункт с бараками на 60 человек преимущественно для переселенцев, водворяющихся в Каинском округе. Район влияния станции обнимает кроме города Каинска до 17 сел и деревень с земледельческим населением в 8 т. д. об. п. Отсюда ежегодно отправляется до 500 т. п. разного груза в портовые города и на внутренние рынки Империи. В состав экспорта входят спирт, вино, пиво, хлебные грузы (до 300 т. п.), мясо, сало, птица и рыба.

* * *

 12 верстах к северу от станции находится окружной город Томской губернии Каинск, расположенный среди Барабы, при впадении реки Каинки в Омь, на бывшем большом Сибирском тракте. В 1722 году близ настоящего городского поселения была построена, для защиты мирных барабинских татар от нападений калмыков и киргиз, небольшая деревянная крепость «Каинский Пас». Возникшая около укрепления слобода в 1772 году была перенесена на место нынешнего города и в 1782 году переименована в уездный город Тобольского наместничества, но вскоре обращена в

заштатный. В 1804 году Каинск был приписан в качестве окружного города к образованной тогда Томской губернии. В настоящее время в Каинске насчитывается 5 900 душ обоего пола. Значительную часть населения составляют ссыльные евреи, для изолирования влияния в Сибири еврейской эксплуатации, в продолжении многих лет причислявшиеся «приказом о ссыльных» исключительно к городу Каинску. Большинство ссыльных евреев препровождается сюда из России за контрабанду на западно-европейской границе. В Каинске имеется 2 церкви, синагога и 5 учебных заведений, женская прогимназия, уездное, два приходских училища и церковно-приходская школа. Около города расположена сельскохозяйственная образцовая ферма, основанная на пожертвование купца Ерофеева; при ней имеются образцовый маслодельный завод и пчеловодная пасека. В городе есть метеорологическая станция. Торговое значение города невелико, особенно если принять во внимание его выгодное положение вблизи железного пути и на главном Сибирском тракте. Фабрично-заводская промышленность еще мало развита: общий оборот ее не превышает 400 т. р.*, включая сюда и маслодельные заведения. Большая часть этой суммы приходится на долю винокурного завода Ерофеева (220 т. р.); в городе имеются еще значительный кожевенный и пивоваренный заводы. Из общего оборота торговых предприятий (2 300 000) около 1 миллиона падает на мануфактурную торговлю и более 400 т. р. — на торговлю жировыми продуктами. Обороты каинских ярмарок (Михайловской 8—17 января и Петропавловской 29 июня — 8 июля) незначительны.

* т. р. — тысяч рублей

В 20 верстах от станции Каинска на юго-запад находится Устьянцевское озеро близ села того же наименования, с водой, близкой к водам Карлсбада, Франценсбада, Мариенбада и Ессентуков № 4. Водой этой пользуются при желудочно-кишечных катарах. Приспособлений для купания на озере нет, и большинство больных устраивают себе раздевальные палатки из березняка. Больные помещаются в крестьянских избах села Устьянцевского, расположенного при озере. Хороший кумыс достают от татар и киргиз. Местность здесь сухая, открытая, проселочная дорога от железнодорожной станции до озера хорошая. Озеро невелико — около 300 сажень в поперечнике, глубиной не больше 2 аршин, летняя температура воды колеблется между 10–18° Реомюра. От всех других озер Западной Сибири вода его отличается значительной примесью соды и присутствием фосфорнокислых солей. Химический анализ показал присутствие в устьянцевской воде углекислого, сернокислого и хлористого натра, фосфорнокислого натра, углекислой магнезии, железистых, йодистых и бромистых соединений. Вода молочного цвета, имеет горько-соленый вкус и отзывается сероводородом. Она щелочной реакции и сильно мылится. К сожалению, озеро никем не оберегается от засорения; ежегодно в него попадает порядочное количество навоза с дороги, проходящей зимой по льду озера; его грязнят также мытьем белья и пр.

Из Каинска идет тракт на Тару, под косым углом уклоняющийся от железного пути к северо-западу. Тракт в пределах Каинского округа совпадает с большим Сибирским трактом, и потому окрестная местность значительно оживлена в торговом и промышленном отношениях. Первая от Каинска на тракте станция Булатова представляет собой значительный торговый пункт (оборот тор-

говли мануфактурными товарами достигает 75 т. р.). В Булатове и окружающих его селениях имеется несколько значительных маслодельных заводов. Это одно из старинных селений в Барабе, возникшее вскоре после 1753 года, когда для заселения тракта было приказано перевести сюда крестьян Кольвано-Вознесенских заводов. Тогда же были основаны и следующие станции по тракту Антопинская и Покровское. Последнее было основано под именем Ичинской зимовки. В Покровском имеется также несколько маслоделен. К северо-востоку от станции, в селе Верхне-Ичинском находится крупный винокурный завод Шкроева; производительность завода достигает 100 тысяч рублей. Станция Трумово расположена на месте существовавшей в XVIII веке Турумовской зимовки. В нескольких верстах к югу от нее в Поповой заимке находится значительный склад мануфактурных товаров (оборот около 70 тысяч рублей).

Как экономическим, так до некоторой степени и культурным центром всей северо-западной части Каинского округа, является следующая станция — Н. Тартас или село Спасское, имеющее около 2 1/2 тысячи жителей, православную церковь, римско-католический костел, хорошо обставленное училище, почтово-телеграфное отделение, приемный покой с врачом и двумя фельдшерами при нем, камеру начальника по крестьянским делам и волостное правление. В селе собирается три ярмарки: Крещенская, продолжающаяся от 6 до 10 января, трехдневная Троицкая и Михайловская от 8 до 12 ноября; на них производятся значительный привоз и продажа продуктов сельского хозяйства, которые местными торговцами отправляются на железнодорожную станцию Карачи и далее в Европейскую Россию. На Троицкой ярмарке производится преимущественно торговля лошадьми, кото-

рых приводится сюда 600–700 голов. Кроме того, в селе происходят еженедельные базары по субботам. Общій оборот 20 его торговых заведений превышает 350 тысяч рублей. На первом месте стоит мануфактурная торговля (150 т. р.), затем торговля жировыми товарами (40 т. р.) и вином (50 т.р.).

В селе Спасском имеется несколько промышленных заведений. На первое место среди них должно поставить крупный маслодельный завод Томилова, перерабатывающий около 5 1/2 тыс. п. масла. Сбыт масла производится в Лондон, Петербург и Иркутск. Кроме того, здесь имеются значительная мукомольная мельница, три кожевенных завода, салотопенный, мыловаренный, три заведения, выделяющие овчины и красящие их черной краской, причем одно из них приготовляет черные шубы, пальто и пр. Спасское является узловым пунктом, от которого идут тракты во все стороны: к северу в село Киштовское и далее в описанные выше: Тарский край и вверх по реке Тартасу в село Шипчинское — значительное торговое селение (оборот его заведений достигает 80 тысяч рублей).

Население по Тартасу занимается сплавом леса до Оми. На юг от Спасского вновь проложен почтовый тракт на станцию Сибирской ж. д. Карачи. К югу от Спасского, при устье реки Тартаса, был старинный Усть-Тартасский форпост, с рогатками и валом. Вместе с его основанием в 1722 году было положено и первое начало русской колонизации Барабы. Еще более старинным населенным пунктом представляется следующая станция Вознесенское. До прихода в Барабу русских, на его месте стоял татарский городок Тонтур, куда явился пораженный Ермаком Кучум, склоняя омских татар оказать ему помощь или в крайнем случае отдаться

в подданство Бухары, предварительно выселившись отсюда. Но татары ответили уклончивым обещанием: «иди, — мы придем» («бараман»), и на последующие его призывы они отвечали тем же. С тех пор будто бы Кучум и окрестные татары стали называть омских «барама» или «бараба», откуда и произошло настоящее название местности. Вознесенское — сравнительно оживленное торговое село (оборот около 40 тысяч рублей), наиболее известное своей конской ярмаркой, бывающей в десятую до Пасхи пятницу. На нее приводится до 2 000 голов. Покупщики приезжают сюда из разных мест Сибири — из Томска, Иркутска, Красноярска, Минусинска и Благовещенска, а также из Шадринска и Ялуторовского округа. Следующие станции Камышево и Мураши, представляют собой обе значительные торговые селения с общим оборотом свыше 50 т. р. каждое. За последним селением тракт входит в пределы Тобольской губернии.

* * *

т станции Каинск железнодорожная линия направляется долиной реки Каинки, а затем по водоразделу реки Оми и озера Чанов. Здесь расположена на линии станция Кожурла. Местность вокруг станции болотистая; вода, добываемая для нужд станции из озера Марова, неудовлетворительна. При станции во время постройки железной дороги образовалось два поселка — Св. Александры и Песчаный из переселенцев Тульской, Могилевской и Орловской губерний. При поселке Св. Александры имеется каменная церковно-приходская школа.

В районе влияния станции насчитывается 18 селений (4 т. д. об. п.) и кожевенные заводы Розенфельда в селе

Осиновых Колках на тракте и Абрамовича в деревне Чумаковой. В первом селении бывает значительная ярмарка с 26 по 29 октября (Ростовская). К юго-западу от станции расположилось торговое село Новый Карапуз, общий оборот торговых заведений которого равен 115 тысяч рублей; главную роль здесь играет торговля жировыми продуктами и мануфактурным товаром. К юго-западу от Нового Карапуза расположено значительное озеро Сартлам или Сартлан, занимающее пространство в 288 кв. в., в низменных берегах, богатое рыбой.

Спустившись с водораздела, железная дорога пересекает мостами на 1099-й версте реку Кожурлу и на 1124-й версте — реку Карапуз.

За Кожурлой следует станция Убинская. Местность здесь болотистая, вода — озерная, неудовлетворительного качества. Станция грузит по преимуществу рыбу и земледельческие грузы. В районе влияния станции находится 12 селений (3500 д. об. п.).

К западу от станции расположено село Уба или Убинское (500 д. об. п.). Это старинное селение, возникшее еще в половине XVIII века, в числе первых в Барабе; оно было некогда опорным пунктом. К северо-востоку от станции лежит Убинское озеро (578 кв. в.), самое крупное в Барабе после озера Чанов. Берега озера болотистые, низменные. Озеро богато рыбой, которая в мороженом виде составляет наибольшую часть груза, отправляемого с железнодорожной станции Убинской.

Следующая за Убинской на железной дороге — станция Каргат. Местность здесь довольно возвышенная; водой пользуются из реки Каргата (неудовлетворительного качества, особенно зимой). При станции имеется врачебно-питательный переселенческий пункт с бараками на 60 человек для остановки переселенцев, водво-

ряющихся в Каинском округе. В районе влияния станции лежат 5 селений с 1200 д. об. п. Вблизи станции, на берегу реки Каргата, образовывается поселок из крестьян-старожилов, переселяющихся из соседних селений. Грузовое годовое отправление станции, заключающееся в зерновом хлебе, мясе, масле, коже и др., выражается в 50 т. п.

В 12 в. от станции на Сибирском тракте расположено с. Каргатский Форпост (300 д. об. п.), построенное еще в 1822 году для охраны барабинских татар от нападения киргизов и калмыков. Около станции Каргата железная дорога пересекает главный Сибирский тракт, и потому расположенное на нем, между станциями Каргатом и Чулымом, с. Каргатская Дуброва остается к югу от железнодорожного полотна.

За Каргатом по железному пути следует станция Чулым при одноименной реке, впадающей в озеро Чаны. Местность вокруг станции болотистая, лихорадочная, вода для питья неудовлетворительная. При станции, со времени постройки линии, образовался поселок (120 д. об. п.) из мелких торговцев и рабочего населения. Здесь же построен барак для переселенцев на 30 человек. Станция расположена в 2 верстах от одноименного селения (290 д. об. п.). В районе влияния станции расположено 5 селений (1200 д. об. п.). Отсюда ежегодно отправляется на западные рынки Империи до 90 т. п., преимущественно хлебного груза.

К югу от станции, на главном Сибирском тракте, расположено торговое село Иткуль; общий его торговый оборот достигает 75 тысяч рублей, причем половина падает на торговлю хлебом, а остальное — на долю мануфактурных и бакалейных товаров. За станцией Чулымом железный путь вновь пересекает большой Сибирской тракт и оставляет на нем к северо-востоку село Сектин-

ское — одно из первых русских поселений в Барабе. К юго-западу от станции Чулым, в северо-западном углу Барнаульского округа, в селениях Суминском и Усть-Суминском, население занято сухой перегонкой дерева.

За Чулымом железный путь достигает станции Душленской (1248 в.). Местность вокруг станции болотистая; пресная вода достается из колодцев и отличается хорошим качеством. В районе влияния станции лежит 4 селения (1000 д. об. п.), и грузовая отправка ее незначительна.

За станцией Душленской железная дорога выходит из пределов Каинского округа в Томский.

На Сибирском тракте, уклоняющемся в этом месте от железного пути к северу, лежат одни от первых по времени возникновения селений Овчинниково и Крутые Лога; в первом из них бывает значительная Никольская ярмарка 8 декабря.

Каинский округ занимает площадь в 66 061 кв. в. с населением около 187 тысяч душ (т. е. 2,8 жителей на квадратную версту) и расположен в бассейнах рек Тары, Оми и озера Чанов, захватывая своей северо-восточной частью окраину Васюганья, а остальным пространством приходясь в Барабе. Среди населения до 6 тысяч татар, 4 1/2 тысячи киргиз, около 2 1/2 тысячи евреев и до 2 тысяч поляков, остальные — русские. Почва округа большей частью черноземная, удобная для земледелия. Главное занятие населения — земледелие и скотоводство; кустарные промыслы развиты слабо.

* * *

 Первая железнодорожная станция в Томском округе — Коченево. Местность вокруг станции ровная, сухая, покрытая мелким березняком. Вода хорошего качества из колодцев. Близ станции расположено значительное одноименное торговое село с общим оборотом

свыше 60 тысяч рублей, из которого более половины падает на хлебную торговлю. В районе влияния станции числится 7 селений с 3 т. д. об. п. Здесь останавливаются переселенцы, направляющиеся в Барнаульский округ. Земледельческий район станции дает ежегодно свыше 500 т. п. разного груза (преимущественно хлебного — до 409 т. п.), отправляемого на внутренний рынок Империи.

Далее станции Коченево железный путь достигает разъезда Чик, около которого и пересекает большой тракт из Колывани в Барнаул. Окрестная местность возвышенная, открытая. Здесь характер барабинской березовой лесостепи изменяется: леса больше, березы по мере приближения к Оби сменяются хвойными насаждениями, и начинают попадаться прекрасные сосновые боры.

К северу от линии расположено значительное торговое село Прокуткино; оборот его 5-и торговых заведений равняется 70 тысяч рублей; преобладает почти исключительно хлебная торговля. Несколько севернее деревни Котковой начинает развиваться шерстобитное ремесло. На пути к следующей станции Кривощекову к северу от дороги, в деревне Толмачевой, и к югу в Алексеевой, значительно развит колесный промысел. Вообще во всех селениях начинает попадаться значительное число лиц, между делом занятых изготовлением разных поделок из дерева.

За Чиком железный путь достигает станции Кривощекова. При станции открыто частное училище для детей обоего пола. Количество отправляемых со станции грузов достигает 1 миллиона пудов, в том числе около 900 тысяч пудов хлебных грузов, которые идут по преимуществу на запад — в Ревель, Ригу, Либаву и Петербург.

К югу от станции расположена деревня Бугор с крупным складом мануфактурных изделий (не менее 50 тысяч рублей).

Верстах в 60 от Кривощекова, вниз по Оби, расположен заштатный город Томской губернии Колывань. На месте его в 1713 году для защиты против набегов киргиз был основан Чаусский острог. В 1822 году Чаусский острог был переименован в Колывань с чуть не состоявшимся назначением его губернским городом Колыванской губернии и административным центром всей Западной Сибири; в следующем же году Колывань стала лишь окружным городом Томской губернии, а в 1856 году оставлена за штатом, причем ее жителям было разрешено переселиться на более возвышенное место на горе, так как расположение города на низменном берегу было неудобно по причине ежегодных наводнений. В Колывани насчитывается 11 700 душ обоюбого пола, 3 церкви и 4 училища, в том числе двухклассное городское. В городе имеется несколько мелких промышленных заведений, 2 салотопенных завода, 3 мыловаренных, 5 свечных, 6 маслобойных, 8 кожевенных, 9 шубных заведений и крупчатая мельница. Общая сумма производства их не превышает 60 тысяч рублей. Торговых заведений в городе около 100 с общим оборотом в 800 тысяч рублей. Развитию торговли Колывани препятствует удаленность ее от железного пути и даже от берега Оби (7 верст). С 24 ноября по 8 декабря в Колывани бывает ярмарка (Екатерининская), оборот которой не превышает 10 тыс. рублей.

На 1328-й в.* линия пересекает реку Обь железным мостом, отверстием в 372, 5 саж. с семью мостовыми пролетами. Пролеты перекрыты верхним строением консольно-балочной системы Гербера, состоящим из четырех свободных и трех уравновешенных пролетов. Все камен-

* Отсчет расстояния Сибирской железнодорожной магистрали велся в то время от Челябинской железнодорожной магистрали

ные опоры моста заложены на гранитной скале, и притом правый береговой бык без кессонов, а левый береговой и речные, начиная со 2-го и кончая 6-м, на кессонах, опущенных на глубину от 0,81 до 3,40 саж. ниже самого низкого горизонта воды. Наименьшее возвышение ферм над меженным горизонтом — 8,23 саж., а над наивысшим заторным — 4,42, при высоте насыпи на левом берегу около 7 саж. и на правом — 5 саж. Ввиду малой толщины наносного грунта над скалистым дном реки у некоторых опор и вследствие незначительной глубины воды, эти опоры заложены были не на кессонах, а непосредственно на грунт с помощью съемных ящичков.

За железнодорожным мостом находится станция Обь (8 в. от Кривошекова, 1332 в. от Челябинска), расположенная на правом, возвышенном и живописном берегу реки Оби. До постройки железной дороги весь холмистый берег был покрыт густым, девственным хвойным лесом, спускавшимся по обрывистым скатам к реке.

Постройки станции широко раскинулись на площади, окаймленной сосновым лесом. Как в начальном пункте Среднесибирской железной дороги, при станции имеется обширное каменное паровозное здание с малыми мастерскими при 450 рабочих. Возле вокзала расположена деревянная железнодорожная церковь, а с другой стороны вокзала — обширное деревянное здание двухклассного училища для детей служащих с театральной сценой в одной из зал; здесь происходят любительские спектакли и воскресные чтения с туманными картинами для рабочих. Близ училища находятся железнодорожная больница и приемный покой. От станции проложена ветвь к пристани на Оби протяжением около 3 верст, и от нее путь на лесопильню, принадлежащую Томскому имению Кабинета Его Величества. Назначение этой ветки во время

постройки было исключительно для подвоза грузов, прибывавших водой для надобностей железой дороги. При увеличении экспорта хлебных грузов и продуктов скотоводства из местностей Алтайского горного округа, как пристани, так и ветви предстоит занять выдающееся значение ввиду того, что большая часть груза, который отправляется в Восточную Сибирь и на Западные рынки Империи, приходит славом из Барнаульского и Бийского округов, и правый берег реки представляет исключительные удобства для стоянки и выгрузки плотов, пароходов и барж. Благоприятные береговые условия для выгрузки товара вызывают и теперь предпочтение отправителей доставлять товары к станции Обь, а не к станции Кривощековой, несмотря на то, что при этом тарифное расстояние увеличивается, составляя для хлебных грузов разницу в 1 р. 53 коп. на вагон. Станция Обь грузит не мене 5 миллионов пудов разных грузов.

Вблизи станции на берегу Оби, в сосновом бору расположен один из обширнейших по Сибирской магистрали врачебно-питательных пунктов, главным назначением которых является оказание помощи переселенцам, направляющимся в Томский округ и в Алтайский горный округ. Здесь же находится и место пребывания переселенческого чиновника. До начала постройки железной дороги, близ места расположения станции, существовал небольшой крестьянский поселок Гусевка Кривощековской волости Томского округа с населением в 104 д. об. п., наделенных землей из владений Кабинета Его Величества. С 1893 года, уже с начала постройки Обь-Красноярского железнодорожного участка, когда только стало выясняться будущее торгово-промышленное значение станции Оби и местности, к ней прилегающей, население, состоящее из

крестьян-старожилов Тобольской, Томской и Енисейской губерний, а также из пришлого переселенческого состава многих губерний Европейской России, массами стала приселяться к небольшому поселку и даже самовольно селиться на близлежащих свободных кабинетских землях. Для урегулирования наплыва населения Кабинетом Его Величества было сделано распоряжение об отводе особой площади в 1600 д.*, прорезываемой рекой Каменкой (притоком Оби), под усадебную оседлость разрастающегося поселка. Широко раскинувшееся поселение было названо Ново-Николаевском, и в настоящее время в нем насчитывается до 15 т. д. об. п. Места для усадебных построек отдавались в аренду на 30 лет с платой от 2 р. 50 коп. до 10 р. в год всем желающим без различия сословий. Управление кабинетским имением оставило за собой право увеличивать арендную плату через каждые 6 лет на 10 %. Состав населения принял городской промышленный характер. В центре поселка, раскинувшегося почти на 10 в. вдоль берегов Оби и Каменки, на сумму, пожертвованную государем, сооружен каменный обширный храм во имя св. Александра Невского, долженствующий служить памятником царю-Миротворцу на великом Сибирском пути, им задуманном. В поселке 2 школы — двухклассная Кабинета Е. И. В.** и церковно-приходская. Здесь существуют все отрасли ремесленного производства. Оборот его 150 торговых заведений стоит выше большей части окружных городов Западной Сибири и достигает 1 1/2 миллиона рублей. По воскресным дням здесь происходят оживленные базары, на которые, в особенности зимой, подвозятся сельскохозяйственные продукты

* д. — десятин

** Е. И. В. — Его Императорского Величества

даже за 200–300 в. — из отдаленных мест Барнаульского и Бийского округов. Торговые обороты базаров достигают 2 миллионов рублей в год. В поселке существует вольное пожарное общество. Извозчиков больше ста, езда по таксе. В поселке открыто несколько транспортных контор и справочная контора Литвинова, дающая ответы на запросы о ценах на различные товары.

Ново-Николаевский поселок служит пунктом, откуда начинается пароходное и грунтовое сообщение с Алтайским горным округом.

От перехода через реку Обь железнодорожная линия поднимается долиной реки Ельцовки на водораздел между реками Обью и Томью и входит на так называемый Сокурский хребет. Местность здесь живописная, лесистая.

По речке Каменке около Ново-Николаевска находятся хорошие ломки гранита.

* * *

 ачиная от правого берега Оби, тянется обильная березовыми лесами лесостепь на гривах, пересекаемая по склонам речных долин узкими лентами небольших боров. Район по преимуществу земледельческий; из неземледельческих промыслов в некоторых селениях занимаются шерстобитно-пимокатным промыслом и разными поделками из дерева. Так, на пути между Кривоцековым и первой станцией Сокуром, в селе Каменском (к югу от полотна) и в д. Мочищах (к северо-западу, на реке Оби) этим ремеслом занимается около 20 дворов. Здесь же несколько дворов занято смолокурением. На юго-востоке от станции в деревне Мотковой насчитывается около 20 пимокатов. Промысел занесен сюда переселенцами; лет 30 тому назад пимы

были большой редкостью, и их заменяла занесенная с севера остяцкая зимняя обувь.

В 42 верстах от Кривощекова (и в 1374 в. от Челябинска), по Сибирской железной дороге расположена станция Сокур, отстоящая в 12 в. от одноименного селения (700 жит.), иначе называемого Барлаком. Станция грузит небольшое количество хлеба и муки.

Верстах в 35–40 к юго-востоку от станции за рекой Иней в чрезвычайно живописной, здоровой и привлекательной, волнистой местности расположено село Карпысак. Дорога идет через вышеупомянутую деревню Моткову, расположенную на Ине. Село Карпысак представляет собой центр рационального пчеловодства; здесь помещаются образцовая пасека г. Покровского и несколько еще прекрасно устроенных пасек. Верстах в 10–15 к северо-востоку от Карпысака расположена живописная горная группа Буготакских сопок. Всех сопок до 12 и расположены они полукольцом; высшие их точки достигают 1280 футов над уровнем моря. С сопки Толстой и Мохнатой открываются обширнейшие, превосходные виды на окрестности. За рядом синееющих грив между прочим видна на горизонте Булантова гора в Салаирском кряже, лежащая по прямому направлению на юго-восток от сопок верстах в сорока. Расположенная за Томско-Барнаульским трактом верстах в 30–40 к юго-востоку от Буготакских сопок северо-западная оконечность Салаирского кряжа с его вершинами — сопками Мохнатой, Голухой, Борками, Белым Камнем и Булантовой (последняя достигает 1378 футов) представляет собой дикую, красивую местность, покрытую большей частью черню*. Превосходнейший вид на окрестности

* Чернь — тайга

вообще и на Буготакские сопки в частности открываются, в свою очередь, с сопки Булантовой, расположенной несколько впереди Салаирского кряжа и сложенной из гранита. К западу от оконечности Салаирского кряжа расположен в котловине между рядами грив Елбашский угленосный бассейн, перерезываемый рекой Бердюю. Уголь здесь, впрочем, пока не разрабатывают.

За Сокуром железный путь достигает станция Ояш (84 версты от Кривощечекова, 1416 в. от Челябинска). Население прилегающего к станции района отправляет хлебные грузы, в том числе более 60 т. пудов пшеничной муки.

В 10 в. от станции расположено с. Ояш (до 700 жит.) при одноименной речке, имеющее волостное правление. Это довольно бойкое торговое село на Московском тракте с общим торговым оборотом около 50 т. р. К западу от станции на реке Оби в селе Дубровино имеется крупная мукомольная мельница с общим оборотом в 180 тысяч рублей. Несмотря на значительную производительность, это промышленное заведение не дает сносной гигиенической обстановки труда и не отличается высоким качеством продукта; хлеб сбывается в окрестностях частью в обмен на разный товар из собственных складов; по преимуществу поступают худшие сорта. Дубровино представляет собой значительное торговое село; оборот его торговых заведений превышает 70 тысяч рублей; торгуют мануфактурными и галантерейными товарами. Далее на северо-запад от Дубровина, в нескольких верстах от левого берега Оби, следует отметить селение Красноярское, население которого выкуривает около 500 ведер дегтя.

Следующая за Ояшем станция железной дороги — Болотное (126 в. от Кривощечекова, 1458 в. от Челябинска), расположенная вблизи одноименного селения

(590 д. об. п.). В селе имеются деревянная церковь и церковно-приходская школа. Станция грузит небольшие партии овса и пшеничной муки.

К станции прилегают селения земледельческого района, но севернее полотна в Елбанском и некоторых других деревнях существуют смолокурное и дегтярное производство.

За станцией Болотным, железная дорога достигает разъезда Барнаульского. Недалеко от разъезда, железнодорожный путь пересекает старинный Томско-Барнаульский тракт, с которым несколькими верстами севернее сходится и оставшийся к северу от полотна большой Московский тракт.

* * *

правляясь из Ново-Николаевска или Кривощекова с пароходом по р. Оби в Барнаул, путник долго не замечает значительных перемен в местности: та же березовая лесостепь, с мощной травянистой растительностью на водоразделах, а по песчаным берегам рек тянутся сосновые боры; там и сям виднеются березовые и осиновые рощи. Все пространство включительно до предгорий Алтая заселено. Население живет сравнительно зажиточно, земли еще много, родит она хорошо. Крестьяне, в значительной части старообрядцы, живут замкнуто и по первому впечатлению недоверчивы и угрюмы, на самом же деле гостеприимны и не скупы.

Первая от Кривощекова пристань — Бердское — представляет собой старинный острог, основанный еще в начале XVIII в. для отражения нападений калмыков и киргиз, а теперь — большое торговое село, имеющее свыше 2.500 жителей. Расположено оно на правом, высоком берегу Оби, около которого тянется

сосновый бор. Здесь помещаются почтово-телеграфная станция, церковь, училище и кумысолечебное заведение. Оборот 20 торговых заведений села достигает 450 тыс. рублей. Главные виды торговли — спиртными напитками, мануфактурным товаром, хлебом и сельскохозяйственными орудиями. В Бердском бывает ярмарка с 8 по 23 ноября (Михайловская). Здесь развит кузнечный промысел.

Около Бердского на р. Берди, недалеко от ее впадения в Обь расположена большая крупчатая мельница Горохова. Плотина ее представляет редкое явление по своему устройству. Каменный (зеленый порфиристый) грунт проходит в этом месте поперек всей реки и образует как бы порог, составляющий природный фундамент для свинок, на которых лежат балки, а от них спущены на дно затворы, спруживающие воду. Такая деревянная плотина во время прохода льда свозится на берег и легко собирается снова. Мельница хорошо оборудована в техническом отношении. Здание мельницы освещается электричеством. Пшеница приобретается в волостях, лежащих выше по течению Берди. При мельнице есть помещения для рабочих, содержатся врач и аптека; для детей рабочих устроены школа, библиотека и интернат на 12 бедных детей, которые содержатся бесплатно и обучаются разным ремеслам: мальчики — токарному, столярному и слесарному, девочки — рукоделию. Оборот мельницы достигает 400 тыс. рублей в год.

В некоторых селениях к востоку от Бердского (Тальменка, Коен и Елбаш), так же, как и в нем самом, развит кузнечный промысел. Сбываются изделия на местных ярмарках — в Сузуне, Крутихе и Барнауле. Вверх по течению р. Берди идут живописные места, причем их живописность увеличивается по мере приближения к

Салаирскому кряжу, из которого Бердь вытекает. Один из красивейших видов по р. Ику, притоку Берди в Салаирском кряже. На полупути от Бердского к Салаирскому кряжу дорога у с. Горлова пересекает так называемый Елбашский угленосный бассейн в южной его части, вытянутый поперек в меридиональном направлении узкой полосой среди высоких грив, поросших березовым лесом.

Не доезжая 9 верст до следующей пристани Атаманова на берегу р. Оби расположилось значительное торговое село Тула (сельское училище). Общий оборот его торговых заведений превышает 100 тыс. рублей. В Туле и Атаманове имеются хлебные пристани, с которых отправляется вниз по Оби пшеница в Томск и крупчатка в Томск и Восточную Сибирь. Тремя верстами выше Атаманова в д. Завьяловой расположена большая крупчатая мельница торгового дома «Богомолов с сыном». Общий оборот ее превышает 250 тыс. рублей. Здесь применены наиболее усовершенствованные вальцы, жернова, машины и сита. Мельница освещается электричеством. При ней живут фельдшер, акушерка и имеется аптека для рабочих; тяжелое для поселка условие, заключенное с владельцем завода относительно разгрузки и перегрузки доставляемого на мельницу хлеба и отправляемых продуктов, тяжело отзывалось в конце XIX в. на экономическом положении населения д. Завьяловой.

Следующая пристань — Красный Яр — значительный торговый пункт, имеющий 6 торговых заведений с общим оборотом свыше 90 тыс. рублей; главные виды товара — мануфактурный и хлебный. В селе имеется церковно-приходская школа. В окрестных селениях и южнее значительно развита хлебная торговля: общий

оборот ее по Барнаульскому округу, считая только мелкие торговые села кроме отмеченных, превышает миллион рублей.

За Красным Яром следует с. Ордино (сельское училище, волостное правление и около 1.700 жителей обоого пола), — крупное торговое село, оборот торговых заведений которого превышает 160 тыс. рублей. Главные типы торговли здесь — мануфактурная, хлебная и спиртными напитками. В Ордине развито экипажное производство: выдвываются выездные экипажи, летние на деревянных и железных осях, парные сани и зимние повозки; здесь же они и оковываются местными кузнецами. Главный сбыт — на ярмарках в Крутихе и Сузуне, а также и на местных. В Ордине бывают Дмитриевская ярмарка с 26 октября по 1 ноября и Троицкий трехдневный торжок.

Следующая за Ординым пристань — Спирино — большое село (церковно-приходская школа); торговый оборот его достигает 140 тыс. рублей; преобладающие виды торговли — мануфактурная и хлебная.

Четырмя верстами выше в д. Миловановой развито гончарное производство; изделия не отличаются прочностью и красотой, и заработок кустарей очень скуден (10–20 руб. в год). Причина медленного развития промысла — в том, что он распространен в форме обыденного домашнего занятия. Редкая сибирячка этих мест не сумеет сама смастерить простую кринку или горшок; к покушному товару обращаются редко.

Участок Оби между Спириным и следующей пристанью Камнем представляет собой едва ли не самую оживленную в экономическом отношении часть из всего Барнаульского округа.

Обь и ее притоки

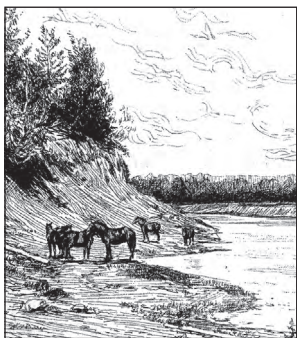
Озеро Яркуль

Озеро Чаны

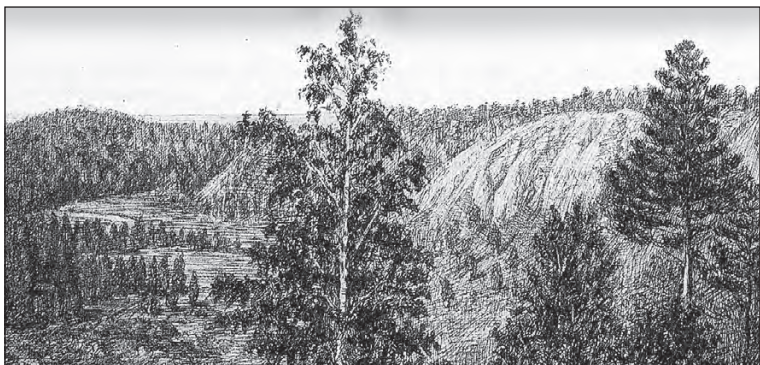
Вид Барабинской степи

р. Иня, приток Оби

Тайга

Салаирский край

Партия ссыльно-каторжных в Сибири

Почта в степи

*Деревенский
крестный
ход в Томской
губернии*

*Ломки гранита
у Кривощеково
близ Оби*

*Западно-
Сибирская
железная
дорога
в Барабе*

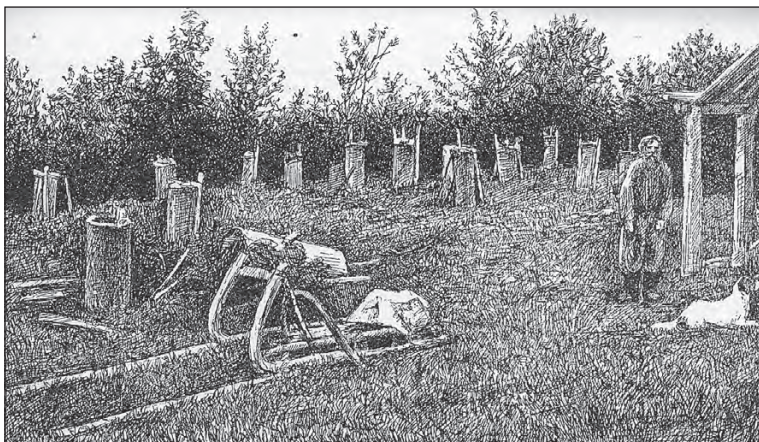
*Въезд в
русскую
деревню
в Западной
Сибири*

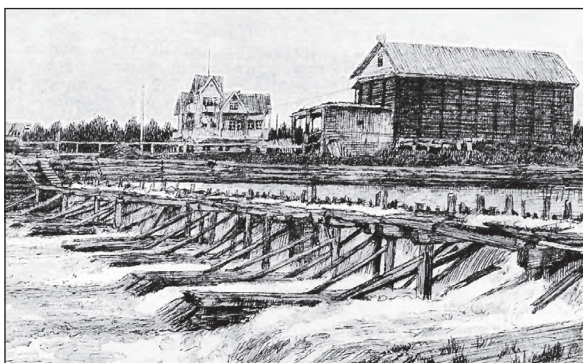
*Типы русского
населения
Томской
губернии*

Двор бедного сибиряка

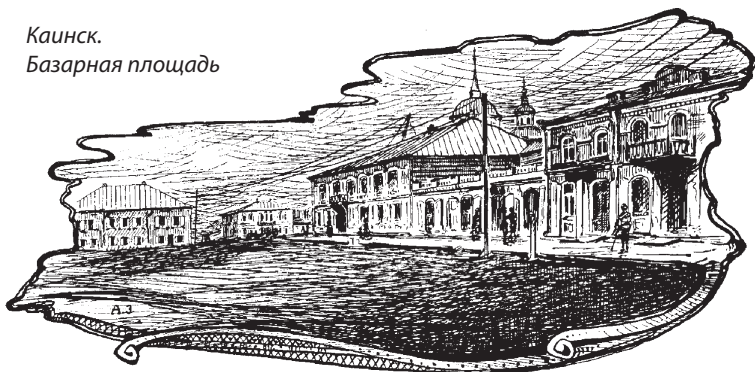

Пасека на поляне в черни (в тайге)

*Мельница
близ
с. Бердского*

*Кайнск.
Базарная площадь*

Церковь в Каинске

С. Карпысак

*С. Убинское
Каинского округа*

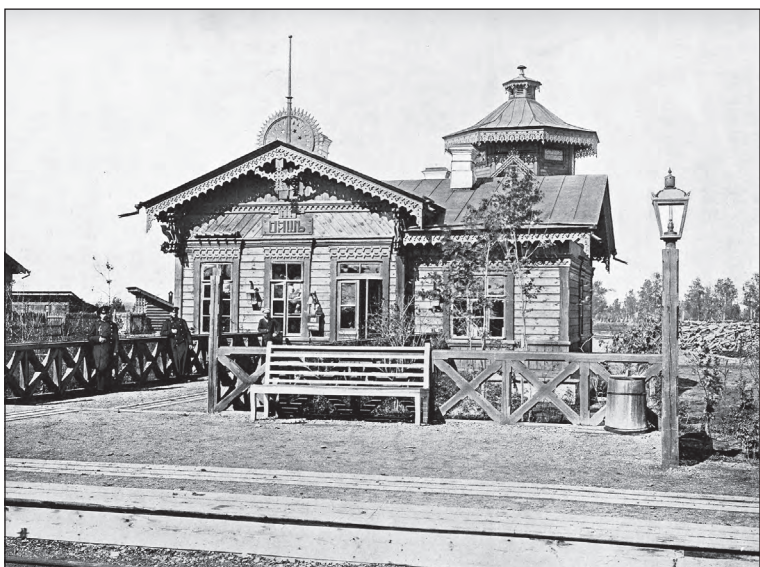
Общий вид Ново-Николаевского поселка

Пристань на реке Обь

Степной вид

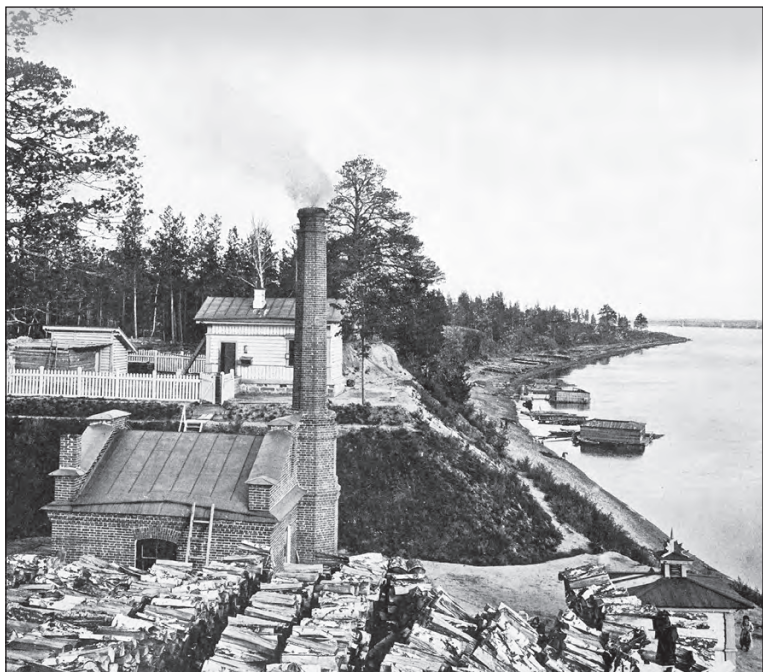
Пассажирское здание на станции Ояш

Пассажирское здание на станции Обь

Общий вид станции Обь

Водоподъемное здание на станции Обь

Вагон-церковь

Содержание

<i>С.М. Середонин</i>	
Исторический очерк завоевания Азиатской России	5
<i>Б.В. Безсонов</i>	
Казачьи и казацкие земли в Азиатской России.....	74
<i>П.П. Любимов</i>	
Православная христианская вера в Сибири	115
<i>Петр Симон Паллас</i>	
«Положение места весьма приятно...»	155
<i>Александр Черкасов</i>	
На Алтае	173
<i>П.И. Небольсин</i>	
Заметки на пути из Петербурга в Барнаул.....	195
<i>О. Митрофан Сребрянский</i>	
«Это их слава...».....	217
По великой Барабе и дальше	223

ПО СТАРЫМ ДОРОГАМ

*Западная Сибирь в исторических исследованиях
и путевых записках XVIII – XIX – начала XX в.*

Издательский Дом «Сибирская горница»

*Редактор М. Щукин
Технический редактор М. Косарев
Корректор Л. Прокопенко
Обложка О. Бусов*

В оформлении обложки использован фрагмент панорамы П. Пясецкого
«Великий Сибирский путь»

*Иллюстрации из книг «Живописная Россия», т. XI, «Западная Сибирь»;
«Россия. Полное географическое описание нашего Отечества», т. XVI;
«Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. 1900 г.»*

Сдано в набор 05.08.2009 г. Подписано в печать 5.11.2009 г.
Уч.-изд. л. 15,63. Формат 84х108/32. Бумага офсетная. Тираж 200 экз. Заказ №1029

Отпечатано в типографии Издательского Дома «Сибирская горница»
Новосибирск, ул. Владимировская, 17. Тел. 243-65-88